

«Последний рыцарь нашего кино»

(стр. 4)

О жизни и творчестве художника Пьера Боннара читайте на странице 70.

Замечательные современники

<i>Андрей Колобаев</i>	Вячеслав Тихонов. «Последний рыцарь нашего кино»4
<i>Елена Воробьева</i>	Алексей Новиков: «Никогда не останавливайтесь на достигнутом»65

Это интересно

<i>Дмитрий Зелов</i>	Озёрное чудо 26
<i>Евгения Гордиенко</i>	Сельма Лагерлёф 52

Неизвестное об известном

<i>Юрий Осипов</i>	«Родник текучего огня» 37
<i>Алла Зубкова</i>	Талейран. Король дипломатов 90

Шедевры

<i>Ирина Опимах</i>	Пьер Боннар. «Молодые женщины в саду» 70
---------------------	---

Поэзия

<i>Кира Марченкова</i>	Стихи 80
------------------------	-----------------------

Рассказ

<i>Сергей Шувалов</i>	Осенний марафон 83
<i>Евгений Касаткин</i>	Изгои 104

Судьбы

<i>Светлана Бестужева-Лада</i>	«Узница жизни» 113
--------------------------------	---------------------------------

Остросюжетный роман

<i>Георгий Ланской</i>	Право последней ночи 124
------------------------	---------------------------------------

Кроссворд. Эрудит

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич
smena-the-best@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Вячеслав Тихонов в роли Андрея Балконского
в фильме «Война и мир»

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через:
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение 1
+7 (495) 744 5512

© ООО «Журнал «Смена»

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников интернета.

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж —

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 19.11.2019

**Выпуск издания осуществляется при финансовой
поддержке Федерального агентства по печати и мас-
совым коммуникациям**

«Дарья Лейхтенберг-Романовская, правнучка императора Николая I, в первом замужестве — княгиня Кочубей, по собственной воле и с необыкновенным энтузиазмом не только прожила двадцать лет в послереволюционной России, но и приняла советское гражданство. Необычная и полная тайн судьба этой женщины, как ни странно, почти не привлекала внимания историков. Возможно, потому, что ее сиятельное происхождение как-то не воспринималось всерьез. Слишком уж высокородной и необыкновенной была эта женщина, в которой слилась кровь нескольких поколений высшей аристократии, причем не только российской. Зато ее гибель была довольно предсказуемой и типичной для того времени: пуля в затылок из чекистского маузера...

Светлана **Бестужева-Лада** «Маленькая герцогиня романовской крови»

«Стыдно русскому человеку не знать о жизни и смерти такого человека, каков был князь Александр Данилович Меншиков. Недаром любим он был от величайшего в свете Государя; человек был отменного разума», — писал в свое время граф И.Г.Чернышев. И действительно, судьба Меншикова была полна таких взлетов и падений, что хватило бы не на одну человеческую жизнь. Его называли «полудержавным властелином», фаворит Петра I был ключевой фигурой не только в России, но и в отношениях с иностранными государствами. Умер он в ссылке, в возрасте 56 лет, в далеком сибирском городке Березове. Его внезапное появление при Петре Великом, головокружительная карьера и стремительное падение при Петре II — еще при его жизни было окутано тайной. Причем такой же, какой стала и его смерть

Дмитрий **Зелов** «Данилыч»

«В 1925 году в Европе широко отмечали 50-летний юбилей поэта Эриха Рильке. Поздравил его и русский художник Леонид Пастернак (отец Бориса Пастернака), которого связывали с Рильке давние и теплые отношения. Тогда Пастернак жил в Берлине и очень хотел написать портрет поэта. В результате он его и написал. Но речь сейчас идет совсем о другом портрете Рильке — о работе художницы Паулы **Модерзон-Беккер**, которая осталась и в биографии самого поэта, и в биографии этой выдающейся немецкой художницы. Паула скончалась в возрасте 31 года, на самом пике своей творческой славы. Последние ее слова были: «Как жаль...»

«Окончание остросюжетного романа Георгия **Ланского** «Право последней ночи»

Андрей Колобаев

Вячеслав Тихонов

«Последний рыцарь нашего кино»

Вячеслав Тихонов прожил без преувеличения яркую жизнь — в ней были и знаковые роли, и небывалая зрительская любовь, которой мало кто из актеров может похвастаться. Редчайший случай — его обожали и власти, и народ, и — чего уж греха таить — славные советские спецслужбы, особенно ГРУ и КГБ. В его жизни были и восхитительные женщины — достаточно сказать, что его первой женой была замечательная Нонна Мордюкова. Почти все его партнерши признавались, что «мечтали «играть любовные сцены с самим Тихоновым». Одна из красивейших актрис нашего кино — Ирина Алферова — как-то обмолвилась, что была безнадежно влюблена в красавца Тихонова. Знаменитая «Шурочка Азарова» из «Гусарской баллады», она же Лариса Ивановна Голубкина, недавно мне по секрету сказала, что в юности ни один мужской экран-

ный образ не тронул ее сердце, пока она не увидела сыгранного Вячеславом Васильевичем военного моряка русской царской армии в фильме «Максимка». «Глаз было не отвести!» Еще бы — аристократический профиль, правильные черты лица, врожденная стать, интеллигентность, «туманный» загадочный взгляд, способный свести с ума кого угодно. Не говоря уже о его мастерском умении так молчать в кадре, что буквально приковывало зрителей к экрану! За эту способность «дружище Мюллер», коллега Тихонова по фильму «Семнадцать мгновений весны» Леонид Броневой называл его «советским Робертом Тейлором». А режиссер Марк Захаров говорил: «Тихонов обладал гипнотическим даром. Когда его лицо появлялось в кадре крупным планом, все смотрели на него, открыты. Это было нечто особенное, удивительное и уникальное...»

При всем при этом Тихонов не был таким уж «баловнем судьбы». Он пережил и годы простоя с хроническим безденежьем (доходило до того, что приходилось сдавать стеклотару и макулатуру!), и желание «навсегда порвать с кино», и личные трагедии — их с Нонной Мордюковой 40-летний сын Владимир скончался в 1990 году от передозировки наркотиков, что, как считают многие, и привело в итоге к уединению Вячеслава Васильевича. В этой беде он винил, прежде всего, себя: «Не досмотрел. Не уберег». Но он не только не сломался — до самого последнего дня оставался человеком и актером с безукоризненной репутацией. «Не пачкался» съемками в рекламе и в дни предвыборных баталий быть «украшением» любой из сражающихся за избирателя партий отказывался категорически.

Последние годы Вячеслав Васильевич жил на своей даче на Николиной Горе практически затворником — журналисты его так и прозвали «Великий Отшельник». В город выбирался не часто, изредка поднимал телефонную трубку. Однако все попытки взять у него большое, откровенное интервью натыкались на железобетонную стену. Молчал как Штирлиц! Прошое ворошить не хотел, а своего будущего в новом российском кино он не видел. «Очень много сил и энергии отнимают все эти воспоминания. А просто болтать о том, что было, я не умею». Жил внуками — Георгием и Славой, и воспоминаниями.

А вспомнить Вячеславу Васильевичу было что...

ВО ВГИКЕ ЗАБРАКОВАЛИ ЗА «НЕФОТОГЕНИЧНОСТЬ»

Родился будущий «аристократ князь Болконский» в семье механика по ремонту ткацких станков и воспитательницы детского сада, в Павловском Посаде Московской области, 8 февраля 1928 года. Рос в рабочей среде, среди простых людей и был обычным мальчишкой, плоть от плоти своего поколения. Если чем и отличался от сверстников, то разве что своей застенчивостью, романтичностью и мечтательностью. В школе любил математику, физику и историю. Но вместе с тем, по собственному признанию, «еще как любил побузить». Рассказывал: «Нас не столько школа воспитывала, сколько улица. Мальчишеское братство, дворовая романтика, своеобразный негласный «кодекс чести», которому, хочешь — не хочешь, а приходилось соответствовать — время было такое! Яблоки из чужих садов воровали, курили, наколки себе выкалывали — тогда все ходили с наколками, модно было. И я себе выколол — «Слава». Самое смешное, что с этой татуировкой пришлось и Штирлица, и двух князей играть...»

Детство закончилось с началом Великой Отечественной войны. Школу, где учился Тихонов, переоборудовали под военный госпиталь, и отец, чтобы сын не шлялся без дела на улице, определил его в ремесленное училище. 13-летний Слава быстро выучился на токаря, поступил на военный завод, где наравне с взрослыми

ми выполнял оборонзаказ — трудился для фронта, для победы. «Я стоял у токарного станка и запах горелого масла и металлической стружки — особый такой запах — до сих пор не забыл, — с гордостью вспоминал то трудное время актер. — Мы, пацаны, с удовольствием выполняли задания, которые поручали нам взрослые, — вытачивали для фронта детали».

Почти каждый вечер после рабочей смены Слава с друзьями бегал в единственный в Павловском Посаде кинотеатр «Вулкан», где крутили советские героические фильмы, по много раз пересматривал одни и те же ленты. И вскоре, по собственному выражению, «заразился кинематографом» — без памяти влюбился в это черно-белое чудо. Именно тогда он всерьез захотел стать актером. Захотел интуитивно, а как — ведь ничего об актерах, откуда они берутся, где их учат, как снимают эти кадры, он даже понятия не имел.

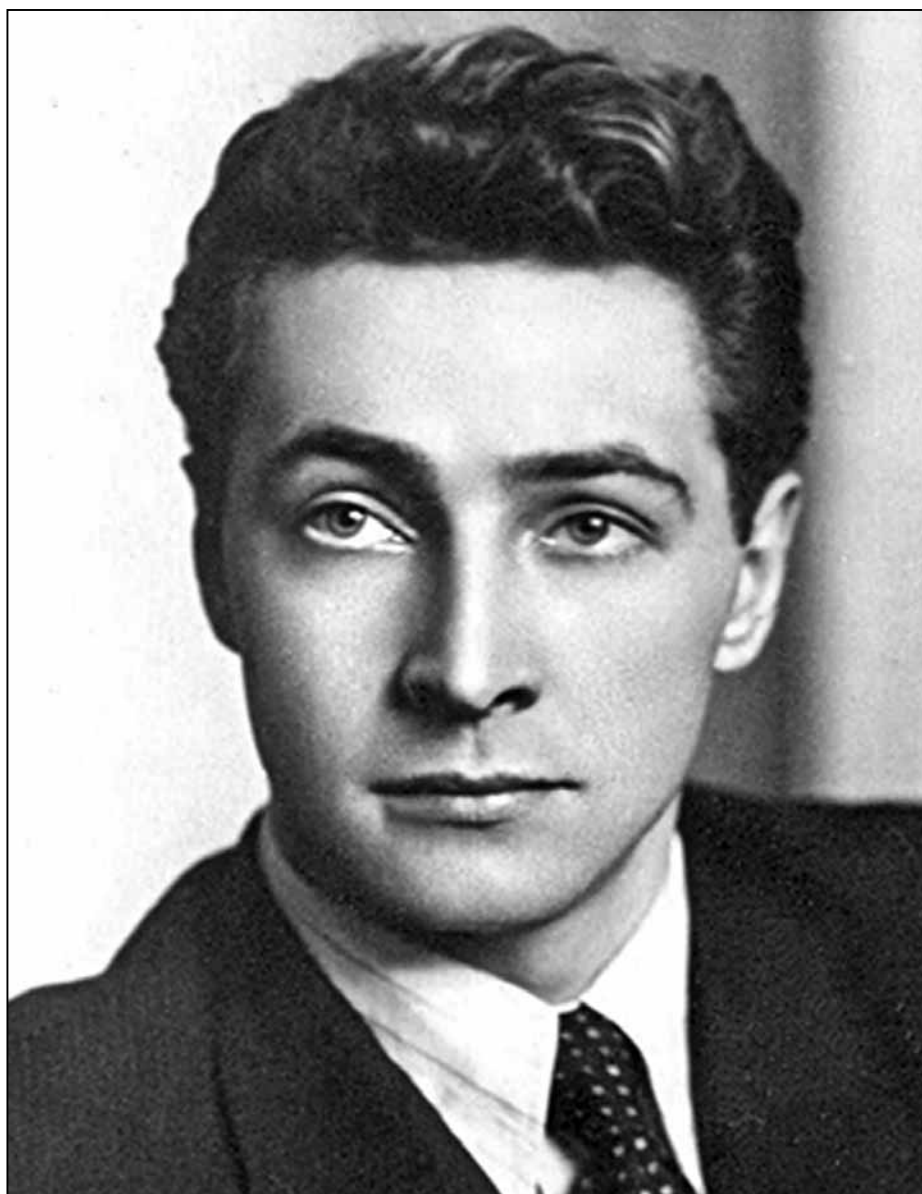
Вячеслав Тихонов вспоминал: «Тогда ведь телевидения не было, но было кино. Я был покорен им. Наши фильмы тянули меня в тот сказочный мир, который был мне недоступен. Они волновали мое воображение — «Чапаев», «Депутат Балтики», «Мы из Кронштадта». А позже — «Большая жизнь» с Андреевым, Крючковым и Алейниковым, «Два бойца» — с Бернесом. Это люди, которые завораживали и в итоге потащили меня в искусство».

Самое удивительное, что ни в какой школьной художественной самодеятельности юноша никогда не

участвовал. Даже на сцену никогда в жизни не выходил. Стеснялся! «Если вдруг нужно было что-нибудь прочитать или спеть — я боялся этого как огня!» Но кино манило его так, что сил сопротивляться не было.

Когда Слава объявил родителям, что хочет стать актером, дома поднялся переполох: даже думать забудь об этом, какой из тебя актер?! «Споры были громкие, доходило до слез — не помню, моих или маминых». Родители хотели, чтобы он по-

лучил любую «земную» профессию — отец видел своего сына «технарем», инженером-механиком, а мама настаивала, чтобы он поступал в Тимирязевскую сельскохозяйственную академию и стал агрономом. По воспоминаниям Вячеслава Васильевича, третейским судьей и его «спасителем» выступила бабушка, «глава нашего дома, очень мудрая женщина и доброты невероятной», которая сказала: «Не запрещайте Славику идти туда, куда он хочет. Иначе он потом

*К/ф
«Дело было
в Пенькове» —
Вячеслав
Тихонов
и Светлана
Дружинина*

всю жизнь будет считать, что вы ему помешали». Только после этого он, «с молчаливого родительского согласия», решился попытать свое счастье и отнес документы во ВГИК. На дворе был 1945 год.

Но там его сначала не приняли: 17-летний абитуриент Тихонов срезался во втором туре — на экзамене по актерскому мастерству. Заверчивая его, в приемной комиссии дали понять: «У вас не совсем фотогеничное лицо, а здесь, мальчик, ВГИК!» Невероятно, правда? Одного из самых признанных красавцев советского кинематографа «главная кузница актеров кино» чуть не забракковала за «серенькую маловыразительную внешность»!

Но тут вмешался пресловутый Его Величество Случай: уже после

завершения вступительных экзаменов в каком-то институтском закутке с убитым горем юношей нос к носу столкнулся известный актер и театральный педагог Борис Бибииков, который тоже набирал во ВГИКе актерский курс. Позже Борис Владимирович написал об этой встрече в своей книге «Театр и судьба. Воспоминания»: «Слава Тихонов стоял, уткнувшись носом в стенку. Тонкие плечи беззвучно вздрагивали. Он плакал от обиды, от горя, от какой-то безысходности. И тогда я сказал ему: «Успокойся, я возьму тебя. Приходи в сентябре учиться». Что любопытно, сам Тихонов, когда его журналисты «пытали» об этом случае, всегда отвечал, что, мол, все это журналистские байки! Но факт: в 1945 году на актерском факультете не хватало

парней, играть в спектаклях мужские роли было некому. Поэтому Тихонова взяли на один семестр — с испытательным сроком.

Везение, судьба? Похоже, все вместе... Ведь при всей своей застенчивости и склонности к самоедству, сто процентов, что на следующий год ВГИК (как и остальные театральные вузы) он обходил бы стороной. Наверняка решил бы, что актерство не его дело — «бес кинематографа» попутал! И — закрыл бы тему раз и навсегда. Но не зря говорят: Его Величество Случай всегда приходит вовремя на помощь тому, кто этого достоин.

И Вячеслав Тихонов своим шансом воспользовался с лихвой. Во время испытательного срока на пару со своим сокурсником Сергеем Гурзо они поставили такой этюд по мотивам гончаровского «Обломова», что все сомнения отпали. Вскоре он стал полноценным студентом мастерской выдающихся педагогов-мхатовцев Бориса Бибикова и Ольги Пыжовой и окончил ее с отличием.

«ТИХОНОВ — ТО ЛИ АРМЯНИН, ТО ЛИ АЗЕРБАЙДЖАНЕЦ»

В 1948 году на третьем курсе ВГИКа Тихонов получил свою первую роль в кино: сыграл Володю Осьмухина в фильме Сергея Герасимова «Молодая гвардия». Картина стала ярчайшим событием для тех лет и дебютом целого поколения будущих звезд советского экрана: Инны Макаровой, Сергея Гурзо, Нонны Мордюковой, Клары Лучко, Сергея Бон-

дарчука, Георгия Юматова, Евгения Моргунова, Людмилы Шагаловой. В эпизоде засветилась даже начинающая ассистент режиссера Татьяна Лиознова — будущая «мама Штирлица».

Почти для всех актеров «Молодая гвардия» стала хорошим стартом и «путевкой в жизнь». Но не для Тихонова. В отличие от большинства ставшими вмиг знаменитыми коллег-«молодогвардейцев», он еще почти 10 лет «оставался за кадром». Снимался в крохотных эпизодиках, но чаще дальше проб не доходило. С одной стороны, это не так уж удивительно — фильмов в те годы снималось мало, даже многие «зубры экрана» сидели без работы. С другой, — дорога на главную киностудию страны — «Мосфильм» — оказалась закрыта конкретно для «артиста Тихонова». Дело в том, что ее тогдашний «царь и бог» режиссер Иван Александрович Пырьев категорически возражал против его участия в съемках. И опять причиной стала внешность. На этот раз якобы... не вполне русская.

Вячеслав Тихонов вспоминал: «Пырьев был тогда в кинематографе очень большой величиной, и когда на студии шли пробы на какую-либо роль, ему обязательно демонстрировали материал, и он или утверждал актеров, или не утверждал. Когда показывали меня, он говорил: «У Тихонова лицо не русское, он то ли армянин, то ли азербайджанец — не надо его снимать», и меня не утверждали... В то время, как правило, были востребованы рабочие характеры

и пролетарская внешность. А я как-то под эту категорию не подходил. Бывало, приглашали на какую-то роль и фотографировали, потом, как правило, шли на попятную: «Извините, но нам нужно лицо попроще — рабочее». Под таким вот прессом у Пырьева я находился. А вот на студии Довженко не обращали на это внимания, там были рады, когда мы приезжали: я, Жорка Юматов...»

Чуть позже оказалось, что и на студии имени Горького молодому актеру были рады. Большинство фильмов, принесших Тихонову зрительскую любовь, снимались как раз на студии имени Горького. Например, те же «Семнадцать мгновений весны» и «Белый Бим Черное ухо».

Двигали ли начинающим актером амбиции, мечтал ли он о славе?

Разумеется, да еще как! К тому времени пятеро его юных друзей-коллег за ту же «Молодую гвардию» получили Сталинскую премию, славы вкусили небывалой — в СССР их каждый знал в лицо. Буквально на руках носили! Его сосед по институтской парте Сергей Гурзо носил на лацкане пиджака аж две медали лауреата Сталинской премии — вторую получил за фильм «Смелые люди».

«Бывало, — вспоминал Вячеслав Васильевич, — идем по улице: его все узнают, оборачиваются вслед, а на меня — ноль внимания. Слава богу, до безумств у меня никогда не доходило. Но чувство, близкое к зависти, в душе шевелилось. А потом сам стал сниматься — и все прошло».

ОБЫКНОВЕННОЕ ЧУДО: ОТ МЕДВЕДЯ ДО СЕЛЬСКОГО ТРАКТОРИСТА

Первый успех Тихонову принесла роль деревенского тракториста Матвея Морозова в драме Станислава Росточкого «Дело было в Пенькове», куда актер попал тоже волею случая и, можно сказать, судьбе вопреки.

Одна из киношных «легенд» гласит: как-то на спектакль «Обыкновенное чудо» (по знаменитой сказке Евгения Шварца в постановке Эраста Гарина) в Театр киноактера зашел молодой режиссер Станислав Росточкий. Увидев на сцене Тихонова в образе Медведя, он якобы восторженно воскликнул: «Из этого актера я сделаю советского Жерара Филиппа!» Правда это или нет, утверждать трудно, но Росточкий действительно появлялся в жизни Тихонова в самый критический момент и протягивал руку помощи. В 1956-м он пригласил его на главную роль в свою дебютную полнометражную картину «Дело было в Пенькове». Была проба, и худсовет актера опять «зарубил»: предстоит, мол, играть деревенского парня, а внешне Тихонов — абсолютно городской. Вместо него утвердили другого актера.

Но режиссер, прошедший с боями Великую Отечественную (к тому же инвалид второй группы, потерявший на фронте ногу), не сдался. Вячеслав Васильевич рассказывал: «Росточкий позвонил и сказал: «Слав, давай подождем — я буду следующую картину снимать, и тогда уж точно что-нибудь для тебя найду». Грустно,

конечно, мне было — во мне-то уже жил этот деревенский парень Матвей. Я знал таких, как он, поскольку сам из ремесленного училища. И чтобы не падать духом, взял себя в руки, занялся дубляжом зарубежных картин. А недели через две звонит ассистент по актерам со студии Горького: «Тихонов, завтра ждем — грим, костюмы...» Я робко: «А в чем дело? Что-то произошло?» «Ничего, будешь сниматься». Оказалось, Ростовский уперся, пошел в пресловутый художественный совет, который все на свете решал, и заявил: «Буду снимать только Тихонова!» Ему возражали: «Загубишь картину», а он — ни в какую, и настоял на моей кандидатуре. Вот так каким-то образом я в эту картину попал. Если бы не было «Пень-

кова», не было бы и Штирлица. Меня режиссеры «не видели».

Кстати, именно по этой причине свою роль Матвея Морозова Вячеслав Васильевич считал самой любимой и главной в своей карьере. Объяснял это так: «С нее начался и я как актер, и моя дружба с Росточким, и все остальное. Это был для меня старт, я понял, что из себя представляю и чисто внешне, и внутренне. Что интересно, когда фильм уже выпустили, те же люди, которые говорили, что я не фотогеничен, для роли не подхожу, утверждали: «Очень похож». Все их устроило!»

Картина стала настоящим «звездным часом» Тихонова, перевернула всю его жизнь — теперь актер был режиссерами нарасхват.

*С первой
женой —
Нонной
Мордюковой*

ИЗ-ЗА «ВОЙНЫ И МИРА» ЧУТЬ НЕ УШЕЛ ИЗ КИНО

Когда Тихонов узнал, что Сергей Бондарчук собирается снимать фильм-эпопею по его любимому роману «Война и мир» Льва Толстого, он при первом же удобном случае прямо ему сказал, что хотел бы попробоваться на роль князя Андрея Болконского. Но получил отказ. Бондарчук дал понять, что эта роль — не его. «Князь Болконский совсем другой!» К тому же у Сергея Федоровича уже были намечены кандидатуры — Иннокентий Смоктуновский и Олег Стриженов. Но Смоктуновский в этот момент предпочел роль Гамлета в одноименном фильме у Григория Козинцева и уехал на съемки в Ленинград, а с Олегом Стриженовым у Бондарчука после проб вышел серьезный конфликт. В результате оказалось, что актера на одну из ключевых ролей нет. А сроки поджимали! Тогда в процесс вмешалась министр культуры Екатерина Фурцева. Она посоветовала Бондарчуку все же обратить внимание на молодого актера Славу Тихонова, которому симпатизировала. Оказавшийся в тупиковой ситуации режиссер телеграммой срочно вызвал Тихонова с Дона, где тот снимался в «Оптимистической трагедии», и великолепно прошедший пробы актер был утвержден «на князя».

Работа над фильмом длилась около шести лет, и, по словам Вячеслава Васильевича, буквально «выжала из него все соки». Он «болел» этой ролью, горел ею и жил, ни на день не

расставался с романом Льва Николаевича — то и дело сверял свое понимание образа Андрея с первоисточником. Однажды во время съемок батальной сцены даже чуть не погиб — прямо перед ним разорвалась граната... Но результат этой масштабной изнурительной работы оказался двояким: с одной стороны, фильм признали выдающимся — вскоре он получил премию «Оскар» как лучший фильм на иностранном языке, с другой же — критики крайне прохладно оценили созданный Тихоновым образ, а Бондарчук и вовсе нелицеприятно высказывался о князе в его исполнении. Конечно, склонный к самокопанию, иногда даже болезненному, актер такую оценку принял близко к сердцу. Настолько сильно переживал, что однажды заявил, что больше не будет сниматься в кино. «Я хочу уйти в театр, мне кажется, я что-то потерял...» И еще много лет на вопрос, что хотел бы переиграть в своей жизни, Тихонов отвечал: «Более точно сыграть Болконского!»

Творческий кризис грозил стать затяжным, тем более что как раз в этот момент актера не утвердили на роль советского разведчика в фильме «Мертвый сезон» (ее в результате сыграл Донатас Банионис). Но опять на помощь пришел Станислав Ростоцкий и буквально заставил Тихонова вернуться на съемочную площадку. В 1968 году он предложил своему другу роль учителя Мельникова в своем новом фильме «Доживем до понедельника». Говорят, Тихонов дважды читал сценарий и оба

раза отказывался наотрез: «Эта роль не для меня!» Пришлось Ростоцкому опять проявить жесткость и даже пойти на «шантаж»: «Если ты мне друг, — снимайся!» Результат известен: сегодня картина «Доживем до понедельника» считается знаковой и культовой. А тогда — в 1968-м — она была признана зрителями лучшим фильмом года. Исполнителя главной роли Вячеслава Тихонова наградили Государственной премией СССР.

Так Тихонов остался в кино. А вскоре режиссер Татьяна Лиознова предложила ему роль разведчика «под прикрытием» Максима Максимовича Исаева (Макса Отто фон Штирлица) в сериале «Семнадцать мгновений весны»...

О ФЕНОМЕНЕ «СЕМНАДЦАТИ МГНОВЕНИЙ ВЕСНЫ»

Помните знаменитое? «23 февраля Штирлиц надел свою старую, любимую буденовку, взял в руки красное знамя и, распевая революционные песни, пошел к рейхсканцелярии. В это день он как никогда был близок к провалу». Или: «Апрель 1945 года. Поражение Германии очевидно. Гитлер ходит по рейхсканцелярии и везде видит одну и ту же картину: офицеры пьянствуют и даже не обращают внимания на своего фюрера. Вдруг в одном из кабинетов Гитлер обнаруживает Штирлица, который сидит за столом и работает. Увидев главу Третьего рейха, Штирлиц вскакивает, скидывает руку и выкрикивает: «Хайль Гитлер!» В ответ фю-

рер устало произносит: «Максими́ч, ну, хоть бы ты-то не подкальывал».

По количеству и популярности анекдоты про Штирлица давно побили рекорды уморительных историй про Чапаева и Петьку, Труса, Балбеса и Бывалого из «Кавказской пленницы» и поручика Ржевского. А ведь до «Мгновений...» именно эти персонажи были народными героями номер один! Так уж еще на заре кинематографа у нас повелось, что анекдоты — вроде как наш «знак качества», факт и клеймо безусловного признания зрителями. Между прочим, далеко не каждому даже безусловному шедевру такое «счастье» выпадает.

А вот сам Вячеслав Васильевич анекдоты о Штирлице не любил, выслушивал через силу. Они казались ему несмешными, чересчур легковесными, даже дурацкими и глупыми. Когда его спрашивали о самом любимом, он морщился: «По-моему, большой ценности в таком, так сказать, творчестве нет. Глупости это... «Семнадцать мгновений весны» в анекдот не вписываются — серьезная была работа». А тут хиханьки да хаханьки!

Тихонова понять можно. Работа создателями фильма была проведена титаническая. Уж больно тема щекотливая — закулисные интриги Второй мировой, тайная дипломатия, подвиг и «профессиональная кухня» советской разведки. Впервые, хоть и осторожно, но «засвечивались» реальные секретные документы, архивные кадры советской военной хроники и Третьего рейха. То есть уровень был «заоблачный»,

*К/ф
«Доживем до
понедельника».
В роли
учителя
Ильи
Мельникова*

Справа:
*К/ф
«Война и мир».
В роли князя
Андрея
Балконского*

а, соответственно, и подход государственный. Поэтому денег на этот «проект» не жалели, до сих пор реальный бюджет картины — тайна, покрытая мраком. Снимались лучшие актеры страны — действующие и будущие «народные». Главным консультантом картины был первый зам председателя КГБ СССР Андропова Семен Цвигун. Выйдет она или нет, до последнего решалось на самом верху — в ЦК КПСС. Долгое время вообще казалось, что зритель ее не увидит — цензура отправит готовый фильм на полку.

Такой труд и — все насмарку? Можно себе представить, что чувствовал исполнитель главной роли, под каким прессом он находился в период съемок и после, особенно

учитывая еще одну особенность Тихонова-актера (в свое время точно подмеченную еще Росточким) — во время работы над образом он настолько вживался в свои персонажи, что «помимо своей воли принимал их черты». Причем в случае со Штирлицем это особенно наглядно. Сыгравший Мюллера народный артист СССР Леонид Броневой, отдавая должное «грандиозному умению коллеги молчать в кадре», вспоминал, что и в обычной жизни Тихонов проявлял крайнюю скупость не только на эмоции, но и на слова. За год, когда они делили одну гримуборную, «Штирлиц» перемолвился с ним от силы парой слов. Молчал год! Леонид Сергеевич потом сказал: «Он был человек в себе, замкнутый». Но это

же не так. Просто Тихонов весь съемочный период как бы жил жизнью своего героя Штирлица. Он и «молчал» — недаром до сих пор в ходу поговорка «Молчать как Штирлиц».

...Говорят, «Семнадцать мгновений» от забвения спас Генсек Брежнев. Якобы, посмотрев готовый сериал, Леонид Ильич расплакался — так был тронут увиденным. И тут же распорядился «разыскать разведчика Исаева и наградить звездой Героя Советского Союза». Когда сотрудники спецслужб объяснили, что Исаев-Штирлиц — это вымышленный, собирательный образ и всего лишь роль, блистательно сыгранная актером, Брежнев расстроился: «Очень жаль!»

Сам Тихонов утверждал, что все это опять же «легенды и мифы», оку-

тавшие картину впоследствии. Правда, признавался, что Леонид Ильич после просмотра сериала действительно однажды позвонил ему и сказал, что с удовольствием вручил бы Звезду Героя лично, но, к сожалению, уезжает на отдых, так как очень устал. Так что Звезду Героя Соцтруда Вячеслав Васильевич получил из рук первого заместителя председателя Президиума Верховного Совета СССР Кузнецова.

Именно роль Штирлица полностью раскрыла актерский потенциал, дар Вячеслава Тихонова — эта работа мгновенно закрепила его имя в списке самых любимых и популярных актеров СССР. Напомню общеизвестные факты: во время показа «Мгновений...» по телевизору улицы

городов и сел в СССР просто «вымирали», заметно снижалась преступность, а с финальными титрами очередной серии одновременно во всех домах гасли окна. Говорят, Татьяна Михайловна Лиознова любила наблюдать за этим процессом из своей квартиры.

Фильм моментально разошелся на цитаты. Кто не помнит легендарную реплику и «хитрый глаз» Мюллера: «Штирлиц! (Пауза.) А вас я попрошу остаться!» Или другой его перл: «Верить в наше время нельзя никому, порой даже самому себе. Мне — можно!» «Не падайте в обморок, — говорил Штирлиц Шелленбергу, — но мы все под колпаком

у Мюллера!» Или одну из самых пронзительно-трогательных сцен — встречу Штирлица с женой в кабачке под названием «Элефант». Кстати, не все знают, что эта сцена появилась в фильме с легкой руки Вячеслава Васильевича. Еще задолго до съемок Тихонов подружился со знаменитым кадровым советским разведчиком-нелегалом в отставке Конаном Трофимовичем Молодым (работал в Великобритании под именем Гордон Лонсдейл — псевдоним «Бен», — ред.). Однажды полковник Молодой рассказал ему историю: когда от чудовищного перенапряжения у него на чужбине стали сдавать нервы, советское руководство устроило ему

*Режиссер
Татьяна
Лиознова
и народный
артист
СССР
Вячеслав
Тихонов
на съемках
«Семнад-
цати мгно-
вений
весны»*

Фото:
sputnik.ru

конспиративную встречу с женой в отеле одной из «третьих» стран. И эта встреча очень помогла вновь собрать нервы в кулак. По словам Тихонова, этот рассказ его потряс: сколько за всем этим было профессионального риска, опасности провала, и при этом сколько теплого, сентиментального, человеческого... Артист поделился этой историей с Лиозновой, предложил показать зрителям, что разведчик — не машина, а, прежде всего, человек, способный любить и тосковать. «Блеск! — сказала Татьяна Михайловна. — Только мы перенесем эту встречу из отеля в другое место». Так возникла знаменитая сцена встречи Штирлица с женой, которую замечательно сыграла Элеонора Шашкова. Их бессловесный «монолог» длится ровно 5 минут 30 секунд — абсолютный рекордсмен мирового кинематографа.

Элеонора Петровна рассказывала: «У Вячеслава Васильевича Тихонова был первый за полгода выходной. А у меня играть без партнера не получалось. Как передать такую сложную гамму чувств, как то любовь, страдание, и, может быть, это их последняя встреча... когда твой взгляд упирается в камеру — железяку... И вдруг — о, Боже! Открывается дверь кафе — заходит Тихонов! Оказалось, не смог усидеть дома, когда снимается такая важная сцена. И этим он мне здорово помог, потому что сел около камеры, смотрел мне в глаза, а глаза у него необыкновенные. В такие не влюбиться невозможно! Между прочим, когда на следующий день сни-

мали «его» часть этой же сцены, уже Вячеслав Васильевич сказал режиссеру: «Не буду сниматься один. Где эта артистка — с этими глазами?» За мной послали машину... Теперь уже я сидела рядом с камерой, а он на меня смотрел».

Так в чем феномен, секрет популярности «Семнадцати мгновений весны?»

Понимая, что рационального и однозначного ответа на этот вопрос нет, Тихонов высказал свою «версию»: «По-моему, в картине есть баланс между вымыслом и фактом, между жесткостью и жестокостью, есть лирика, но нет сантиментов, нет и упрощений. Есть образы и историческая правда. А еще явных, бесспорных причин я вижу две — драматургия Юлиана Семенова и режиссура Татьяны Лиозновой. Ну и, конечно, секрет в том, что замечательных актеров набрала Татьяна Михайловна! Осталась гордость, что я снимался с такими актерами, как Ростислав Янович Плятт, Женя Евстигнеев, дорогой наш Мюллер — Леонид Броневой...»

ВЛЮБИЛСЯ — ЖЕНИЛСЯ. СЕМЕЙНЫЕ ТАЙНЫ АКТЕРА

Хорошо известно, что говорить о личной жизни Вячеслав Тихонов никогда не любил и этой темы в разговорах с журналистами всячески избегал. Его фраза «Настоящий мужчина не должен говорить о двух вещах — о своих женщинах и о болезнях» — стала крылатой.

*К/ф
«Семнадцать
мгновений
весны»*

Первой его женой была великая русская актриса Нонна Мордюкова (включенная редакционным советом Британской энциклопедии в первую двадцатку самых выдающихся актрис XX века), с которой они поженились на четвертом курсе ВГИКа и прожили вместе 13 лет. Их головокружительный роман на съемках «Молодой гвардии» развивался стремительно, но...

В одном из интервью Вячеслав Васильевич «скуп» об этом рассказывал: «Мы вместе учились, и у нас обоих первая картина — «Молодая гвардия». И даже сын родился — Володя... Но потом нас развела жизнь, творчество. Она прекрасная актриса! Но жизнь уже прожита, и ничего не вернешь назад. То, что мы в свое время расстались, — я не жалею об этом. Было много и замечательного,

и горького, и обидного. И предательства были».

По слухам, Вячеслав Тихонов развелся, узнав об измене жены. Нонна Викторовна же, напротив, факт этот всю жизнь отрицала. Разрыв объясняла тем, что довольно быстро выяснилось: они с Тихоновым не подходят друг другу. Она — кубанская казачка, кровь с молоком, темпераментная, взрывная, властная, а Тихонов — тихий, застенчивый павловскопосадский красивый мальчик, еще не созревший для роли главы семьи, к тому же моложе жены на три года. «Я сразу поняла, что он мне активно, трагически не нужен, — вспоминала Мордюкова. — Но ребенок уже появился, и мы, по христианскому обычаю, стали жить вместе. Вернее, не жить, а мучиться — ни ему домой не хоте-

лось, ни мне... Развивалась наша семейная жизнь коряво. Всегда в долгах, как в шелках, еле перебивались от зарплаты до зарплаты... Наш брак был готов рассыпаться уже через год».

Настоящая причина расставания так и осталась тайной за семью печатями, но, по выражению Вячеслава Васильевича, они с Мордюковой разошлись «как в море корабли в разные стороны». Встретились только однажды — на съемках «Войны и мира». И больше ни разу в жизни так и не пообщались — даже в 1990-м году на похоронах сына Владимира, продолжившего семейную актерскую династию и трагически погибшего.

Второй раз Вячеслав Тихонов женился в 1968 году — в сорокалетнем возрасте. Тамара Ивановна работала

в объединении «Совэкспортфильм» переводчицей с французского языка, в тот момент была замужем, но перед обаянием Вячеслава Васильевича не устояла. В 1969 году у них родилась дочь Анна, впоследствии ставшая актрисой и кинопродюсером.

Анна Тихонова рассказывала: «Знакомство папы и мамы было довольно романтичным. Они встретились на озвучивании фильма «Мужчина и женщина» Клода Лелуша. Папа озвучивал Жана Луи Трентиньяна, а мама работала переводчицей на этой картине. А потом... Знаете, как говорится, жизнь прожить — не поле перейти. И любовь была, и сложности. Вообще папина личная жизнь — большая загадка!»

Позже Анна Вячеславовна добавила очень точные слова об отце:

*К/ф
«Белый Бим
черное ухо»*

«Валентин Гафт называл папу абсолютно чеховским персонажем, кристально чистым человеком. Он не был кондовым в советские времена и не стал распущенно-отвратительным в наши, «свободные». Отец был красив сам по себе. Прост, скромн... Ему не надо ничего «добавлять», и процесс внутреннего самосовершенствования в нем не прекращался до конца. Удивительная особенность отца заключалась в том, что он был абсолютно достоверен, естественен и правдив».

И действительно, Вячеслав Тихонов — в каком-то смысле уникал: знаменитый актер, красавец-мужчина, при виде которого теряли голову даже всемирно известные красотки-актрисы (не говоря уж о партнершах по фильмам), не был ловеласом и донжуаном. За всю жизнь, при изо-

бии легенд, сплетен «о Тихонове-артисте», — нет ни малейшего правдоподобного «слушка» о его романах и даже легоньком флирте на стороне. Кое-кто, конечно, мог запустить байку «о тайных отношениях» Тихонова с всесильным министром культуры СССР Екатериной Фурцевой, которая, как поговаривали, неровно к нему дышала, но опять же — он повода не дал. По отношению к женщинам Вячеслав Васильевич вел себя безукоризненно порядочно: влюбился — женился. А потом — кремень и скала! Да что романы, к нему вообще никакая грязь и червоточина не липла — у Тихонова не было ни одного тайного порока типа «дружбы с зеленым змием», на него недоброжелателями не было собрано ни миллиграмма «компромата».

Разумеется, у него были толпы поклонниц, он мешками получал письма с признаниями в любви, но, когда его называли «главным секс-символом СССР», терялся, краснел и не знал, как на это реагировать. Помню, совсем недавно народная артистка Татьяна Конюхова мне говорила: «А такого бриллианта, как Вячеслав Васильевич Тихонов, сейчас даже близко никого нет. Изумительной красоты и нравственной чистоты человек. Он даже когда состарился — оставался божественно красивым. Не курил, за всю жизнь никто его не видел пьяным. Никогда!»

Не случайно при жизни он был удостоен эпитетов — «романтик-идеалист», «последний рыцарь и князь нашего кино».

Анна Тихонова: «Так сложилась его кинематографическая судьба, что герои Тихонова — сплошь «благородные рыцари без страха и упрека». Вы можете представить Штирлица или князя Болконского, которые бы жаловались на жизнь или рассказывали скабрёзности о любимых женщинах? Он играл в кино идеальных героев и сам, может быть, помимо воли, не специально, старался быть на них похожим. Недаром до последних дней женщины писали ему восторженные письма, объяснялись в любви, рассказывали о своих житейских драмах. Наверное, они в нем видели то, чего не находили в жизни. Причем писали и папины ровесницы, и школьницы. Недавно пришло письмо от 16-летней девочки, которая влюбилась в папу после того, как

посмотрела «Войну и мир». Я ее письмо отцу читала вслух. Он был растроган детской искренностью. А чьи-то рассказы или воспоминания о том, что отец был в жизни сухим, неэмоциональным человеком, — выдумки. Эти люди отца плохо знали. Папа был остроумным, искрометным, ироничным человеком, он замечал красивых женщин и реагировал на них, как любовью нормальный мужчина».

Но был ли один из самых успешных и востребованных актеров счастлив в личном плане? Например, по мнению знаменитого певца Иосифа Кобзона, — нет.

«Мы сблизились по-настоящему на съемках «Семнадцати мгновений весны», — рассказывал Иосиф Давыдович. — Хорошее было время, оба мы были молоды и веселы. Собирались в гостиничном номере и просиживали ночи за разговорами: мечтали, смеялись... Он был очень скромным, красивым и застенчивым. Все влюблялись в него. Столько поклонниц всегда было, где бы он ни появился. Но внешность — не самое главное. Слава был очень душевно притягательным человеком... Но если посмотреть закулисную часть его жизни, то видно, что она была тяжелой. Слава всегда понимал, каким огромным успехом пользуется у женщин, но почему-то всегда был не очень счастлив в личной жизни. Почему? Не сложилось... Он, вообще, прожил очень нелегкую жизнь, и на самом деле сильно переживал все это — и свое одиночество, и потерю сына, и свою, как он считал,

невысокая требовательность, которая началась в российские годы»...

ПРОРОЧЕСТВО ВАНГИ И ЛЮБИМЫЕ РОЛИ

...Во дворе «тихоновской» дачи на Николиной Горе до сих пор стоит столб с указателями: «Павловский Посад — 98 км», «Пеньково — 440 км», «Берлин — 1750 км»... Указатель символический — на места, где Вячеслав Тихонов родился как человек и как актер. И если по поводу тройки самых дорогих его сердцу ролей все ясно — это Матвей Морозов, Исаев-Штирлиц и Андрей Болконский, то

был еще ряд картин, которые Вячеслав Васильевич выделял особо.

Например, он очень любил номинировавшуюся в 1979 году на «Оскара» мелодраму «Белый Бим Черное ухо» — о человеческой жестокости и сострадании по отношению к «друзьям нашим меньшим». Там впервые на съемочной площадке ему пришлось работать с собакой, причем они с английским сеттером-актером по кличке Степа не только подружились «на время», а всерьез привязались друг к другу. И зритель это сразу почувствовал — после сеанса люди выходили из кинотеатров, вытирая слезы... Разумеется, Тихонов доро-

*Со второй
женой
Тамарой*

Фото:
kino-teatr.ru

*К/ф
«Андерсен.
Жизнь
без любви»*

жил всеми фильмами, где он снялся у Станислава Ростоцкого. А еще одной из последних своих работ — картиной Сергея Урсуляка «Сочинение ко Дню Победы», где Михаил Ульянов, Олег Ефремов и он сыграли боевых друзей-фронтовиков, шокированных «реалиями новой России». Получилась своеобразная «лебединая песня» актеров целого поколения.

Тихонов вообще любил играть военных — любая военная форма ему удивительно шла. Он переиграл их немало — особенно после встречи со знаменитой предсказательницей Вангой. Кстати, любопытная история!

Однажды после всесоюзного успеха «Мгновений» они с Юлианом Семеновым и Татьяной Лиозновой ездили с творческими встречами по странам соцлагеря и, оказавшись в Болгарии, решили заехать к ней. Первое,

что рано утром увидели, подъехав к ее дому, — настоящее столпотворение машин и людей, которые прибыли из разных стран, чтобы попасть к Ванге и узнать свое будущее. «Когда ей сказали, что приехали гости из Советского Союза, — рассказывал Вячеслав Васильевич, — баба Ванга, как ее все называли, пообещала, что примет нас. Когда подошла моя очередь, нервы уже немножечко напряглись... Признаюсь, стало даже страшновато: а вдруг она что-то такое сейчас скажет, чего я знать еще не должен, чего знать не хочу... Но пошел все-таки. Она посмотрела в мою сторону и сказала: «Твоя главная роль — военная. И играть тебе все про войну дальше». Вот как она, слепая, это узнала? Она же никогда телевизор не смотрела и знать меня по «Мгновениям» не могла... Но главное — все

сказанное ею сбылось. После этого девять лет я «воевал» (в кинотрилогии «Фронт без флангов» — «Фронт за линией фронта» — «Фронт в тылу врага», — ред.), девять лет ходил в военной форме, играя майора, затем полковника Млынского и так далее. И я не жалею об этом».

О СЛАВЕ И БОГАТСТВАХ

Когда Тихонова спрашивали, ощущал ли он свою «космическую» славу, он отвечал скромно: «Никакой особой славы ни тогда, ни сейчас я не чувствовал, и меня это не интересует. Меня устраивало, что мои картины с удовольствием смотрят. Да, узнают на улице, но это лишь значит, что на данном этапе я выполнил свою миссию. И мне было радостно на душе. Поклонницы? Писем было много, но ничего такого, чтобы это как-то мешало мне в жизни или отвлекало от любимой работы».

Несмотря на то, что почти все фильмы, в которых снялся Вячеслав Васильевич, были успешными и «кассовыми», особых богатств актер не нажил. Единственное, чем он обладал к концу девяностых, скромная недвижимость: квартира в районе станции метро «Кропоткинская» да двухэтажная дача из красного кирпича. Плюс президентская надбавка к пенсии.

На вопрос о «банковских счетах» и «бриллиантах» актер всегда реагировал живо и иронично: «Да какие бриллианты, боже мой?! Внуки

мои — два бриллианта. И дочь — бриллиант! Я за них сейчас переживаю! «Богатый»... Это определение не свойственно людям моего поколения. Когда мы работали в кино, о деньгах не думали... Я богатый тем, что много людей смотрели, смотрят и, надеюсь, будут смотреть те небольшие картины, которые я сделал».

После сыгранной им роли деда в 137-м выпуске «Ералаша» в 2000 году Вячеслав Васильевич на съемочной площадке уже почти не появлялся. Интересных драматических ролей ему не предлагали, а играть различных мафиози или криминальных авторитетов он отказывался. Говорил: «Сниматься хочу, но... не в чем. Нет больше тех людей, которые в меня верили, приглашали на роли. Нет Ростюцкого, Игоря Гостева, Сергея Федоровича Бондарчука... Нет моих друзей, с которыми я работал, дружил и делал фильмы. Дай Бог, чтобы они пожилы, эти фильмы, и люди получали радость от искусства, от жизни, а не только от долларов». Его последняя роль в большом кино тоже в какой-то степени стала символической — в 2006 году Тихонов сыграл... Бога в фильме-сказке Эльдара Рязанова «Андерсен. Жизнь без любви». В его по-тихоновски красивом, добрейшем и умудренном житейским опытом седовласом старике Всевышнем с нимбом над головой уже читалось, что сам он к своей встрече с Всевышним готов.

Незадолго до смерти Вячеслав Васильевич пожаловался: «Одино-

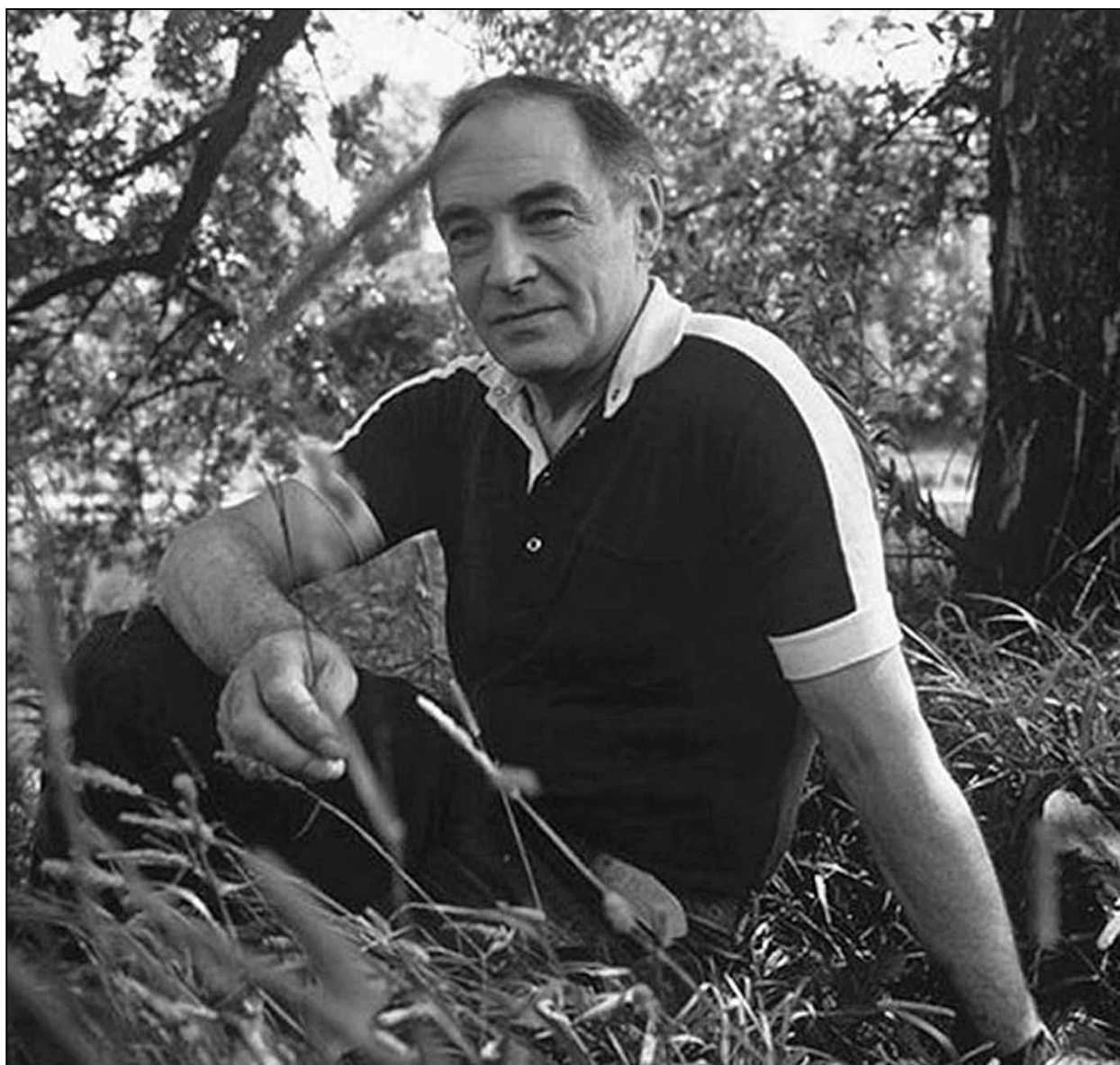
чество... Я сейчас живу воспоминаниями того доброго, что было в моей жизни, в детстве с родителями, в юности и потом уже в работе. А теперь почти все близкие по духу мне люди ушли, а я еще задержался...»

В 2002 году актер перенёс инфаркт миокарда. В ноябре 2009-го вновь был госпитализирован в ЦКБ. Операция не помогла — 4 декабря на 82-м году жизни Вячеслав Тихонов скончался. Его могила — на Но-

водевичьем кладбище, рядом с могилой Олега Янковского.

Помните, в фильме «Доживем до понедельника» герой Тихонова — учитель истории Илья Семенович Мельников — говорил: «От большинства людей остается только тире между двумя датами»...

Творческое наследие великого русского актера Вячеслава Тихонова не исчисляется математически. Зрительская любовь и память — величины, стремящиеся к бесконечности. □

ОЗЁРНОЕ ЧУДО

На крохотном островке Ладожского озера, расположенном чуть более двух километров от западного берега, надёжно укрыто от посторонних глаз уникальное место: Коневский Рождественско-Богородичный монастырь. По сравнению с поистине всемирно известным и прославленным Валаамом, что на той же Ладоге, о Коневце, к сожалению, мало кто знает. Но было время, когда туда стремились не только простые паломники. В последней трети XIX века монастырь посещали писатель Н. Лесков, поэт Ф. Тютчев, архитектор А. Горностаев, активно строивший православные церкви в Карелии и Финляндии. И даже известный на весь мир Александр Дюма, во время своего визита в Россию нашел время, чтобы специально заехать на Коневец.

Что же влекло столь разных людей, как и тысячи других, на этот крохотный островок? Ведь отнюдь не только праздное желание увидеть

легендарный Конь-камень, на котором в древности язычники закаляли коней. На Коневце благодаря своей «забытости», оторванности от больших троп и проторенных дорог (до монастыря и сейчас совсем непросто добраться) удалось сохранить поистине уникальную атмосферу спокойствия и умиротворения, наполненную обретением Высшего Смысла и стремлением к Вечности.

Бесконечная суeta сует крупных городов, отчетливо ощущавшаяся уже во времена Лескова и Достоевского, не давала человеку ни минуты покоя. А Коневец как магнит притягивал страждущих, ищущих душевного спокойствия и тишины. Что уж говорить про наш век бешеных скоростей... Коневец — и есть то место, где отдыхаешь душой.

Это край белых ночей, которые дольше и краше петербургских. Поразительно, но в час ночи солнце светит так же ярко, как и в час дня. Кроме того, у Коневца очень богатая и интересная судьба. Прошлое и настоящее тесно переплелись на этом крохотном клочке суши. Монастырь пережил буквально все: времена подъема и упадка, вражеские нашествия и полное забвение, пребывание в составе другого государства и новое возрождение. Маленький остров хранит в своей истории столько разнообразных событий, что на их основе можно писать историю страны.

ЧУДЕСНОЕ СПАСЕНИЕ

Инок Арсений возвращался с Валаама домой на далекий Афон. Путь предстоял не близкий. Только до берега, где стояла новгородская Корела, почти день пути по воде. Но ехать, а вернее плыть, все равно надо. Благо день был чудный: ярко светило солнце, да и на озере почти что штиль. Монастырская ладья отчалила от скалистого берега, и вскоре ар-

хипелаг скрылся из виду. Кругом, куда ни глянь, до самого горизонта — одна вода. Арсений закрыл глаза и мысленно представил Грецию. Как похоже: те же островки, бухточки, кругом вода, только намного теплее, и не бывает снега. Вот бы открыть глаза и оказаться на Афоне!

Постепенно погода начала портиться. На небе появились тучки, и по озеру пошла рябь. Вскоре к ним добавился и ветер, небо стало затяги-

ваться уже свинцовыми тучами, и на озере поднялась волна. Плыть дальше становилось опасно, нужно было срочно приставать к берегу. Но его видно не было. А на коварной Ладоге, где так внезапно меняется погода, начался настоящий шторм. Волны усилились и стали заливать лодку, грозя перевернуть утлое суденышко. Арсений начал горячо молиться о спасении. Целиком погрузившись в молитву, он отдал свою жизнь в руки Всевышнего.

...Когда Арсений очнулся, то обнаружил себя на берегу. Обрадовавшись чудесному спасению, инок надеялся, что волны вынесли его на

берег озера. Увы, он оказался на маленьком островке. К тому же тот был необитаем, так как пользовался дурной славой. Окрестные жители избегали посещать его. На гигантском, поражающем воображение валуне местные язычники издавна приносили в жертву коней. А кое-кто поговаривал, что и не только коней. Оттого огромный валун, схожий по форме с черепом коня, и прозвали Конькамнем.

Арсений загорелся желанием покончить с кровавыми жертвоприношениями. А в честь своего чудесного спасения решил основать на острове монастырь. Было это в 1393 году.

МОНАСТЫРСКАЯ БЫЛЬ

Перво-наперво, дабы навсегда покончить с языческими жертвоприношениями, Арсений освятил Конь-камень. Согласно житию, нечистые духи в образе больших черных воронов вылетели из камня и, покружившись над ним с дикими воплями, улетели в сторону бухты.

В первый год пребывания на острове Арсений поселился на горе, где водрузил крест и, подобно многим основателям обителей, сам построил келью. Позднее эта гора стала называться Святой. Слава об Арсении и строящемся на острове монастыре

Наверху:

*Инок Арсений,
основатель
монастыря*

*Конь-камень
и часовня
на нем*

*Святыня монастыря — икона
Коневской Богородицы*

стала распространяться далеко за его пределами. К нему начали прибывать странники, составившие первую братию монастыря.

Через год Арсений перешел на юго-западную часть острова к бухте Владычная Лахта, названной так в память о посетившем Арсения владыке Евфимии Новгородском. Здесь же и началось строительство собора в честь Рождества Богородицы.

Чуть позже Арсений задумал сделать собор каменным. Камни терпеливо везли с материка — на острове своего камня не было. Работа была трудной и опасной: несмотря на то, что Коневец был виден с ладожского берега, нагруженные лодки плыли несколько часов. К тому же в проли-

ве, отделяющем остров от материка, даже при ясной погоде могла подняться волна, делавшая путь строителей не только опасным, но и порой просто смертельным. Волны, перехлестывавшие через край, запросто могли отправить людей с камнями на дно. Но работа спорилась, и за два года Рождественский собор был построен из камня.

Благодаря Арсению монастырь стал почитаемым и известным не только на Руси, но далеко за ее пределами. О нем узнали даже на Афоне, куда в свое время наведывался инок. Оттуда он и привез чудотворную икону Богородицы, получившей название Коневской. Отличительной особенностью ее является голубь

(символ очищения), которого держит в руке младенец.

Арсений наладил в монастыре и летописание, сделав обитель, наряду с Валаамом, одним из столпов православия на северо-западных рубежах Руси. При жизни он указал и новое место для соборного храма. Старый, расположенный у берега, часто подвергался наводнениям, и Арсений перенес собор на более возвышенное место, разобрав старый храм.

КОНЕВЕЦ В РУССКО-ШВЕДСКОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ

Когда две державы схлестнулись в битве за Карелию, Коневец оказался в центре драматических событий.

Шведы дважды: в 1577 и 1610 годах захватывали остров и разграбляли монастырь. После поражения в Смуте по условиям Столбовского мира (1617 г.), среди прочих земель Россия уступала Швеции Корелу с округой. В эту округу входил и Коневец, попавший под шведское владычество.

Монахи бежали в Новгород, где поселились в Деревяницком Воскресенском монастыре. Между тем шведы не только разорили монастырь, но и решили уничтожить следы пребывания русских на острове. К этому делу они подошли с европейской пе-

дантичностью и расчетливостью. Задавшись целью основательно укрепить Корелу, переименованную ими в Кексгольм, чтобы русские не смогли впредь ее отвоевать, шведы решили возвести новые стены взамен обветшавших старых. Но где взять камни на строительство? Везти издалека и дорого, и хлопотно. И тут шведов осенило — а русский монастырь на что! Так, ничтоже сумняшеся, они разобрали по камню Рождественский собор, а заодно и остальные каменные постройки Коневца. А затем, в течение нескольких лет

*Коневец.
Успенская
часовня*

методично перевозили их в Кексгольм, строя шведскую твердыню, символ своего могущества в Карелии.

Для Коневца наступили черные дни. От монастыря действительно не осталось камня на камне. Фундаменты построек стали зарастать травой. Шведы вывезли даже валуны, положенные в основание Рождественского собора. Увезли бы, наверное, и Конь-камень, если бы смогли его сдвинуть с места.

Ровно сто лет длилось шведское владычество в Карелии. И только в 1710 году в ходе Северной войны Петр I взял Кексгольм, освободив от шведов Карелию. Заботясь о восстановлении православной жизни на русском северо-западе после шведского владычества, он своим указом возродил Коневецкий монастырь. Правда, начинать пришлось буквально с нуля.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ И РАСЦВЕТ МОНАСТЫРЯ

Постепенно Коневец оправлялся от разрушений. В 1786 году в монастыре принял постриг под именем Зосимы З.В. Верховский, будущий основатель Троице-Зосимовой пустыни. Именно его вывел на страницах своего романа «Братья Карамазовы» в образе старца Зосимы Ф.М. Достоевский.

С конца XVIII века монастырь начал активно отстраиваться. Это было связано с тем, что Коневец вновь

приобрел известность, и, следовательно, в него стали притекать паломники. В 1794 году на Святой горе, там, где в первый год своего пребывания на острове Арсений построил келью, возвели Казанский скит. А через пять лет начали строить на старом месте двухэтажный каменный Рождественский собор. Работы по отделке храма закончились в 1809 году. Интересно, что хотя собор был спроектирован светским архитектором, но творчески переработан монахом Сильвестром, который являлся и руководителем строительства. Иконы соборного храма принадлежали кисти знаменитого В.П. Боровиковского.

В первые десятилетия XIX века сформировался основной комплекс монастыря. Рождественский собор находился в центре четырехугольника, образованного из каменной ограды и флигелей. Входом в монастырь служили Святые ворота с 35-метровой колокольней. Она была видна уже при приближении лодки к берегу. Внутри колокольни сохранились фрески, изображающие драматические события русско-шведского противостояния и встречу Арсения с владыкой Евфимием.

К середине века, в связи с увеличением числа паломников, построили каменную гостиницу, а с появлением на Ладоге пароходов соорудили и гавань. Гостей обители встречала у гавани Никольская часовня. Такую же возвели и на Конь-камне, куда вела дощатая лесенка.

В последней трети XIX века Коневец переживал необыкновенный расцвет. В ту пору среди значительной части русской интеллигенции произошло обращение к православию, вызванное желанием составить единое целое со своим народом, возвратиться к своим корням и истокам. По времени этот духовный поиск совпал с общим экономическим подъемом в стране, что вызвало резкое увеличение числа паломников, обеспечив приток средств в монастырь. Кроме того, монастырь вел и хозяйство, занимаясь рыболовством и животноводством.

Слава Коневца вновь, как и при Арсении, разошлась по России. Число паломников, страждущих душевного спокойствия и очарованных красотой и величием монастыря на маленьком острове, увеличивалось год от года. На растущие доходы монастырь начал создавать свои подворья. Одно было в Петербурге, неподалеку от Владимирского собора, а другое — в Кексгольме. Но с при-

ходом нового века мирная идиллия безмятежного существования Коневца превратилась лишь в тихое и светлое воспоминание о прекрасном.

ДРАМАТИЧНЫЙ XX ВЕК

По декрету Ленина в самом конце 1917 года Финляндия получила независимость. Еще в середине XIX века в состав Финляндии была приписана Выборгская губерния, куда входил и Коневец, так что он оказался за границей.

Финны существенно урезали течение монастырской жизни. Службы стали совершаться только в нижнем соборе. В гостинице разместился штаб, а на острове были поставлены две береговые батареи. Монастырь стал приходить в упадок.

Во время советско-финской и Великой Отечественной войн монастырские постройки сильно пострадали. В 1944 году последние монахи, опасаясь преследований и обвинений в пособничестве врагам, уехали в Финляндию. С собой они вывезли утварь, старинные иконы и главную святыню — Коневскую икону. В 1956 году оставшиеся в живых монахи Коневца переехали в Ново-Валаамский монастырь, основанный в Финляндии бежавшими с Валаама монахами после советско-финской войны.

Ну а на Коневце разместилась советская военно-морская часть. Гостиница и монастырские кельи использовались для проживания, а храм и часовни как склад для боеприпасов. Благодаря расположению военной части на острове монастырь, хоть

и медленно разрушался, но все же сохранил все свои основные постройки, так как новым обитателям Коневца и их технике нужна была крыша над головой.

В новейшей истории монастыря четыре знаменательных события. В 1990 году он был возвращен церкви, а военные начали медленно вывозить свое имущество с острова. Второе, и самое главное, — обретение в 1991 году мощей Арсения, находившихся под спудом в основании Рождественского собора в виду угрозы шведского нашествия. Третье — в 1993 году монастырь отметил свое 600-летие. И, наконец, в 1997 году монастырь отпраздновал 550 лет со дня представления преподобного Арсения Коневского.

НАШИ ДНИ

Сейчас монастырь активно занимается восстановлением своей территории. Обветшавшие постройки требуют ремонта. Да и следы пребывания военных видны повсюду. Здесь вполне можно снимать фантастический фильм о погибшей или исчезнувшей цивилизации. К тому же на маленьком острове наблюдается уникальное сочетание: Рождественский собор соседствует с полуразрушенной радиостанцией, монастырская гостиница — с автобусами и «уазиками», в скиту еще совсем недавно был склад боеприпа-

сов, а бывшее монастырское кладбище служило для военной части футбольным полем вместе с плацем в придачу, на заросших травой плитах которого ныне безмятежно пасутся коровы и овцы. Сочетание вроде бы несовместимого создает поистине фантазмагорическую картину.

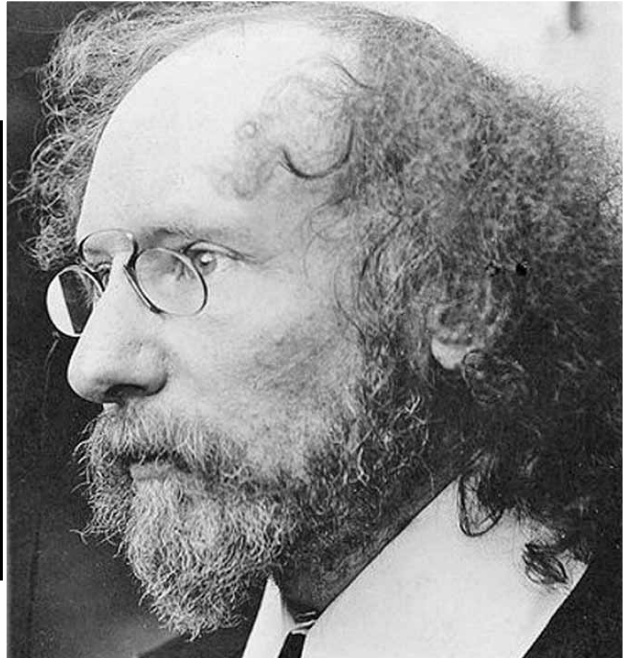
Но временные трудности преодолимы. Число паломников медленно, но неуклонно увеличивается год от года. В Петербурге и Приозерске (бывшем Кексгольме), как и столет назад, активно действуют монастырские подворья, принимающие паломников и отправляющие их на Коневец. Старый учебный катерок, подаренный военными монастырю, стал основным транспортным сообщением Коневца с Большой землей. Медленно, словно в старину, рассекает он ладожские волны. Монастырь приближается постепенно, неспешно, и в таком ставшем уже непривычным для нашего времени движении, ощущаешь себя паломником теперь уже позапрошлого, XIX века, героем очерков Николая Лескова. Там и слышатся прекрасные строки:

*Коневец, Коневец, остров
чистых сердец,
Тишины и молитв, уносящихся
к Богу.*

*Ты для нас, Коневец, отдаляешь
конец,
Как заблудших детей, выводя
на дорогу... □*

«Родник текучего огня»

Вяч. Иванов — одна из своеобразнейших фигур русского символизма, человек громадной учености и высокой культуры, противоречивый мыслитель и яркий поэт, по форме — славянофил, а по содержанию — западник и эллинист, собиравший цвет литературы и искусства Серебряного века на своей знаменитой «башне».

Образ «башни из слоновой кости», обители поэта-отшельника, распространенный в символистской поэзии, воплотился у Вяч. Иванова в реальной жизни, хотя этой башней суждено было стать обычной петербургской квартире, правда, под самым куполом необычного дома, по форме напоминавшего башню, на углу Таврической и Тверской улиц. В квартиру супругов Ивановых ведущие поэты, писатели, художники тогдашней Северной Пальмиры внесли истинно богемный дух и неповторимую игровую атмосферу, лишенную, впрочем, духа сектантства.

В своем стремлении примирить непримиримое он восхищал одних и раздражал других. Его идеи выглядели тогда для многих абстрактными и беспочвенными, однако по прошествии времени большинство из них стали актуальными. Выдающийся русский философ Л. Шестов накануне революции 1917 года называл «Вячеслава Великолепного» «одним из самых умных и блестящих современных писателей».

Духовные кризисы, порожденные внутренним противоречием и бесплодной борьбой с самим собой, сопровождали поэта всю жизнь, которая завершилась в Италии. Он умер в возрасте 83 лет.

*Оледенел ключ влаги животворной,
Застыл родник текучего огня,
О, не ищи под саваном меня!
Свой гроб влачит двойник мой, раб покорный...*

О своей семье и первых годах жизни Вяч. Иванов поведал сам — в поэме «Младенчество» и автобиографических заметках. Родился он в 1866 году в Москве. Пяти лет от роду лишился отца и перенес всю силу своей детской привязанности на мать, Александру Дмитриевну Преображенскую, рано осиротевшую внучку сельского священника. У нее он был поздним и единственным ребенком (замуж Александра Дмитриевна вышла около сорока лет). «Она оказала на меня всецело определяющее влияние, — писал Иванов. — Я страстно ее любил и так тесно с нею сдружился, что ее жизнь, не раз пересказанная мне во всех подробностях, стала казаться мне, ребенку, пережитою мною самим».

Сочетание глубокой религиозности и романтической утонченности было отличительной чертой Александры Дмитриевны. Она сознательно старалась воспитать в сыне поэта. Показывала ему портреты Пушкина, а в Библии обращала его осо-

бое внимание на историю псалмопевца Давида.

1-ю московскую гимназию юноша окончил с золотой медалью в 1884 году, и после этого продолжил учебу на историко-филологическом факультете Московского университета. Его студенческая работа по древним языкам была отмечена университетской премией. Он вошел в число любимых учеников маститого профессора-историка П. Виноградова.

А потом вместе с молодой женой Д. Дмитриевской Иванов отправился в Германию, где взялся штудировать римское право, историю и экономику в Берлинском университете под руководством всемирно известного профессора Т. Моммзена. По окончании университетского курса он начал писать диссертацию по римской истории, совмещая работу над ней с познавательными путешествиями по Европе.

*Куда идти? Кругом лежал туман,
Во мгле стопа неверная
скользила...*

Но с верою покинул край
 родимый,
Я верою пошел руководимый,
Дабы найти в пыли священных книг
Волшебный щит и меч
 неодолимый.

Приметы собственного стиля в поэтическом творчестве, вызывавшие глубокое уважение Блока, Белого, Брюсова и других столпов русского символизма, появились у Иванова после разочарования, по примеру многих соотечественников, в западной действительности. Оказавшись надолго за границей, он отчаялся найти там идеал, которого так жаждал. По-прежнему восхищаясь великой немецкой литературой, философией, музыкой, видел также самодовольное безвкусие и торжество духа мещанства, пошлости. Поэт-философ обратился сначала к идее католичества, а затем — к «исканиям мистическим», опираясь на труды Хомякова и В. Соловьева. В его стихотворении 1890 года «Русский ум» есть такие строчки: *«Как пламень, русский ум опасен: \ Так он не удержи́м и ясен, \ Так весел он и так угрюм... Он здраво мыслит о земле, \ В мистической купаясь мгле»*.

В 1891 году Вячеслав Иванов с женой и сыном переехал в Париж, чтобы работать над диссертацией. В Парижской национальной библиотеке он познакомился с русским историком И. Гревсом, втянувшем его в долгие дискуссии о разности исторических путей народов Европы

и России. Гревс же посоветовал молодому поэту побывать в Риме.

В Риме семейство Ивановых осталось надолго. Вячеслав Иванович работал над диссертацией, посещал археологический институт, писал новые стихи, выражавшие его сокровенные думы. Единственное, что омрачало его существование в Вечном городе, были изматывавшие силы приступы малярии, которые он переносил стоически.

Отношения со многими известными учеными, в том числе российскими, Иванов поддерживал личными встречами и перепиской, готовя себе по возвращении на родину, как ему казалось, блестящее академическое будущее. Но тут русло его жизни повернуло в совсем другую сторону внезапно налетевшая «могучая весенняя дионисийская гроза» — так он называл произошедшие с ним перемены. В результате, вместо почтенного профессора-историка на свет явился дерзкий и богемный модернист-художник.

При этом в поэзии Иванов оставался филологом, а в его последующих исследовательских работах больше поэтического синтеза, нежели научного анализа. А еще он оставил нам поистине классические переводы не только древнегреческих, но и итальянских, французских, английских, немецких и ряда иных поэтов.

В середине 90-х Иванов, подобно большинству творческих представителей своего поколения, увлекся поэтизированной философией

Ницше. Однако у него это увлечение парадоксальным образом уживалось с всепоглощающей любовью к Христу. Причем в ницшевском Дионисии и мифологических дионисийских культах ему виделись предтечи христианства и даже некое воплощение Христа.

Надо сказать, что «могучей дионисийской грозой», когда все в нем «расцвело и зазеленело», Вяч. Иванов назвал не только и не столько свое философское перерождение, сколько душевное потрясение, произошедшее с ним после встречи с главной его любовью и музой Лидией Дмитриевной Зиновьевой-Аннибал.

Познакомил их все тот же Гревс. Тогда она носила фамилию Шварсалона, по первому мужу, а Зиновьева была ее девичья фамилия. Но поскольку со стороны матери Лидия

Дмитриевна состояла в родстве с прадедом Пушкина Ганнибалом и под влиянием Иванова сама сделалась писательницей, то и подписываться начала этой двойной фамилией.

Зиновьева-Аннибал была во всех смыслах совершенно необычной женщиной. Богатая аристократка по происхождению и необузданная бунтарка по духу, не признававшая никаких правил и не связывавшая себя никакими узами, она отличалась яркой, экзотической внешностью, которую хорошо передают ее сохранившиеся фотографии и словесные портреты.

В 17 лет Лидочка выскочила замуж за своего учителя К. Шварсалона, полюбив того за пылкую проповедь революционных идей. Однако вскоре после свадьбы выяснилось, что «идейный» жених банально охотился за ее приданым. Невеста же его, став женой, всерьез увлеклась революцией, вступила в партию эсеров, сняла скромную квартиру без отопления, чтобы выразить презрение к буржуазному «комфарту», и собирала на ней тайные политические сходки.

Муж никак не ожидал, что его отвлеченные «проповеди» приведут к такому результату, и не на шутку перепугался за свою педагогическую карьеру. Тем не менее брак их продолжался еще несколько лет, в течение которых Лидия Дмитриевна родила мужу двух сыновей и дочь. Когда же окончательно выяснилось, что между ними не осталось ничего общего, она без коле-

баний забрала детей и уехала с ними в Италию.

«В ней была какая-то жизненная солнечная сила», — вспоминала впоследствии единственная дочь ее

мне самому, так и той, которую я любил, лишь преступною, темною, демоническою страстью».

Объединившая навек этих двух незаурядных личностей действительно

После окончания гимназии Иванов поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Его студенческая работа по древним языкам была отмечена премией, и он вошел в число любимых учеников профессора-историка П.Виноградова. К этому времени Вячеслав успел жениться и вместе с молодой женой отправился в Германию, где изучал римское право, историю и экономику в Берлинском университете

и Вяч. Иванова. Во что бы она ни была одета, она всегда казалась нарядной. У нее получалось все, за что бы она ни бралась. Начав писать, обнаружила незаурядный литературный талант. Сама вела домашнее хозяйство и успевала еще брать уроки пения у самой Полины Виардо. Причем обладала прекрасным голосом, пока не сорвала его, давая очередной концерт после неудачных родов.

Встреча с Лидией Дмитриевной поставила Вяч. Иванова перед нелегким нравственным выбором между «глубокою и нежною привязанностью» к жене и «новою, всецело захватившей меня любовью, которой суждено было с тех пор... только расти и духовно углубляться, но которая в те первые дни казалась как

глубокая любовь сочеталась с нежной заботой друг о друге, с готовностью нести общий крест.

*...Единых тайн двугласные уста,
Себе самим мы Сфинкс единый
оба.*

Мы — две руки единого креста.

Первая жена Вячеслава Ивановича приняла его выбор без злобы к оставившему ее супругу и даже способствовала в дальнейшем журнальным публикациям его стихов. Известно, что она принесла их на суд Владимиру Соловьеву, который отметил «самобытность дарования» автора. С Соловьевым Иванов виделся несколько раз во время кратких наездов в Россию. Последняя их встреча состоялась незадолго до кончины «гуру» Серебряного века, он тогда одобрил название дебютного сбор-

ника стихотворений Вяч. Иванова — «Кормчие звезды».

От матери же свой разрыв с женой поэт тщательно скрывал, хотя Александра Дмитриевна догадалась об этом и очень страдала. Пришлось настрадаться и стремящейся соединиться в браке влюбленной паре,

мый лидер нового формирующегося направления в поэзии Валерий Брюсов. В авторе вышедшей книги он почувствовал единомышленника, и сам представился ему в Париже после очередной лекции по античному дионисийству, которые Иванов читал для русских слуша-

В

ернувшись в Петербург, супруги Ивановы поселились на знаменитой «башне» и сразу создали вокруг себя особенную атмосферу, которая привлекала людей самых различных душевных складов и убеждений. «Ивановские среды» стали заметным явлением культурной жизни северной столицы

поскольку, в отличие от жены Иванова, муж Лидии Дмитриевны поначалу категорически отказывался дать ей развод. Только через четыре года, в 1899 году, они получили известие об успешном окончании ее бракоразводного процесса и смогли обвенчаться в маленькой греческой церкви итальянского города Ливорно.

Оставляя детей в Женеве, Вячеслав Иванович и Лидия Дмитриевна путешествовали по Европе, а на Пасху 1902 года совершили паломничество в Иерусалим. На обратном пути поэт заболел тифом и чуть не умер, теща себя мыслью, что «Кормчие звезды» уже отданы в печать. Сборник имел успех, на него обратил внимание деспотичный и непререкае-

телей Высшей школы общественных наук.

Летом 1905-го, при грозových раскатах первой русской революции, Иванов с Зиновьевой-Аннибал вернулся на родину. К тому времени у него вышел еще один поэтический сборник — «Прозрачность», и он успел приобрести известность в читательских кругах. Его приезда ждали.

В Петербурге супруги поселились на знаменитой «башне» и сразу же сумели создать вокруг себя атмосферу особенной, сгущенной интимности, привлекая людей различных душевных складов и убеждений. «Ивановские среды» стали заметным явлением культурной жизни северной столицы. Николай Бердя-

*Вячеслав
Иванов
с Лидией
Зиновьевой-
Аннибал*

ев вспоминал: «В атмосфере, в которой происходили собеседования по средам, было что-то молодое, začínающее, возбуждающее». «В них обоих необыкновенная радость, открытость новому человеку, — вторит ему критик и переводчица Е. Герцык. — Протянуть чашу, сердца настезь».

Необычная форма дома, угол которого был построен в форме башни, увенчанной куполом, куда можно было с опаской заходить и любоваться раскинувшимся внизу городом, невольно наводила на сравнение с символической «башней из слоновой кости» — прибежищем поэта-отшельника. Название квартиры закрепилось среди друзей и знакомых супружеской четы благо-

даря также известному стихотворению Иванова «На башне». «*Пришелец, на башне притон я обрел \ С моею царицей — Сивиллой, \ Над городом-морозом — смурый орел \ С орлицей ширококрылой...*»

Вскоре на «башне» стали еженедельно по средам собираться поэты, художники, философы — весь цвет творческой интеллигенции северной столицы. Ивановские «среды» вскоре затмили славу прежней «Поэтической Академии» — «пятниц» Случевского.

Память современников бережно сохранила вид «башни» и облик ее хозяев. Вячеслав Иванович «в черной блузе, сутулый... сквозь пушистые кольца волос казался не то юношей, не то стариком». Мемуари-

*Доходный дом
И.И. Дернова,
известный
Дом с башней.
Угол улиц
Таврической, 35
и Тверской, 1,
Санкт-
Петербург*

сты отмечали, что в нем было много разного, как и в других лучших представителях его эпохи и его склада: и великая ученость, и огромная культура, и развитое чувство прекрасного. Не было только ощущения зрелости. И это накладывало своеобразный отпечаток на весь дух вдохновляемого им сообщества.

Жена Максимилиана Волошина, художница Маргарита Сабашникова, вспоминала: «Иванов, казалось, заражал других своим вдохновением. Одному подскажет тему, другого похвалит, третьего порицает... В каждом пробуждает дремлющие силы, ведет за собой, как Дионис — своих жрецов... Необычен распорядок его дня; встает он в два часа пополудни, а гостей принимает вечером и по ночам. И работает он ночью. Наконецто — среда. Большая полукруглая комната днем освещается лишь од-

ним окошком, сейчас здесь горят свечи в золотом канделябре... Среди гостей — Сомов, Кузмин, Бакст, молодой Городецкий. Затем явились Ремизовы... писатель Чулков, провозвестник «мистического анархизма», студент Гофман, автор книги «Соборный индивидуализм».

Лидия Дмитриевна, которая одна одевалась в яркие «хитоны» из простых отрезков ткани, скрепленных на плечах, поражала гостей своими экстравагантными манерами и туалетами. Собственные рукописи она хранила в вазах, сворачивая их в трубки, наподобие древних папирусов.

При всем своем гостеприимстве и открытости, Ивановы казались в Петербурге немного «иностранцами» и, возможно, поэтому были многим непонятны. Причем даже тем, что были «счастливы своей внутрен-

ней полнотой, как не бывают счастливы русские люди, как не бывали тогда, — замечает Е. Герцык и добавляет: — Однако эти счастливые самодостаточные люди жестоко экспериментировали над теми, кто был "с трещиной через все существо". Или все-таки трещина была в и них самих? Или нездоровый "морок" изломанной эпохи "башни" овладел ими?»

Сюда, на «башню», где не чурались модного тогда в богемной среде кокаинового дурмана, привели однажды молоденькую начинающую поэтессу Анну Горенко, будущую Ахматову. Отголоски ее впечатлений от нескольких присутствий на ивановских «средах» мы находим в поздней ахматовской «Поэме без героя», отразившей характерные приметы той блестящей и греховной эпохи.

Поздней осенью 1907 года в окрестных деревнях разыгралась эпидемия. Лидия Дмитриевна, всегда жалевшая крестьян, ходила по избам, помогая лечить детей. В результате заразилась сама, и через несколько дней умерла.

После смерти хозяйки жизнь на «башне» резко изменилась. «Среды» были отменены. Хозяин дома иногда принимал гостей, но теперь уже назначал им аудиенции.

В те тяжкие для Иванова дни утраты спутницы жизни его волей овладела невеста откуда появившаяся теософка и мистик Анна Минцлова. Грузная, астматичная, без возрас-

та, с копной тускло-рыжих волос, с близоруко-выпуклыми глазами, всегда в черном платье, пропитанном резким запахом духов. Очевидно, оккультные сеансы Минцловой привели к тому, что поэту во сне явилась умершая жена, которая «завещала» ему свою дочь Веру. А затем между Верой и отчимом завязались отношения, весьма далекие от родственных. Бледная копия матери, Вера Шварсалон унаследовала некоторые черты ее характера и была не лишена практической житейской хватки, так недостававшей Вячеславу Ивановичу.

Постепенно «башенные» собрания возобновились, вновь привлекая множество самых разнородных гостей. Но осенью 1912-го Иванов с родной и приемной дочерьми отбыл за границу. В литературных кругах пошли слухи о том, что он сошелся со своей падчерицей, и она ждет ребенка. Инцеста не было, однако православная церковь подобный брак не благословила бы, хотя поэт смотрел на их отношения именно как на брак, со всеми вытекающими обоюдными обязательствами. Да и его родная дочь Лидия именно так характеризовала отношения отца со светловолосой, медно-профильной Верой.

Лидия, которой тогда едва исполнилось 16, осталась с ними на всю жизнь, впервые духовно сблизившись с отцом. Она стала талантливой

композитором и сочиняла музыку на его стихи. Вскоре они втроем уехали во Францию, и там у Веры родился сын Дмитрий. Потом семья переехала в Рим. А позже Вячеслав Иванович обвенчался с Верой — в той же ливорнской греческой церкви, где венчался с ее матерью.

В Россию Ивановы вернулись в 1913 году, но уже не в Петербург, а в Москву, и поселились на Зубовском бульваре, принимая, как прежде, многочисленных старых и новых друзей, среди которых теперь было больше философов, нежели поэтов. И каких философов! С. Булгаков, Н. Бердяев, П. Флоренский... Новый, 1914 год, встречали у Бердяевых.

Война поначалу не затронула семейства Ивановых. Казалось, жизнь

*Вячеслав
Иванов,
Лидия
Зиновьева-
Аннибал
и Вера
Шварсалон*

Фото
из Римского
архива
Вячеслава
Иванова

стареего поэта вошла в спокойное, счастливое русло. «...Счастли- во сердце, когда расточается... Сча- стье — победа любви» — так он на- пишет в стихотворении «Счастье». В этот период Иванов умиротворен- но обратился памятью к своему дет- ству, работая над поэмой «Младен- чество».

В 1916 году вышел второй сбор- ник его религиозно-философских статей «Борозды и межи» (первый — «По звездам» — увидел свет в 1909 году). Сборник вызвал оживленный отклик в литературно-обществен- ных кругах, особенно помещенные в нем статьи «Достоевский и роман- трагедия», «О русской идее», «Лев Толстой и культура». Они несли в се- бе ощущение бурлящей стихии, го- товой разразиться катаклизмами.

Февральскую революцию Вяч. Иванов воспринял с надеждой. Но она вскоре угасла, когда свет рево- люции сменился пожаром. Поэт ви- нил себя за «проповедь дионисий- ства», осознавая теперь, что и он, и его единомышленники из рядов твор- ческой интеллигенции, сами того не ведая, именно этого пожара и доби- вались. *«Да, сей пожар мы поджига- ли, \И совесть правду говорит, \Хотя предчувствия не лгали, \ Что сердце наше в нем сгорит».*

Сердце стареего поэта «сго- рело» в революционном пожаре не сразу. Первые послеоктябрьские го- ды Вячеслав Иванович держался в отношении новой власти достаточно

Лидия Зиновьева-Аннибал

лояльно. По крайней мере, не пред- принимал попыток бегства, подобно многим другим собратьям по перу. Но состояние свое характеризовал, как «зима души». Не случайно его поэтический цикл, созданный в го- лодной и холодной Москве 1919–20 годов, называется «Зимние сонеты».

Тяжелое душевное состояние Иванова усугублялось еще и тем, что на его глазах умирал самый близкий и родной человек — жена, и помочь он ей ничем не мог. Вера погибала от истощения (питались одним пшеном), а затем ее осла- бленный организм сделался легкой добычей чахотки. Весной 1920 го- да, правда, блеснула надежда на спасение — нарком просвещения Луначарский выхлопотал Бальмонту и Иванову, чей талант очень ценил,

заграничные командировки для лечения.

Понимая, что обратно оба они, скорее всего, не вернутся, условием их выезда поставили обещание не выступать публично против советской власти. Бальмонт, уехавший первым, данное обещание нарушил; и Иванову, которому уже был назначен день отъезда, командировку ан-

классу композиции. Иванову же, который декларировал, что отныне он не поэт, а только ученый муж, профессор, поручили заведование университетской кафедрой классической филологии и предоставили для проживания бывшую курительную комнату в самом здании университета.

Жизнь в Баку в начале 20-х годов действительно была не так страшна,

Первые послеоктябрьские годы Вяч. Иванов держался в отношении новой власти достаточно лояльно, по крайней мере, не предпринимал попыток бегства, подобно многим другим собратям по перу. Но состояние свое характеризовал, как «зима души». Не случайно его поэтический цикл, созданный в голодной и холодной Москве 1919–1920 годов, называется «Зимние сонеты»

нулировали. Узнав об этом, Вера сказала: «Это смертный приговор». Крушение последней надежды, очевидно, ее окончательно сломило. Она умерла в августе 20-го, тридцати лет от роду.

После смерти жены Вяч. Иванов как поэт на годы замолчал. Остаться в Москве следующей зимой было выше его сил. Выхлопотанная им командировка с семьей в Баку явилась спасительным выходом.

Там, вопреки мрачным прогнозам знакомых, оказалось совсем неплохо. Дочь Лида преподавала в только что основанной Бакинской консерватории и сама училась в ней по

как виделась из Москвы. В городе существовала свободная торговля, с едой было много легче, чем в центральной России, поэтому туда стекались потоки беженцев, в том числе, интеллигенция. Открылся университет, появилась профессура, с энтузиазмом взявшаяся за его обустройство. Так что приезд Вяч. Иванова пришелся весьма кстати. В Бакинском университете он через некоторое время защитил докторскую диссертацию по своей коронной теме: «Дионис и прадионисийство».

Дальше — больше. В 1924 году Вячеслава Ивановича вызвали в Москву на празднование 125-летия со

дня рождения Пушкина. А из Москвы Иванов вскоре прислал семье телеграмму потрясающего содержания: его посылают «с поручением» в Италию, и детям (подростку Диме и Лиде) разрешили ехать с ним.

*Вновь арок древних верный
 пилигрим,
В мой поздний час вечерним
 «Ave, Roma»
Приветствую, как свод родного
 дома,
Тебя скитаний пристань, вечный
 Рим.*

В Риме воспрявший душой поэт снова начал писать стихи. Большинство российских эмигрантов «первой волны» мучительно ностальгировали по утраченной Отчизне и возвращались к ней памятью, главным образом, к вере отцов, живому нерву русской культуры. Иванов отличался от них тем, что Рим для него был «возвращением домой». И хотя православие представлялось ему «Троей предков», он принял решение о переходе в католичество. Однако отречься от веры отцов и тем более осуждать ее Иванов тоже не хотел и сделался католиком так называемого восточного обряда, сохранив верность любимой им внешней форме православия.

Вслед за отцом этот, можно сказать, «духовный переход» совершили Лидия и Дмитрий. Они встречались с отцом только во время римских каникул, поскольку жили и работали в разных городах. Сам Вя-

Вячеслав Иванов и Вера Шварсалон

чеслав Иванович большую часть года проводил в Павии, где преподавал в университетском колледже и жил в палатце XVI века. Он долго еще сохранял советское гражданство, что создавало ему определенные трудности в столице фашистской Италии. В Павии же к его советскому паспорту относились более терпимо. Тем не менее, в 1934-м Иванов вернулся в столь дорогой его сердцу Рим, приняв предложение вести курс в католической семинарии, готовившей священников восточного обряда. Начались поиски постоянной квартиры для всей семьи.

В итоге Ивановы поселились на Тарпейской скале — утесе, с которого в древнем Риме сбрасывали осужденных на смерть преступников. К 1930-м годам «скала» была густо застроена, но из окон ивановского дома не было видно ни одного здания, только Паладин — слева, и справа — Форум, открытый до самого Колизея. Лестница спускалась прямо в волшебный садик с ма-

леньким бассейном, в котором плавали красные рыбки.

Здесь Иванова навещали старые знакомые — чета Мережковских, приехавших в Италию «на поклон» к Муссолини. Вскоре, однако, любимшее жилище пришлось сменить, поскольку правительство распорядилось снести на Тарпейской скале все постройки, дабы вернуть ей «исторический облик».

Последним пристанищем семейства Ивановых стал дом на Авентинском холме, в котором поэт и скончался в 1949 году. Его дочь Лидия умерла в 1985-м, и после ее смерти дом был продан. Сын Иванова, Дмитрий, нашел на соседней улочке квартиру схожей планировки и в ней любовно воссоздал интерьер отцовского кабинета. Правда, из него уже не был виден восхищавший Иванова купол собора святого Петра.

В последние годы жизни выходить из дома Вячеславу Ивановичу становилось все труднее. Но он не бросал работы, хотя к этому време-

Интересный опыт «стихо-прозы» — последнее, что успел подарить Вяч. Иванов читателям, работая вплоть до смерти над «Повестью о Святомире-царевиче».

Он умер, разменяв девятый десяток, после месяцев тяжелой болезни. За несколько дней до кончины исповедался и причастился. «16 июля, — вспоминала его дочь Лидия Иванова, — был жаркий, ослепительный день. Он впадал в забытие, как бы тихо засыпая. За час до смерти, когда я подошла к нему, он, не открывая глаз... слабым, но еще покорным ему движением на-

В

последние годы жизни выходить из дома Вячеславу Ивановичу становилось все труднее. Но он не бросал работы, хотя к этому времени был больше профессором, чем поэтом. К нему пришла известность на Западе. Ивановская «Переписка из двух углов» переводилась на европейские языки, и его начали провозглашать чуть ли не центральной фигурой русского символизма

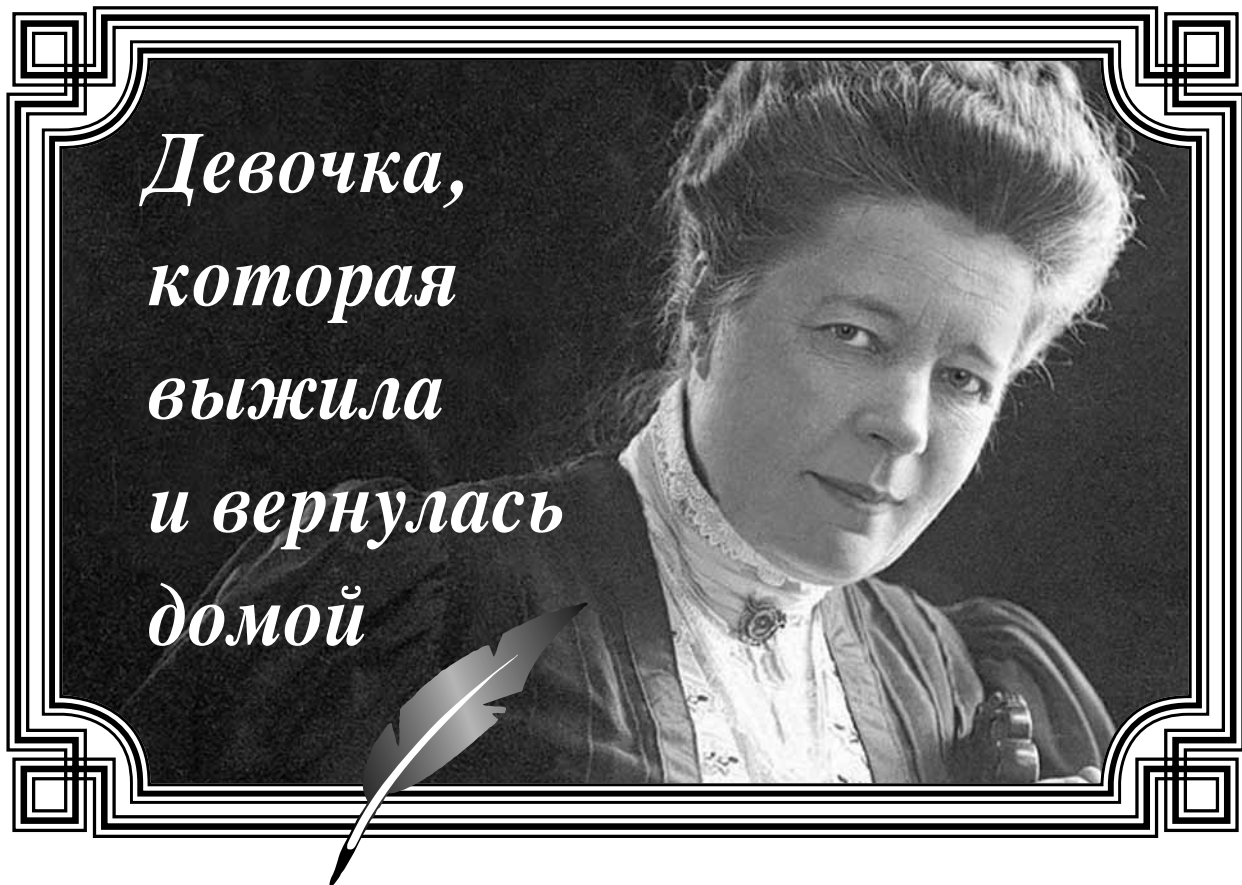
ни был больше профессором, нежели поэтом. Одним из его значительных исследований тех поздних лет явился комментарий к библейским деяниям апостолов и Апокалипсису. К нему постепенно пришла известность на Западе. Ивановская «Переписка из двух углов» переводилась на европейские языки, и его начали провозглашать чуть ли не центральной фигурой русского символизма.

чал легко, легко гладить мою руку... Он умер как бы сознательно, уснул...»

Итоги долгого пути этого действительно очень крупного поэта, драматурга, переводчика, мыслителя и теоретика символизма продолжают привлекать нас и сегодня. Илья Эренбург писал о нем когда-то: «Он пришел к нам жрецом поэтов, он уйдет от нас поэтом». □

Евгения Гордиенко

Сельма Лагерлёф

На шведской купюре достоинством в 20 крон образца 1997 года была изображена немолодая женщина в широкополой шляпе. Ничего удивительного — сейчас. Но в те времена, когда она родилась и выросла, даже получение ею Нобелевской премии по литературе считалось скорее удачей, нежели результатом упорного труда и наличием таланта. Эта женщина — Сельма Лагерлёф. Ее жизнь — удивительный пример того, как талант и трудолюбие справляются не только с болезнями и жизненными трудностями, но и с затвердевшими правилами патриархального общества.

Родилась Сельма в 1858 году в многодетной семье, принадлежавшей к старинному дворянскому роду. Отец девочки был военным, мать — учи-

тельницей. Однако к моменту появления младшей дочери от бывшего величия семьи почти ничего не осталось. Только сказки да поместье

Морбакка, любовь к которому Лагерлёф сохранила на всю жизнь.

Сказки же были нужны маленькой Сельме как воздух, ведь в трехлетнем возрасте девочку, к ужасу всего семейства, разбил паралич. Она оказалась прикована к кровати, и только истории, которые рассказывали отец, мать и бабушка, позволяли ей держаться. Став постарше, она уже по собственному усмотрению перекраивала эти сказания, сочиняя из них все новые и новые истории.

Так прошло шесть долгих лет.

Когда Сельме исполнилось девять, ее отправили в стокгольмскую клинику, где столичные врачи неожиданно согласились помочь девочке, чей случай раньше казался безнадежным. Она снова могла ходить, правда, опираясь на палку, которая на всю жизнь станет ее верной спутницей и частью запомнившегося многим образа.

Теперь Сельма чувствовала, что весь мир открыт перед ней, хотя сам мир принял ее не сказать, чтобы очень по-доброму. Беды начались с того, что умер отец, а после его смерти любимую семей Морбакку продали за долги. Мать девочки работала, чтобы дочь могла учиться. И Сельма — с некоторым опозданием, уже в 23 года, — поступила в Стокгольмский лицей. Несмотря на то, что ее драматизировали калекой и переростком, училась она значительно лучше остальных, что позволило ей через год поступить в Высшую королевскую учительскую семинарию. Для нее

это значило очень много — ведь нужно было обеспечивать себя самой, больше ни на кого надежды нет. Вспомним — это семидесятые годы девятнадцатого века. Девушка,

решившая работать, вызывала, как минимум, недоумение. Что же касалось Сельмы, то тут примешивалась еще и жалость — конечно, где уж бедной калекке выйти замуж и устроить свою жизнь как следует.

Свою первую работу Лагерлёф получила на юге Швеции — в школе для девочек. И почти сразу стала любимой учительницей — ведь на своих уроках она не заставляла заучивать скучные сведения, а превращала занятия в сказочные повествования, в настоящие живые спектакли!

Однако тоска по родному дому — по милой Морбакке — заставляла девушку грустить, и она решила записать все семейные сказания, что-

В юности

бы хоть так сохранить память родового поместья.

И вот каждый вечер, после работы, она стала писать свой первый роман — «Сага о Йесте Берлинге». Главный герой — путник, который посещает старинную усадьбу и знакомится с ее жителями и древними легендами. Уверенная в том, что ее история может быть кому-то интересна, Сельма отправила ее на конкурс в одну популярную газету. И выиграла! Жюри отметило необычайную фантазию молодой учительницы, что вдохновило девушку чрезвычайно. Ведь прежде от коллег, которым она давала почитать рукопись, Лагерлёф слышала только, как несовременно в век развития науки писать подобные сказки. К тому моменту ей исполнилось 32 года.

И Сельма начала писать. В следующие полтора десятилетия она напишет немало успешных произведений. Но каждый ее успех все равно воспринимался в обществе как везение... О таланте и усердном труде женщины почему-то никто не говорил.

В большинстве своем она писала волшебные истории, которые интересны прежде всего детям, хотя часто они весьма религиозны — «Святая ночь», «Вифлеемский младенец», «Свеча от Гроба Господня» и другие, вошедшие в сборник «Легенды о Христе».

Но настоящую славу принесла ей сказка «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями», которая изначально задумывалась как...учебник для школьников. Задачей было по-

знакомить учеников с географией и историей Швеции, ее традициями и культурой. И Лагерлёф выбрала такой необычный, как сегодня сказали бы, формат — сказку. Помимо основной задачи писательница выполнила еще и «сверхзадачу» — постаралась привить детям способность сочувствовать чужому горю и радоваться простым вещам, защищать тех, кто слабее, и помогать тем, кому сейчас хуже, чем тебе. С одной стороны, вполне христианские истины, но будем честны, так ли уж им следовали все те, кто изо всех сил ругал такой «учебник» Лагерлёф?

Вопреки их предсказаниям о бессмысленности такого обучения, кни-

га стала очень популярна не только в Швеции, но и во всем мире.

И справедливая награда не заставила себя ждать. В 1909 году Сельма Лагерлеф стала первой женщиной, получившей Нобелевскую премию по литературе, и третьей женщиной, получившей ее за всю историю премии (после Марии Кюри и Берты Зутнер). Формулировка при присуждении премии была такова: «За благородный идеализм и богатство фантазии». То есть именно за то, чем и была важна Сельма Лагерлёф как писатель в целом и как сказочница в частности. Король Густав V лично вручил ей золотую медаль и денежный чек, на который у нее уже были

Софи Элкан

Сельма Лагерлёф

Вальборг Оландер

планы — она собиралась выкупить любимую Морбакку. Что и сделала, прожив впоследствии в родовом поместье до самой старости. Круг замкнулся, а причина сошлась со следствием — начав писать истории, чтобы сохранить память об утраченном родном доме, Сельма смогла вернуть его себе.

Но, разумеется, это не означало, что она больше не будет писать. С 1925 по 1928 годы Лагерлёф пишет самые крупные свои произведения — «Перстень Левеншельдов», «Анна Свезд» и «Шарлотта Левеншельд», посвященные жизни одного большого семейства на протяжении почти полутора веков. По сути, это было автобиографией, только не ее самой, а всего ее древнего рода.

Коротая свои дни в родовом поместье, Лагерлёф для многих оставалась загадочной фигурой. Статная женщина, опирающаяся на пал-

ку, в широкополой шляпе... Она вызвала ассоциации то с немолодой волшебницей, то с вдовствующей королевой. О личной жизни писательницы было известно крайне мало, и уже через много лет, когда ее подробности открылись благодаря найденной переписке, стало понятно, почему она так тщательно оберегала свою личную историю.

В 1894 году Сельма познакомилась с молодой вдовой Софи Элкан. Дамы вместе объездили всю Европу, побывали в нескольких африканских и азиатских странах. Во время их пребывания в Италии с подругами общалась шведская писательница и журналистка Элин Вагнер. Много позже, в 1942 году, свои впечатления она описала так: «Софи обычно шла впереди, всегда безупречно одетая, она выглядела очень мило благодаря тонким нежным чертам лица и пышным волнистым волосам. Она от-

личалась наблюдательностью и прямой суждений, была интересным и уверенным в себе собеседником. Сельма, напротив, казалась неловкой, угловатой, и в то же время в ней (в 37 лет!) было что-то юное, свежее и нетронутое».

В 1898 году Сельма познакомилась с Вальборг Оландер, преподавательницей и убежденной феминисткой. Та безумно влюбилась в пи-

сательницу и чувств своих не скрывала, хотя и ограничивалась скромной ролью «просто подруги и помощницы»: взяла под контроль корреспонденцию писательницы, финансы, даже домашнее хозяйство и оставалась рядом с Лагерлёф до конца ее жизни.

Когда в 1933 году к власти в Германии пришли нацисты, они поначалу относились к всемирно известной

Лагерлёф с уважением, как к «нордической поэтессе». Однако ее поступки быстро охладили пыл арийцев. Она принимала участие в спасении писателей и деятелей культуры от нацистских преследований, помогла оформить визу немецкой поэтессе Нелли Закс, чем спасла ее от лагерей смерти. Закс впоследствии также получила Нобелевскую премию — в 1966 году.

С началом Второй мировой войны Лагерлёф пожертвовала свою золотую нобелевскую медаль Шведскому национальному фонду помощи Финляндии. Правительство, правда, изыскало средства другим способом, и медаль писательнице была возвращена. Это случилось незадолго до смерти — Сельмы Лагерлёф не стало в марте 1940 года. Но она до конца жизни оставалась верной идеалам — своим и Нильса.

В одном из последних интервью она сказала: «Вечерами, когда я сижу здесь, в Морбакке, и вспоминаю все, что мной создано, меня радует одно... Я никогда не создала ни одного произведения, которые принесло бы вред человечеству».

...На оборотной стороне той самой двадцатикроновой купюры с Сельмой Лагерлёф были изображены самые известные персонажи ее книг — Нильс и гуси, путешествующие по Швеции. Их — вместе с писательницей — совместное путешествие по кошелькам шведов, к сожалению, окончилось в 2006 году, когда банкноту изъяли из обращения. Но огорчаться этому не стоит — ведь теперь на тех же двадцати кронах красуется не менее знаменитая писательница — Астрид Линдгрен. А значит, шведская сказка не заканчивается.

Сельма Лагерлёф

Рождественский ГОСТЬ

Одним из кавалеров, которые жили в Экебю, был малыш Рустер. Он умел играть на флейте и транспонировать ноты. Это был человек самого простого происхождения, бедняк, у которого не было ни родни, ни крыши над головой. Трудно пришлось ему, когда рассеялось кавалерское общество.

Не стало у него ни лошади, ни тележки, ни шубы, ни красного погребца с дорожной снедью. И побрел он пешком от усадьбы к усадьбе со своими пожитками, сложив их в узелок из белого носового платка с голубой каемкой. В просторные карманы он складывал все самое драгоценное из своего достояния: разобрannую на части флейту, плоскую дорожную фляжку и нотное перо.

Он знал ремесло нотного переписчика и в прежние времена без труда нашел бы себе работу, да на его беду, свет переменился. Год от года в Вермланде все меньше музицировали. И вот уже гитара на истлевшей ленте и валторна с выцветшей кисточкой на шнурке отправились вместе с ненужным хламом на чердак, где уже давно пылились продолговатые, окованные железом скрипичные футляры. И чем реже Рустеру приходилось брать в руки перо или флейту, тем чаще он вспоминал про фляжку, и, в конце концов, стал горьким пьяницей. Не повезло ему, бедняге.

Ради старой дружбы его еще принимали в окрестных усадьбах. Но встречали скрепя сердце, а провожали с радостью. От него несло затхлым запахом и винным перегаром, он быстро хмелел от одной рюмки и начинал нести всякую околесицу. Гостеприимные хозяева боялись его как чумы.

Однажды под Рождество он отправился в Левдаль, к знаменитому скрипачу Лильекруне. Когда-то Лильекруна тоже жил в компании кавалеров, но после смерти майорши вернулся на свой крепкий хутор Левдаль и остался там жить. И вот незадолго перед Рождеством, в самый разгар предпраздничной уборки, туда явился Рустер и спросил, не найдется ли для него какая-нибудь работенка. Лильекруна дал ему переписывать ноты, только чтобы его занять.

— Уж лучше бы ты его не привечал, — сказала ему жена. — Теперь он нарочно проковыряется подольше, и нам придется оставить его у себя на Рождество.

— Пускай уж остается, больше ему некуда деваться! — ответил Лильекруна.

Он угостил Рустера пуншем и водкой, они выпили, и Лильекруна словно заново пережил с ним былые кавалерские денечки. Однако у него было тоскливо на душе. Он, как все, тяготился Рустером, хотя и старался не показывать вида, свято чтя законы дружбы и гостеприимства.

В доме у Лильекруны праздничные приготовления начались за три недели до Рождества. Хлопот было много, и все домашние трудились, не покладая рук. Ходили с красными глазами, оттого что и поздней ночью работали при свечах и при лучине, подолгу мерзли в пивоварне и холодном са-

рае, пока солили мясо и варили пиво. Но и хозяйка, и домочадцы все терпели и не жаловались, зная, что после всех трудов наступит сочельник, и тогда все изменится, как по волшебству. На Рождество само собой откуда-то приходит веселье и радость, все будут шутить и смеяться, сыпать стихами и поговорками, ноги сами запросятся в пляс, и припомнятся забытые слова и мелодии, которые, оказывается, не забыты вовсе, а только до поры до времени дремали в глубине памяти. И все станут добрыми, такими добрыми друг к другу!

А когда появился Рустер, все домочадцы решили, что праздник испорчен. Так думали и хозяйка, и старшие дети, и верные слуги. При виде Рустера в них закралась гнетущая тревога. Они боялись, что встреча с ним разворошит в душе Лильекруны старые воспоминания, вспыхнет огненная натура великого скрипача, и тогда прости-прощай дом и семья!

С тех пор как Лильекруна вернулся домой, прошло уже несколько лет, и за это время все домочадцы несказанно полюбили хозяина. Он много значил для своих домашних, особенно в рождественский праздник. Его обычное место было не на диване и не в качалке, а на узкой, отполированной до блеска скамеечке около печки. Сядет он, бывало, в своем уголке и пустится в сказочное путешествие. В этих странствиях он объездил всю землю, парил в звездной вышине, и выше звезд залетал. Он то играл на скрипке, то рассказывал, а все домашние собирались в кружок и слушали. Жизнь становилась невиданно прекрасной и возвышенной, когда ее освещало сияние его богатой души.

Поэтому его и любили, как любят Рождество, радость, весеннее солнышко. Приход Рустера всех взбаламутил и нарушил праздничное настроение. Они так старались, но все их труды пропадут понапрасну, если Рустер сманит за собой хозяина. Несправедливо это и обидно, что какой-то пьянчужка навязался на шею благочестивым людям, а теперь рассядется за рождественским столом и всем испортит праздник.

В сочельник утром Рустер кончил переписывать ноты и завел речь о том, что ему пора в путь, хотя на самом деле он, конечно, рассчитывал остаться.

Лильекруне отчасти передалось общее раздражение, поэтому он довольно-таки вяло предложил Рустеру не спешить с уходом, чтобы встретить здесь Рождество.

Рустер был вспыльчив и горд. Он покрутил усы, потрянул черными кудрями, которые, как туча, вздымались над его челом:

— Что ты хочешь этим сказать? Уж не думаешь ли ты, Лильекруна, что кроме твоего дома мне некуда пойти? Вот еще! Да меня ждут-не дождутся

на железной фабрике в Бру! Для меня и комната приготовлена, и чарка с вином налита! Одним словом, мне надо спешить, только вот не знаю, кого навестить первого.

— Бог с тобой! — ответил Лильекруна. — Поезжай, коли ты так хочешь!

После обеда Рустер испросил займы лошадь и сани, шубу и меховую полость. С ним послали работника, чтобы тот отвез Рустера в Бру, и наказали ему поскорей возвращаться: похоже было, что разыграется метель.

Никто не поверил, что Рустера где-то ждут или что найдется такое место в округе, где бы ему были рады. Однако всем так хотелось поскорее от него отделаться, что никто не признался перед собой в этих мыслях. Гостя торопливо спровадили, ожидая, что без него в доме сразу же станет хорошо и весело.

В пять часов все собрались в зале, чтобы пить чай и плясать вокруг елки, но Лильекруна был молчалив и печален. Он не садился на волшебную скамейку, не притронулся ни к чаю, ни к пуншу, не сыграл им польку, отговорившись тем, что будто бы неисправна скрипка, а кому охота плясать и веселиться, те пускай, мол, обходятся сами.

Тут уж и хозяйка встревожилась, и дети расстроились, и все в доме пошло вразброд. Грустное получилось Рождество.

Молочная каша свернулась, свеча зачадилась, из печи повалил дым, за окном поднялся ветер, разыгралась вьюга, и со двора потянуло ледяным холодом. Работник, которого послали отвезать Рустера, не возвращался, домоуправительница плакала, а служанки перессорились.

А тут еще Лильекруна вспомнил, что забыли выставить рождественский сноп для воробьев, и начал ворчать на женщин, что вот, дескать, старые обычаи позабыты, все бы вам только модничать, а сердечной доброты ни в ком не осталось. Однако они хорошо понимали, что он просто переживает из-за того, что не уговорил Рустера остаться на Рождество.

Вдруг хозяин встал, вышел вон и, запершись в своей комнате, начал играть на скрипке; такой игры от него не слышали с тех пор, как он бросил бродяжничать. В музыке звучала злость и насмешка, страстный порыв и мятежная тоска: «Вы думали посадить меня на цепь, а мне не страшны ваши оковы! Вы думали принизить меня до вашей мелочности. А я вырвался от вас на волю, на простор. Эй вы, скучные, серые людишки, рабские душонки! Попробуйте меня поймать, если сможете угнаться!»

Послушав скрипку, жена сказала:

— Завтра он убежит, и ничто его не остановит, кроме Божьего чуда. Вот из-за нашего плохого гостеприимства мы сами накликали беду, которой боялись.

А Рустер тем временем все ехал куда-то сквозь метель. Он ездил от усадьбы к усадьбе и везде спрашивал, нет ли для него работы, но нигде его не принимали. Ему даже не предлагали выйти из саней. У одних был полон дом гостей, другие сами собирались завтра ехать в гости.

— Поезжай к соседу! — отвечали ему повсюду.

Его даже звали пожить несколько дней и поработать, но только потом, после Рождества. Сочельник бывает раз в году, и дети с самой осени ждали праздника. Разве можно посадить за праздничный стол рядом с детьми такого человека! Раньше его охотно приглашали, но теперь другое дело: кому нужен этот пьянчужка, да и что с ним делать? Отправить в людскую — не-уважительно, а с господами посадить — много чести.

Вот так и пришлось Рустеру разъезжать среди злой метели от усадьбы к усадьбе. Мокрые усы печально обвисли у него по губам, воспаленные глаза покраснели, взгляд помутнел, зато из головы выветрились винные пары. И тут он с удивлением подумал: «Неужели и впрямь никто не хочет меня у себя принимать?»

И вдруг, точно впервые увидев, какой он жалкий и опустившийся, Рустер понял, как он противен окружающим. «Со мною все кончено, — подумал он. — Кончено с переписыванием нот, кончено с флейтой. Никому на свете я не нужен, никто меня не пожалеет».

Мела и завивалась вьюга, взметая сугробы и переноса их на новое место; вздымались столбом снежные вихри и неслись по полям, тучи снега взлетали на воздух и вновь осыпались на землю.

«Все, как в нашей жизни, — сказал себе Рустер. — Весело плясать, пока тебя несет и кружит, а вот падать, ложиться в сугроб и быть погребенным — обидно и грустно». Но, в конце концов, всем это суждено, а нынче настал его черед. Не верится, что вот и пришел конец!

Он уже не спрашивал, куда его везет работник. Ему чудилось, что он едет в страну смерти.

Рустер не проклинал свою флейту или кавалеров, он не подумал, что лучше было пахать землю или тачать сапоги. Он только горевал, что превратился в отслуживший инструмент, который не годится больше для радостной музыки. Он никого не винил, зная, что лопнувшую валторну или гитару, которая перестала держать лад, остается только выбросить.

Он вдруг ощутил небывалое смирение и понял, что в этот сочельник пришел его последний час. Ему суждено погибнуть от голода или замерзнуть, потому что он ничего не умеет, ни на что не пригоден, и у него нет друзей.

Но тут сани остановились, и сразу вокруг сделалось светло. Он услышал дружелюбные голоса, кто-то взял его под руку и увел с мороза в дом, кто-то напоил горячим чаем. С него сняли шубу, со всех сторон он слышал добрые слова приветов, и чьи-то теплые руки растирали его заочневшие пальцы.

Это было так неожиданно, что в голове у него все смешалось, и прошло четверть часа, прежде чем он очухался. Рустер не сразу сообразил, что снова оказался в Левдале. Он даже не заметил, когда работник, которому надоело таскаться по дорогам в метель и стужу, повернул назад и поехал домой. И никак не мог понять, отчего ему вдруг оказали такой ласковый прием у Лильекруны. Откуда ему было знать, что жена Лильекруны очень хорошо представляла себе, какой тяжкий путь выпало ему проделать в сочельник, выслушивая отказ всюду, куда бы он ни постучался. И ей стало так его жалко, что она забыла все прежние опасения.

Между тем Лильекруна все безумствовал на скрипке, запершись в своей комнате. Он не знал, что Рустер уже вернулся.

Хозяйка, недолго думая, задала Рустеру работу.

— Слышишь, Рустер, как наш хозяин весь вечер играет на скрипке? Мне надо на стол накрыть и приготовить угощение, а дети одни брошены. Придется уж тебе поглядеть за двумя младшенькими.

Из всех людей Рустеру меньше всего приходилось иметь дело с детьми. Дети как-то не попадались на его пути ни в кавалерском флигеле, ни в солдатской палатке, ни в трактирах или на большой дороге. Он даже смутился перед ними и не знал, что и сказать, чтобы не оскорбить их слуха.

Рустер достал флейту и стал им показывать, как надо обращаться с дырочками и клапанами. Одному малышу было четыре года, другому шесть. Урок так их заинтересовал, что они совсем погрузились в новое занятие.

Рустер развлекал детей, но голова его была занята другим, в ней бродили мысли, которые привязались во время метели. Он думал, что все это мило и прекрасно, но только уж не для него. Его, как старую рвань, пора выбросить на свалку. И он вдруг закрыл лицо руками и заплакал.

Жена Лильекруны взволнованно подошла к нему и заговорила:

— Послушай, Рустер! Я понимаю, что тебе кажется, будто все для тебя кончено. Музыка перестала быть тебе подспорьем, и ты губишь себя водкой. Так вот, на самом деле для тебя еще не все пропало!

— Какое там! — вздохнул Рустер.

— Ты же сам видишь, что возиться с детишками — занятие как раз по тебе. Если начнешь учить детей чтению и письму, ты снова станешь для всех желанным гостем. Вот тебе инструменты, на которых играть ничуть не легче, чем на флейте или на скрипке. Взгляни-ка на них, Рустер!

И с этими словами она поставила перед ним двух своих детей. Он поднял взгляд и, сощурясь, как от яркого солнца, посмотрел на них мутными глазами.

— Посмотри на них, Рустер! — строго повторила жена Лильекруны.

— Я не смею, — ответил он, пораженный ослепительным сиянием непорочной души, которое светилось в прекрасных детских глазах.

И тут жена Лильекруны рассмеялась — звонко и радостно:

— Придется тебе к ним привыкать, Рустер! Ты можешь на весь этот год остаться у меня в доме учителем.

Лильекруна услышал смех своей жены и вышел в залу.

— Что тут такое? — спросил он.

— Ничего особенного, — ответила жена. — Просто вернулся Рустер, и я договорилась с ним, что он останется у нас учителем при малышах.

Лильекруна воззрился на нее в изумлении:

— Ты решилась? Ты осмелилась? Неужели он обещал бросить...

— Нет! — ответила жена. — Рустер ничего мне не обещал. Но ему придется очень следить за собой и держать ухо востро, потому что здесь ему каждый день нужно будет смотреть в глаза маленьким детям. Кабы не Рождество, я бы никогда не решилась на такое, но уж коли Господь наш решился оставить среди нас, грешных, не просто малого ребенка, а своего сына, то уж, верно, и я могу позволить, чтобы мои дети попытались спасти одного человека.

Лильекруна не мог вымолвить ни слова, но его лицо подергивалось и вздрагивало каждой морщинкой, как всегда, когда он бывал поражен чем-нибудь величественным. Затем он благоговейно поцеловал руку жены и громко воскликнул:

— Подите сюда, дети, и все поцелуйте ручку своей матушке!

Что и было сделано, а после в доме Лильекруны весело отпраздновали Рождество. □

Алексей Новиков — выпускник ВГИКа, молодой талантливый актер и режиссер, телеведущий на канале «Карусель». Он снимался во многих сериалах: «Мент в законе-6», «Бессонница», «Верю-не верю», «Пятницкий. Глава четвертая», «Адвокат-9», «Профиль убийцы-2», «Лесник», «Смерш», «Шелест», «Охота на дьявола» и других. А еще принимал участие в документальном фильме «Знать будущее. Жизнь после Ванги». Очень любит свою профессию и детей, с удовольствием работает в студии «Пупс-фильм», созданной два года назад именно для них.

Алексей Новиков

*«Никогда
не останавливайтесь
на достигнутом!»*

Фото: Ruskino.ru

Фото из личного архива

— Алексей, как начинался ваш творческий путь?

— В моем родном городе Кемерово я некоторое время учился в институте на режиссера театрализованных представлений, а было время, когда на режиссуру брали только после тридцати лет. Потом решил поехать в Москву и поступил в эстрадно-цирковое училище, два года там отучился, а в 2012 году стал студентом ВГИКа, занимался в мастерской народного артиста РФ Александра Яковлевича Михайлова, настоящего большого мастера, поэтому мы, сту-

денты, работали с ним с большим удовольствием.

По окончании ВГИКа меня и еще нескольких ребят с нашего курса взял к себе режиссер и актер Сергей Витальевич Безруков — несколько лет мы играли спектакль «Пушкин» в его постановке, успешно гастролировали с ним по стране.

Действие спектакля охватывает период жизни великого поэта с 1825 по 1837 год. Я играл отрицательного персонажа — статского советника Фогеля, который следил за поэтом, повсюду собирал на него компромат.

Сергей Безруков — большой профессионал своего дела. Играя главную роль, он подмечал все, что происходит на сцене.

Однажды был такой случай: у Дантеса отклеился один ус во время сцены карточной игры. Безруков, заметив это, прекрасно обыграл мизансцену, подойдя к Дантесу с репликой: «Ус отклеился!» и... оторвав его.

Мне повезло работать с Сергеем Безруковым и с его отцом — Виталием Сергеевичем, актером, режиссером, драматургом. Всю свою жизнь он посвятил сыну Сергею, воплотил в нем свою мечту.

Сергей Безруков начинал свою карьеру с «Кукол» на НТВ, пародируя голоса политиков, я помню эти выпуски передач. Все роли, сыгранные им, яркие, талантливо созданные, они запоминаются надолго.

— Как у вас появилась идея создать студию «Пупсфильм»?

— Уже имея за плечами некоторый творческий опыт, я решил создать студию. В ее основе — киношкола, где дети снимаются в роликах, клипах, короткометражных фильмах. «Пупсфильму» уже исполнилось два года. Для кого-то из ребят это обучение может стать основой дальнейшего образования, а для кого-то интересным занятием в данный период жизни.

Дети у нас разного возраста, от самых маленьких до подростков, они учатся танцевать, красиво двигаться, обучаются основам циркового искусства, сценической речи, азам операторского дела и монтажа, постигают мастерство грима. У ребенка должно быть разностороннее обучение, но я, естественно, не призываю всех детей стать актерами, ни в коем случае! Просто он

не должен быть закомплексованным, должен уметь уверенно ходить и четко говорить. Бывает в жизни так, что хороший парень хочет познакомиться с девушкой, но стесняется, потому что он с детства «зажат», а это мешает.

Работая с детьми, я понял, что, только пройдя актерский путь, ты сможешь стать режиссером. Иначе ты не поставишь правильно задачу, не сможешь объяснить актеру его роль, режиссер все пропускает через себя, если можно так выразиться.

— Вы освоили несколько профессий, а как к этому пришли?

— Когда выпускники ВГИКа и других театральных вузов впервые выходят на съемочную площадку, они понятия не имеют, как нужно работать, хотя у нас в распи-

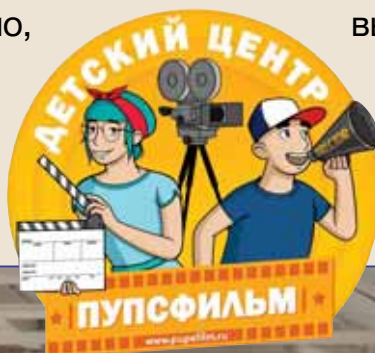

Фото из личного архива

сании был такой предмет — «Работа актера на съемочной площадке», но его никто не преподавал.

Мне всегда хотелось познавать профессию кинематографиста. Когда снимался в сериалах, то интересовался работой и актеров, и режиссера, и операторов, одним словом — вникал в профессию и в процессе съемок старался всему научиться.

Сначала просто интересовался, а затем решил поучиться в киношколе режиссера Александра Митты, куда поступил на операторские курсы.

Киношкола Митты дала возможность повысить свое мастерство и навыки. Это уникальный проект в области кинообразования в нашей стране.

Придя на телеканал «Карусель», поначалу снимал пробные сюжеты, а потом, когда у меня, что называется, все пошло хорошо, мне доверили другую работу — я как режиссер снимаю программу «Вкусняшки-шоу».

Фото из личного архива

— **Что это за программа?**

— «Вкусняшки-шоу» объединяет в себе две любимые детские вещи — игры и сладости. В каждом выпуске команда детей под руководством ведущих — Кекса, Кренделя и Зефирки — принимает уча-

стие в веселых конкурсах, участники получают шанс проявить ловкость, кругозор, смекалку. В финале все герои получают сладкие подарки.

— На канале «Карусель» вы ведете программу «Все, что вы хотели знать, но боялись спросить». Расскажите, пожалуйста, о ней...

— Это интерактивная, развлекательная программа, из нее юные зрители в веселой и доступной форме узнают о многих интересных событиях. В передаче есть и интервью специалистов, которые рассказывают много важного, познавательного, например, об истории развития человечества.

— Вы любите детей, и они вас тоже, а у вас самого есть семья?

— У меня отличная семья: любимая жена и двое малышей, двухлетняя Соня и совсем маленький сыночек Мирон, недавно родился, причем, что называется, в пути, по дороге из Абхазии в Сочи.

— Что пожелаете тем, кто только начинает свою взрослую жизнь, и что скажете тем, кто хочет ее изменить?

— Самое грустное, когда встречаешься с бывшими однокурсниками, а они сидят без работы. Актера не зовут сниматься, и его жизнь остановилась. Человек сидит и ждет... Потому что больше он ничего не умеет, и это печально.

Когда я учился, то всегда старался найти подработку, помню, как стриг однокурсников, сломался айфон — научился сам его чинить и с удовольствием помогал чинить другим.

Работал на детских праздниках как затейник. Детям я всегда говорю, что нельзя быть узконаправленными. Сейчас многие родители стремятся сделать своих детей медийными, увы, на мой взгляд, это портит ребенка. Нельзя заставлять детей заниматься тем, что им не нравится. Ребенку должно быть интересно — прежде всего. Очень важно его желание. Будет желание — будет и результат.

Надо всем интересоваться в этой жизни. Учитесь, учитесь и учитесь, не останавливайтесь никогда на достигнутом.

Жизнь многогранна. Берите от нее по максимуму, даже после тридцати лет можно овладеть новой профессией, и все вокруг изменится. Движение — это жизнь, и когда ты идешь вперед, то только тогда развиваешься.

В студенчестве я, как и многие другие ребята, курил и выпивал по случаю в кругу друзей. Потом, в какой-то момент, почитав определенную литературу и посмотрев вокруг, я бросил вредные привычки, даже к еде стал по-другому относиться. Произошла переоценка ценностей, голова по-другому стала работать. То есть измениться никогда не поздно! Нужно только этого очень сильно захотеть! □

Беседовала **Елена Воробьева**

Шьер

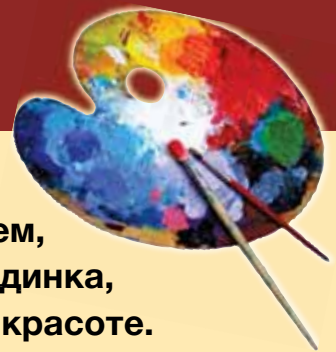
Ирина Опимах

Автопортрет

Боннар

«Молодые женщины в саду»

Эта картина вся наполнена светом, теплом, солнцем, радостью бытия. В центре — очаровательная блондинка, а сбоку — темноволосая красавица. Гимн жизни и красоте. Только вот на самом деле за этой картиной скрывается настоящая трагедия. Трагедия, в которой есть все, что бывает в мелодрамах, — и любовь, и измена, и смерть...

Они встретились в 1893 году. Он, Пьер Боннар, — сын вполне обеспеченных родителей (его отец был крупным чиновником военного министерства, а мать происходила из старинного аристократического рода), уже завоевавший себе имя в парижских художественных кругах. (На улицах французской столицы можно было увидеть его плакат с рекламой шампанского «France-Champagne», за который он получил и известность, и деньги, что примирило его с отцом, мечтавшем о юридической карьере для сына.) А она — она была «...мидинеткой, занимавшейся всякой че-

пухой в магазине похоронных венков на углу улицы Паскье Эдмонда» (Эдмонд Шарль-Ру, «Непостижимая Шанель»). Марта де Мелиньи — так, она сказала, ее имя. На самом деле девушку звали Марта Бурсен, без всякого дворянского «де», и приехала она в Париж из провинциального городка Сент-Аман-Монрон, а отец ее был простым плотником. Но Марте так хотелось красивой жизни, а потому, порвав все связи с семьей, она уехала в столицу. И придумала себе новое, аристократическое имя — де Мелиньи. Боннар не мог не понимать, что девушку, которую он встретил на

«Молодые женщины в саду»

улице и которую захотел написать, с аристократами ничего не связывает, но уж очень она ему понравилась. К тому же она согласилась ему позировать! Мадемуазель была стройная, хрупкая, трогательная. Какое значение имело ее происхождение? «Браком по любви мы называем брак, в котором состоятельный мужчина женится на красивой и богатой девушке», — так говаривал Боннар.

Они стали любовниками в тот же день, в первый день их знакомства, и больше уже не расставались никогда. Были вместе до ее последнего вздоха.

Пьер снимал в Париже скромную квартирку-студию, и туда-то он и привел Марту. Им было хорошо — он получил натурщицу, модель, о которой мечтал, а она — крышу над головой, определенное материальное благополучие и стабильность. И мужчину, молодого, интересного, талантливого, к тому же страстно в нее влюбленного.

Совершенно случайно Марта попала в особый круг людей — вдохновенных художников, мучительно ищущих свои пути в искусстве. Друзья Боннара — Морис Дени, Феликс Валлоттон, Керр Ксавье Руссель,

«Женщина с черными чулками» (Марта де Мелиньи)

члены общества НАБИ (с иврита — «пророки») — отрицали импрессионистов, считая их слишком легковесными, и искали в цвете и свете способ преобразования действительности. Марта была так далека от этих людей, ей порой были даже непонятны слова, которые они про-

износили. Наверное, ее это мучило и раздражало, и она допускала какие-то довольно беспардонные и категоричные высказывания, демонстрируя невежливость, невоспитанность и просто неграмотность. Да и как от этой провинциалки можно было чего-нибудь требовать! Тимоти Хай-

ман в книге, посвященной Боннару, пишет, что Марта была «обидчивым эльфом», одевалась как «настоящая оригиналка, порхая на высоких каблуках и напоминая всем своим видом какую-то экзотическую птицу». Ей, дочке плотника, были глубоко чужды и то, что делали друзья Пьера, и их споры. В итоге Боннар стал

нужно красоту, а Боннар изображал на своих картинах вполне земную и желанную женщину...

Она очень ревновала его, причем не только к женщинам, но и к друзьям, и закончилось тем, что он стал ходить к ним тайком!

А потом Боннар и Марта вообще уехали из Парижа. Они искали укром-

«На морском побережье»

постепенно отдаляться от своих друзей. К тому же, когда он написал очередной портрет Марты — а со дня их встречи он был просто одержим ею, — такой земной, сладострастной, по мнению Мориса Дени, — между ним и его друзьями возникла трещина. Они-то искали идеал, абстракт-

ные, тихие места, где он мог бы работать и где никто бы его не отвлекал. А ему ничего и не нужно было — только бы его муза была с ним рядом. Ну, еще рыбалка, вечерние чаепития. И участие в выставках. Он много работал — писал картины, создавал декорации и костюмы для театраль-

ных постановок, оформлял книги. Его хорошо знали в артистических кругах и ценили, а Александр Бенуа, не раз встречавшийся с ним, любил «его специфически французский язвительный ум».

В начале 1900-х он уже считался весьма успешным художником. Любителям живописи нравились его

в Живерни к слепнущему Клоду Моне, погулять по его прекрасному саду и еще и еще раз насладиться его сокровищами — коллекцией живописи, в которой были работы Делакруа, Коро, Ренуара, Сезанна...

Марта никогда не отличалась отменным здоровьем, а с годами оно

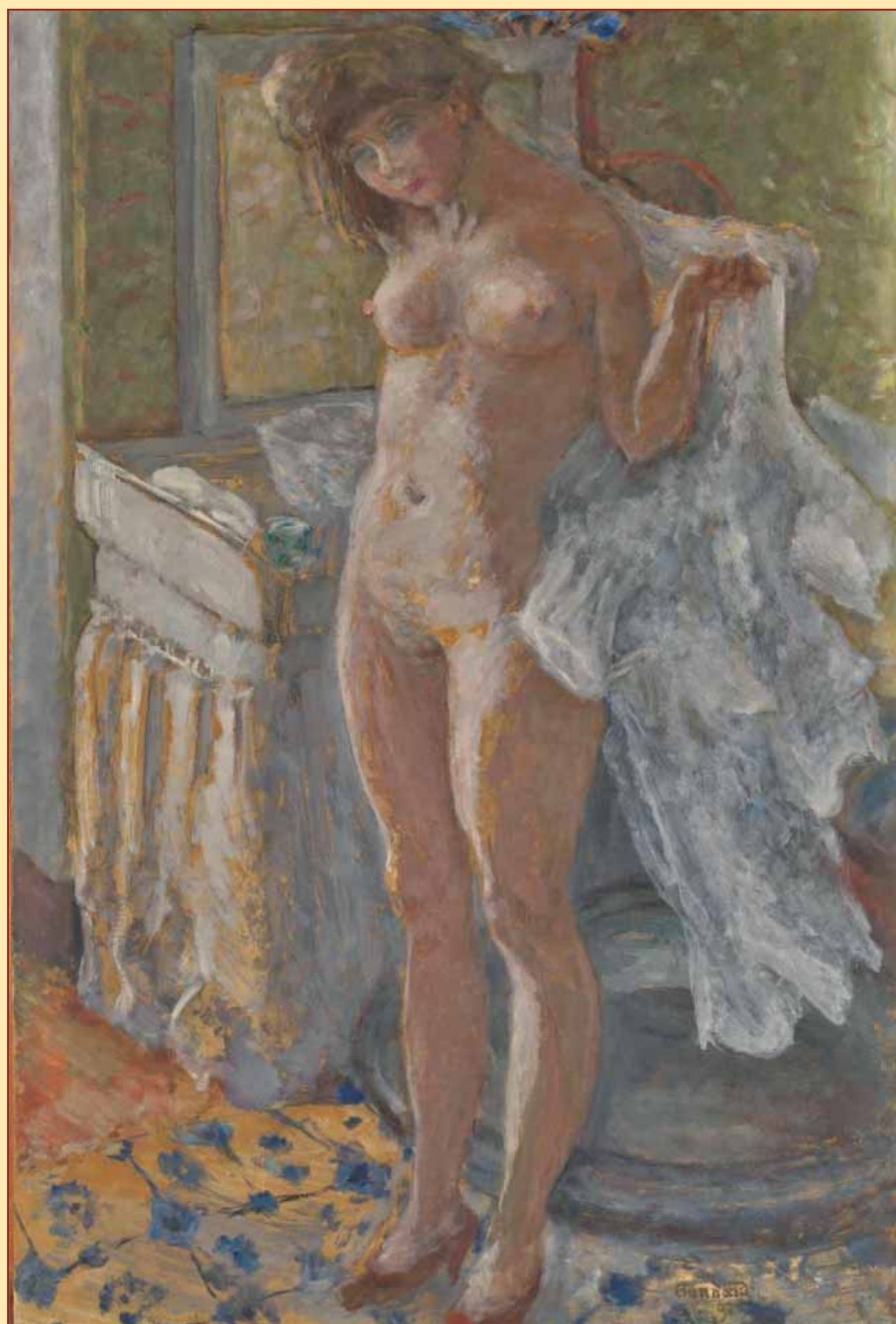

«Лодки в Антибе»

картины — и за их такие человеческие сюжеты, и за яркие краски, и за какую-то удивительную красоту, разлитую в его полотнах.

В 1912 году Боннар и Марта поселились недалеко от Вернонна. Он по-прежнему рисовал ее, а в перерывах между сеансами ездил

стало еще больше ухудшаться. Говорили об ее депрессиях, ментальных нарушениях. Так или иначе, ей становилось легче, когда она принимала ванны (возможно, это было связано и с каким-то заболеванием кожи, а может, вода просто ее успокаивала). По два-три раза в день она

«В ванной» (Марта де Мелиньи)

залезала в ванну. И Боннар писал ее — обнаженную, в воде, выходящую из ванны, с полотенцем.... «Пьер Боннар вел тихую, замкнутую жизнь домоседа, и единственное разнообразие в нее (судя по сюжетам его картин) вносила частота, с которой принимала ванну его же-

на», — пишет Филип Хук в книге «Завтрак у Sotheby's. Мир искусства от А до Я».

А когда фотография вошла в жизнь художников, Пьер стал ее и фотографировать. А кого же еще? Детей у них не было, и Марта была главным человеком в его жизни.

«В лучах солнца»

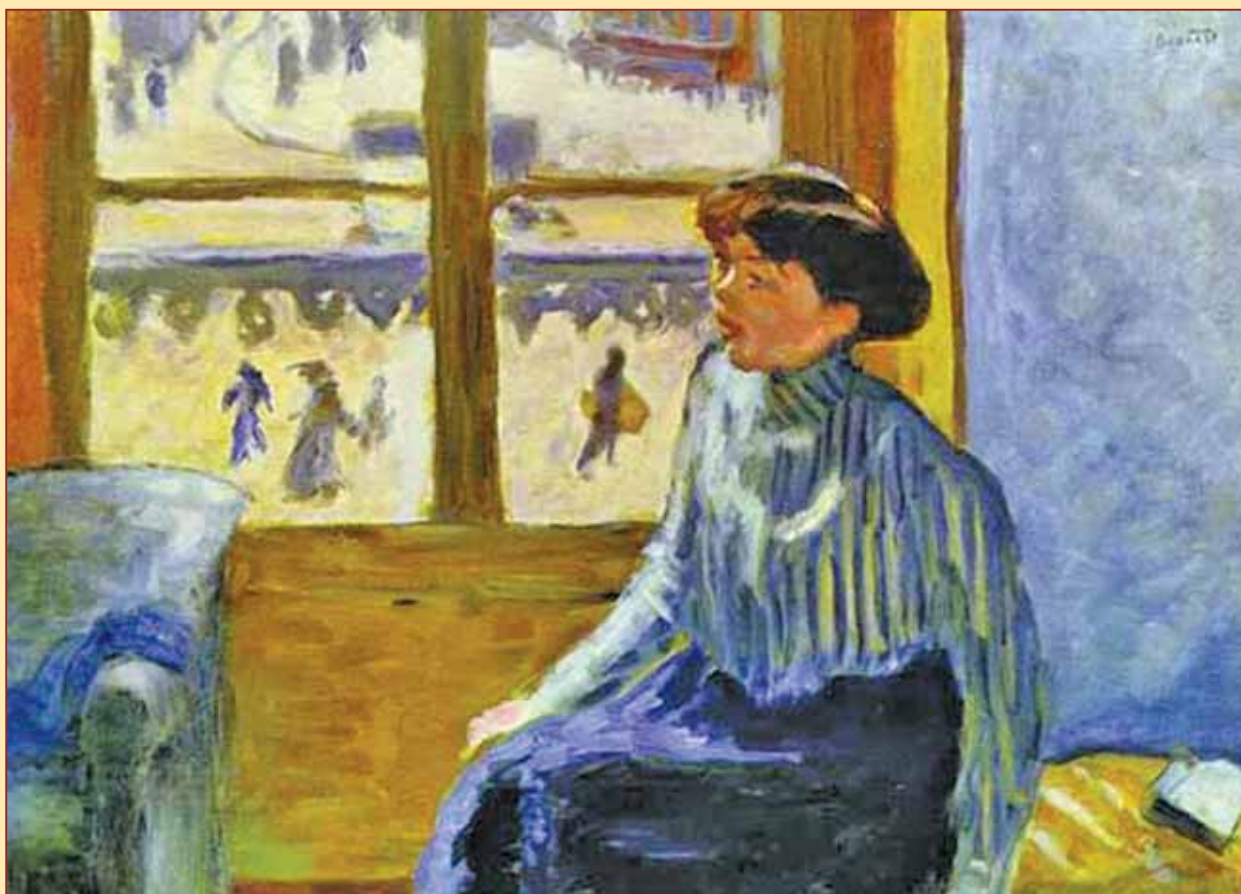
В 1900-е годы Боннар много путешествовал — побывал в Голландии и Бельгии, в Англии и Италии, Испании и Алжире, Тунисе, и даже доехал до Америки. Он предпочитал путешествовать без Марты, и она оставалась дома, безумно его ревнуя. И у нее были основания для этого — он всегда любил хорошеньких женщин, любил и рисовать их обнаженными, однако эти все его интрижки и романы так незначительны! Так не важны! Марта была его единственной большой любовью, но... до поры, до времени...

В 1918 году Боннару исполнилось 50. И в одну из своих поездок

на юг Франции он познакомился с симпатичной блондинкой. Звали ее Рене Моншати. Как всегда, сначала он уговорил ее попозировать, а потом — уложил в постель. Дело осложнилось еще и тем, что Рене хотела быть художницей, и Боннар с удовольствием давал ей уроки мастерства. Они стали открыто жить вместе, в 1921 году вместе отправились в Рим...

А Марта все знала и — страдала. Это только на картинах Боннара она оставалась юной и прекрасной, а на самом деле была уже далеко не молода и далеко не здорова.

А между тем влюбленный как юнец Боннар сделал предложение Рене — причем в таких словах, которые никогда не говорил Марте! И этого она уже простить ему не смогла. «Я или она!» — кричала Марта от боли, от невыносимого предательства, ведь она отдала ему всю жизнь. И — он выбрал ее. Кто знает, каких мук стоило ему это решение. 15 августа 1925 года, спустя почти 33 года после первой встречи, Боннар и Марта де Мелиньи, то есть Марта Бурсен (именно тогда, спустя много лет после их знакомства, с удивлением узнал Пьер настоящее имя своей подруги) стали мужем и женой. Для Рене это был страшный удар. И она его не пережила — покончила с собой спустя месяц после их свадьбы. Говорили, что Боннар нашел ее бездыханное тело в ванне. Другая

«Девушка у окна» (Марта де Мелиньи)

версия — в постели, мол, она застрелилась, обложив себя заранее цветами...

До конца жизни Боннар хранил картины, для которых ему позировала Рене. А еще в 1921 году он начал писать картину «Молодые женщины в саду». На ней они обе — и Рене, и Марта. Он много раз переписывал ее (а закончил, когда уже обеих не было в живых, в 1945 году), и постепенно молодая, красивая белокурая Рене становилась центром полотна, а Марта отодвигалась в бок картины, и, в итоге, ее уже можно было с трудом заметить...

Зимой 1926 года Боннар купил большую виллу на Лазурном берегу, в Ле-Канне. Просторный дом и большая ванна для Марты. Но ее это уже мало радовало. Она слабела, участились приступы раздражения, она никого не хотела видеть. В 1930 году Боннар писал в одном из писем: «В течение достаточно долгого времени я жил очень изолированной жизнью, поскольку Марта стала абсолютно асоциальной, и я обязан избегать контактов с другими людьми».

А потом началась война. Не хватало еды, и Боннар, не желая в такое время делать деньги на своих

картинах, продавал их за бесценок, хотя на рынке они стоили совсем немало. Да, в общем, он никогда не жаждал финансового успеха.

В одном из писем того времени он рассказывал: «Мне определили в мэрии Ле-Канне дополнительный паек, ввиду моей хорошей репутации почетного гражданина. Теперь у меня есть все бумаги, но продуктов пока нет. Этот январь форменно голодный месяц. Меня также очень беспокоило положение с красками, но добрые друзья мне их прислали, и теперь я ими вполне обеспечен».

Военные годы стали годами невосполнимых потерь. Умирали старые друзья: в 1940-м — Эдуар Вюйяр, в 1943-м — Морис Дени. А 26 января 1946 года умерла Марта. Остановилось сердце, сказали врачи, а для него в этот день остановилась жизнь. Та, которая началась, когда они были молоды, и все у них было впереди. На фотографиях 1944 года мы видим одинокого, высохшего старика — Пьер Боннар в своем большом доме. Один. Но в памяти его Марта оставалась по-прежнему живой, юной и прекрасной... После ее смерти он еще пять лет рисовал ее в ее любимой ванной...

В 1945 году Пьер побывал в Париже и зашел в Лувр.

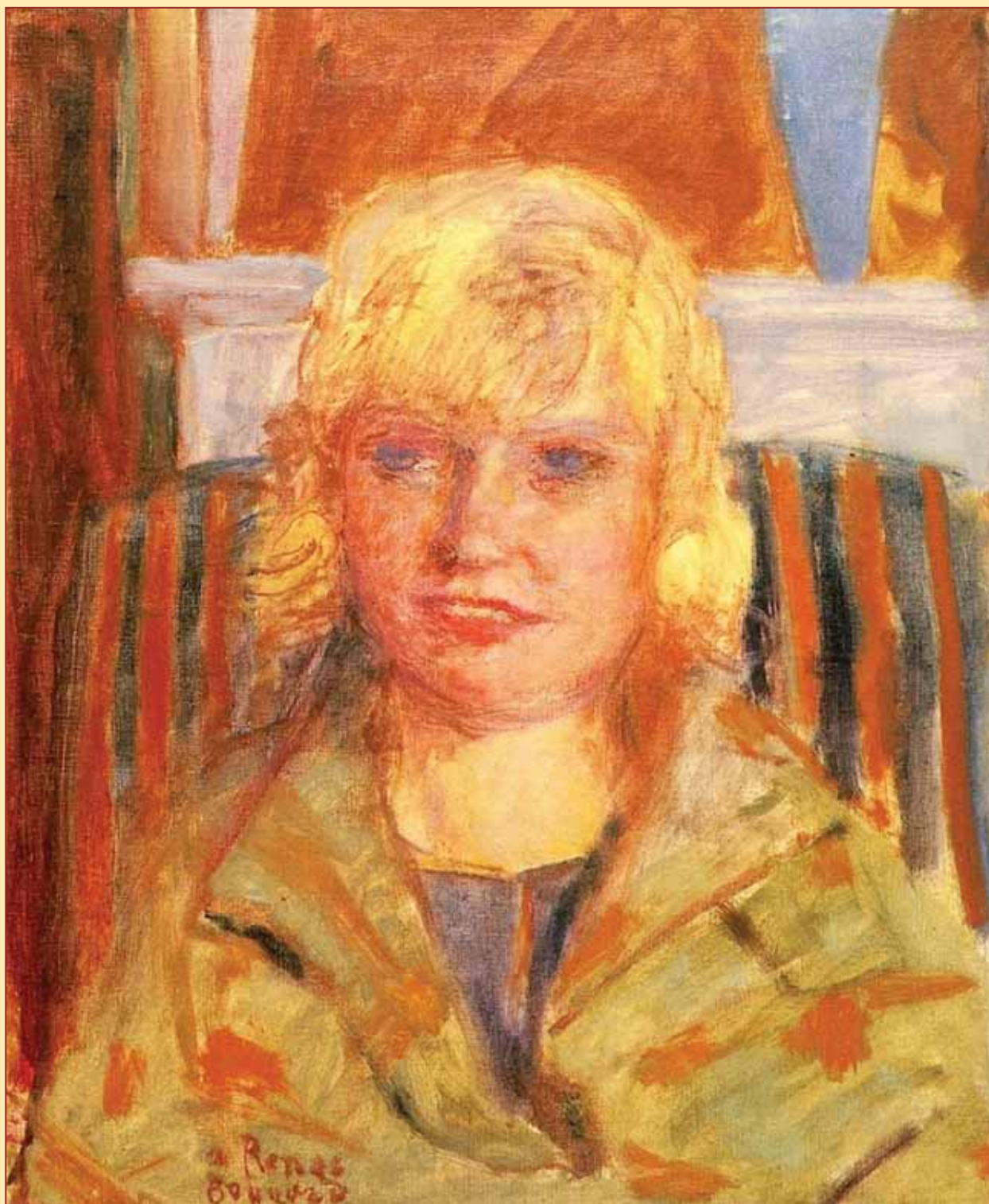
«Самые прекрасные вещи в музеях — окна», — говорил он. Похоже, теперь чужое искусство его совсем не занимало. Но оставались

старые друзья, и он с удовольствием переписывался с Матиссом, который жил в Ницце. В этих письмах они обсуждали рост цен, последние новости, свои болячки. И только изредка — творческие вопросы.

Последние годы жизни Боннару очень помогала его племянница, тоже Рене, но Террасе. Она его не оставляла в самые трудные дни. Не оставляла его и Марта — ее тонкая фигурка вновь и вновь появлялась на его картинах. И удивительное дело — он снова работал, как в молодости, вдохновенно и ярко. «Только сейчас я стал прозревать и готов начать все сначала», — говорил он незадолго до смерти.

Боннар всегда шел в искусстве своим собственным путем, оставаясь в стороне от новейших течений и направлений. Многие, например, Пикассо, считали его искусство неактуальным, несовременным. На какое-то время эта точка зрения восторжествовала и среди критиков, и среди простых любителей живописи. Но сегодня всем совершенно ясно: Пьер Боннар — большой, настоящий художник, создавший свой собственный мир, умевший организовывать пространство и краски, свет и тени так, как никто другой. О нем пишут монографии, устраивают большие выставки, которые всегда становятся важнейшим событием мировой культуры.

Пьер Боннар умер 23 января 1947 года. Умер, подарив нам свои

Портрет мадемуазель Рене Моншати

картины, сияющие красками, полные света и красоты. Умер, подарив бессмертие своей музе и жене Марте. Подарив бессмертие своей больш-

шой любви к Рене Моншати. Вот они обе, на его картине «Молодые женщины в саду», блондинка и брюнетка, которых он так любил... □

Кира Марченкова

Вести учет утраченных иллюзий,
Вести учет нечаянных потерь...
Пришла зима и приоткрыла шлюзы,
И кто поймет, что станется теперь

Со всеми нами: то ли запорошит,
Или возьмет и всех заморозит...
Январский день суровой нитью шит,
И, что бы ни случилось, будет прожит.

Забыть про все и заново начать,
Как будто ничего и не бывало.
Вести подсчет чего — удач, провалов?
Забиться в угол иль рубить сплеча?

А может, просто выйти на простор,
Когда зима свой белый пух уронит,
Рассматривать снежинку на ладони,
Вести неторопливый разговор

Со снегом, с небосводом, с январем,
С проросшим не ко времени побегом.
И, наконец, понять: мы не умрем.
Мы станем снегом. Белым-белым снегом.

Облачно и тихо — как во сне, Как в тяжелой коме января. Видишь, я мечтаю о весне, Видишь, фонари уже горят.	Облачно и тихо — как в бреду, Снег и вата — все в одной горсти. И весне по тающему льду К нам еще ползти — не доползти...
--	--

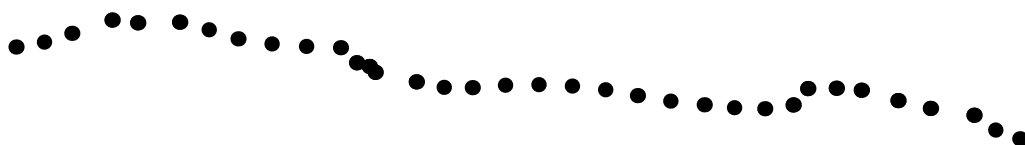

Смотри, какое чудо из чудес —
Игра снежинок у столбов фонарных —
То в одиночку пляшут, то попарно,
То в небеса уходят, то с небес
Спускается волшебный хоровод...
А думали: «Какой бесснежный год!..»

Я не умею делать шаг назад
И обживать по новой пепелища.
Я не из тех, кто путь короткий ищет,
И не из тех, кто жмет на тормоза.
Но лишь сюда я возвращаюсь вновь,
Как в колыбель, где тихо и спокойно,
Где тот с геранью красной подоконник,
Где все еще живет моя любовь.
Я в этот край бегу от всех невзгод,
В мечтах ли, наяву ли — без разбора —
В тот дом за покосившимся забором,
Где на крыльце мурлычет рыжий кот,
Где рано выпал тополиный снег,
Где двор под сенью кружевных акаций.
Сюда я возвращаюсь в каждом сне,
Хоть я и не умею возвращаться...

ОСЕННИЙ МАРАФОН

«Осенний марафон». Нет, уже не осенний — уже самый настоящий зимний. А вот слово «марафон» очень кстати. Марафон — это очень долгая, изнуряющая дистанция... на выносливость или на время? Разве это имеет значение?

Утро. Морозное московское утро 25 декабря. Понедельник. Минус двадцать на улице, а мне не холодно. Просто я не у себя дома. Дома бы я давно околел или был бы заживо погребен под толщей одеял, которые попытался бы водрузить на себя сверху. А здесь — стеклопакеты, справа обогреватель, на всякий случай; да и не в форме батареи весом 500 кг, сжирающей весь свежий воздух вместе с холодом, а новейший, инфракрасный. Если бы мне не сказали, я бы никогда не узнал. Новый дом, построенный почти в самом центре Москвы, на «Белорусской». Паркинг на нулевом этаже. Машины — «мерседесы» и выше. У всех. Как-то не очень уютно я себя чувствовал, осознавая все это. Но, обнимая ее, я забывал обо всем. Нет, не обо всем на свете, конечно. Только об аксессуарах.

Время было 8.40. Я, как всегда, опаздывал на работу. Как всегда, она, не вставая с постели, потянулась ко мне. Сонная, ласковая, она, не открывая глаз, будто интуитивно угадывала, где я нахожусь. Потянулась и произнесла:

— Милый, ну куда ты опять так рано?.. Полежи со мной хотя бы еще несколько минуточек. Иди ко мне, — сказала она, потянулась ко мне и, взяв меня за руку, стала гладить ее так нежно... Невозможно передать. От ее нежности мне становилось еще более неудобно. Вообще, с каждым моим посещением она становилась все нежнее и нежнее...

— Катюшенька, прости, милая, но мне действительно надо бежать... — произнес я настолько ласково и мягко, насколько был способен.

— Ты всегда так! Остановись! Зачем эта скорость? Зачем эти постоянные движения? Ты же совершенно не умеешь получать удовольствие от жизни...

«Много ты понимаешь в удовольствии!» — как-то надменно и злобно подумал я про себя в тот момент.

— Жаль, что ты улетаешь... Если бы остался, я бы тоже никуда не полетела... И мы могли бы вместе...

— И мне тоже очень жаль, правда! Ну, в следующем году будем вместе, — сказал я. И с ужасом подумал, что забыл, куда улетаю!

— Хорошо. Пять минут еще с тобой, — произнес я и бухнулся к ней на постель. Но уже тогда я был далеко от этой постели, инфракрасного обогревателя, паркинга и ее шикарного «мерседеса».

Долгожданная эсэмэска пришла в 11 утра. Я ощутил невероятный внутренний подъем. Еще ни разу мы не были вместе, да я и не спешил. А тут все так удачно сложилось под Новый год. Я был знаком с ней не очень долго, может быть, месяц, но чувствовал, ощущал, что это целиком мой человек. Один на тысячу, а может, и на миллион. О, как мне не хотелось ошибиться и на этот раз! Как много таких «разов» было, и как с таким вот каждым «разом» мне становилось все безразличнее. А время текло... Марафон все-сезонный, как колесо не фортуны — неудачника, крутилось, крутилось и не останавливалось ни на каком сезоне. И вот только сейчас стрелка притормозила на слове «зима». Сектор «приз»! Новый год — можно уже не угадывать слова!

Да, она согласна! Это потрясающе! Она умный человек, она знает: это серьезный шаг — провести с кем-то Новый год. А вдруг ей просто не с кем? Тут меня начинали одолевать сомнения. А вдруг это у нее черная полоса в жизни? А я — на границе с белой. Да все может быть, однако именно сегодня мне не хотелось одерживать никакую победу. Просто хотелось быть счастливым влюбленным, глупым — насколько это возможно, неловким, откровенным, добрым и ласковым. И все это ради одного человека. Да, это та жизнь, которой мы должны жить, а не та, которой мы живем в действительности. Именно такое состояние делает людей счастливыми. А все оставшееся время, если люди и счастливы, то в ожидании этого состояния.

Друзья пригласили меня на Новый год в свой загородный дом. Друзья замечательные, а точнее, друг. Мне всегда хорошо, когда я рядом с ним. Даже если до этого было очень плохо. Такое бывает. Однажды что-то

у нас совпало, сложно сказать что, но что-то закончилось, и проводник заработал, ток пошел. С того момента ни одного обрыва цепи.

— Анечка, ни о чем не думай, я все сам куплю, это моя головная боль, — сказал я ей в трубку.

— Нет, я так не хочу... — жалобно промолвила она. — Это же наш праздник, и я хочу разделить с тобой не только само празднование, но и приготовление к нему. Неужели ты не можешь понять, что мне это тоже очень приятно?

— Милая, ну, как скажешь, мне только вдвойне приятней... Я даже, честно говоря, не ожидал...

«Вот все, кажется, и сложилось», — сказал я себе и подпрыгнул от радости прямо на работе, в коридоре офисного центра. Потом забежал в туалет и посмотрел на себя в зеркало, скорчив очень серьезную гримасу. Стал выходить — оглянулся и, увидев свое отражение еще раз, воскликнул:

— Хорош!

Три дня пролетели быстро. Суматошные дни предновогодней суеты. Вдруг звонок на мой телефон. Номер неизвестный. Я сразу же забыл об этом. Но на следующий день в метро, автоматически копаясь в телефоне, увидел этот номер еще раз и решил перезвонить.

— Алло... — ответил мне женский голос.

— Здравсьте... — как ни в чем не бывало, произнес я, будучи уверенным, что ошиблись номером.

— Сергей, ты меня не узнаешь? — как-то загадочно прозвучало в трубке.

Терпеть не могу, когда так начинают разговор! Ну, как я могу узнать? Как?! И все это прекрасно понимают. Зачем спрашивать?

Я смутился и ответил:

— Пока нет... Может, представитесь?

— Алена меня зовут, — прозвучало в ответ, но уже строже и совсем не загадочно. — Теперь узнал?

«Да нет, черт подери, не узнал! — подумал я. — Если даже ты мне сейчас опишешь себя в деталях и расскажешь, где ты живешь и работаешь, кто твои родители, сколько раз мы с тобой виделись, и, наконец, были ли мы близки, уверен, что и после этого не узнаю. Нет у меня знакомых Ален! Можно было просто сказать: «Лена», а не называть себя так, как ей нравится!»

— Алена?.. Очень знакомое имя... Когда мы виделись?

— Сергей, не издевайся надо мной, ты меня уже давно узнал!

«Господи, ну зачем мне все это! — снова подумал я про себя. — Зачем эти искушения, интриги и игры в незнакомок?! Я уже на верном пути и не сверну с него».

В какой-то момент мне захотелось просто отключиться и забыть этот разговор.

— Пока еще нет, не узнал, — уклончиво ответил я.

— Ну, помнишь: дом отдыха «Лесные дали» два года назад?.. Ты еще звонил мне, потом исчез куда-то. А я вот тебя не забыла, хотя и много времени прошло. Вот, решила набрать твой номер перед Новым годом, поздравить тебя. А ты? Ты не забыл меня? Мне сейчас очень одиноко... Может быть, потому, что тебя нет рядом...

Я не был в «Лесных далях» ни год, ни два назад, вообще не был! И, естественно, не знакомился ни с какой Аленой. Хотя забыть мог... Определенно. Но я не был в «Лесных далях»!

— Алена, мне очень приятно с вами поболтать, но вы меня точно с кем-то путаете...

— Но голос, голос-то твой! — как-то жалобно и с надрывом проговорила она в трубку.

— Голос, может, и мой... Но я ничем не могу вам помочь... С Новым годом вас! С новым счастьем!

— И тебя! — услышал я в ответ. И какая-то бесконечная грусть дошла до меня вместе с ее голосом. — И тебя... — тихо повторила она. — Пока...

«Что-то не так», — подумал я, выключая телефон.

Стало не по себе. Кто-то, кого я совершенно не знаю, кого слышал всего лишь один раз в жизни... Кто-то ищет кого-то... И звонит под самый Новый год. Она наверняка будет справлять его в одиночестве. А я? А у меня этот Новый год будет первым на пути к счастью. И справлять его я буду с любимым человеком и в компании с близкими мне людьми.

«Да брось! — убеждал я сам себя. — Что за бред? Помогите лучше бездомным детям! Будешь теперь думать о всякой ерунде!»

Но сердцу так просто не прикажешь. Что-то заскреблось внутри меня, заработал какой-то неведомый механизм.

...Мы выехали рано утром 31-го. Холодно. Сказочная погода! Небо чистое, поднимающееся из-за придорожных деревьев солнце играло с нами, то тут, то там весело зажигая огоньки на примороженном снеге.

Я смотрел на Аню, она на меня. Уже не нужно было говорить ни о чем, мы все понимали и без слов. Тот телефонный звонок, может, и не давал мне покоя, но постепенно я начинал забывать и о нем.

Бензин был почти на нуле. Я всегда заправляюсь на двести рублей. Дурацкая привычка, и я совершенно не понимаю, почему все время делаю именно так. Нет, это из-за жадности (патологической — тут только это слово уместно), и не из-за чего другого. Результат не заставляет себя ждать. Моя машина, того гляди, остановится.

Бензозаправка — «левая», я это сразу понял. Желтая, грязная, без названия, 95-й отсутствует, а 92-й льется по счетчику образца 1972 года. Счетчик, естественно, на таких заправках пол-литра выдает за литр. Я подошел к кассе и мысленно спросил себя: «Интересно, на сколько же ты сегодня заправишься?» Вспомнил карту. Скоро населенный пункт, а через пять километров еще один. Какая погода! Я наполнил грудь свежим морозным утренним воздухом и выдохнул взвешенно-продуманное решение:

— 100 рублей на вторую, пожалуйста! С Новым годом вас!

— И вас! — услышал я из окошка.

— ...На сколько заправил? — спросила Аня, когда я вернулся.

— Да нормально. Тут бензин явно не тот, что надо, да и 92-й только.

Мы помчались дальше. Через несколько километров Аня вдруг выкрикнула:

— Осторожно! Ты разве не видишь: птица на дороге! Ты ее задавил!..

— Ну что ты, — пытаюсь смягчить ее раздражение, сказал я. — Не было никого. Все в порядке...

— Да ты просто не заметил! Задавил птичку и поехал дальше! — еще раздраженнее проговорила она и как-то неприятно посмотрела на меня.

— Какую птичку? — спросил я уже с недоумением.

— Не знаю, синицу, наверное...

Обстановка продолжала накаляться. Мы проехали еще километров пять, и я развернул машину.

— Где это случилось? — спросил я, пока еще находясь в прекрасном настроении.

— Вот здесь, перед поворотом, — показала она чуть вперед. — Рядом был знак «Сужение дороги», я запомнила.

— Да нет тут никого! — воскликнул я.

— Значит, ты ее ранил, и она отползла.

Мы стали искать, но ничего не обнаружили. Она подошла ко мне, обняла и посмотрела прямо в глаза:

— Обещай, прошу тебя, что впредь будешь осторожнее. Ты же знаешь, как я люблю птичек!

— Обещаю! — ответил я.

Она поцеловала меня. Боже, какой это был поцелуй! Мы вернулись к машине и продолжили путь.

Что-то опять щелкнуло внутри меня. Что-то не так, бензин снова был почти на нуле, но я прикинул, что еще есть немного в запасе.

«Если бы только не те километры, которые мы потратили на птичку!» — с досадой подумал я.

Мы проехали еще немного, и вдруг машина, чихнув пару раз, замолчала и остановилась на обочине.

— Ну что, доигрался? — сквозь зубы процедила Аня.

Я почувствовал легкий ветерок перед бурей...

— Посиди в машине, а я поймаю кого-нибудь.

Я долго стоял на дороге. В график мы уже не укладывались. Никто так и не остановился. Мне показалось даже, что утром было чуть теплее. Аня сидела в машине, глядя в другую сторону. Я боялся к ней подходить, боялся смотреть в ее сторону. Но холод заставил вернуться к машине. Я аккуратно открыл дверцу и тут же услышал:

— Ну что, нет результата? Новый год мы будем встречать тут? Прямо в машине? А что, еда у нас есть, выпивка тоже, даже постельное белье есть! Постучимся в какой-нибудь деревенский домик, у нас за МКАД люди добрые — не откажут, приютят!

— Перестань, сейчас я поймаю кого-нибудь, только хоть пять минут посижу в салоне, отогреюсь...

Но Аня, набирая обороты, продолжала:

— Нет, ну вы полюбуйтеесь: как это все можно назвать?! Глубокий идиотизм или банальный мазохизм?! Я не мазохистка и не идиотка, пожалуйста, знай это! Почему ты не мог заправиться нормально?! Что тебе мешало?! Ты просто... Знаешь, ты кто?! Ты просто... — Она посмотрела на меня так, как никогда не смотрела. — Ты просто идиот!!!

— Аня, послушай! Так получилось. Я, правда, дурак, мне нет никакого оправдания! Но ведь это же такая мелочь! Мы сейчас все исправим! — выпалил я, находясь уже на границе между детонацией и взрывом. И вдруг, не удержавшись, добавил, причем максимально мягко: — Вот из-за птички накрутили лишние километры туда и обратно...

— Ах, вот как, из-за птички?! — закричала она, выскочила из машины и подняла руку.

Я подумал, что она сама решила поймать нам машину. Наконец какой-то джип остановился возле нас, Аня открыла дверцу и стала, улыбаясь, что-то говорить водителю, показывая пальцем в сторону дороги. Прошло минуты полторы, и я тоже вышел из машины, направляясь к джипу, хотел попросить, чтобы тот подвез до ближайшей бензоколонки... Но тут произошло что-то странное: Аня села рядом с водителем, не оглянувшись и ничего мне не сказав. Джип развернулся и укатил в обратном направлении. А я стоял посреди дороги и чувствовал, как что-то исчезает внутри меня, превращаясь в дымку, как растворялся дым, шедший из трубы стоявшего у обочины обычного деревенского дома. Вот просто было — и не стало, что-то отошло...

В левой руке я нащупал мобильный. Нашел: абонент «Аня». Палец сам собой, автоматически должен был нажать на кнопку «Вызов». Но этого не

случилось. Не случилось, и все. Минут двадцать я стоял в полном оцепенении, просто стоял: никого не ждал, не ловил машин. Затем, опустив голову, сказал самому себе:

— Все кончено. И никакого Нового года, никакого праздника. Хорошо хоть, все сразу... Глупо, бредово... Очень... Что ж, пусть будет так... — и решительно поднял руку.

Машина остановилась сразу, подбросила меня до бензоколонки и обратно. А я почему-то даже не пожалел, что она не проехала здесь полча-са назад.

Позвонил друзьям, сказал, что не приеду. И объяснять не стал: не знал, как это можно объяснить, а врать не хотелось. Что-то приходило на ум, всякая чушь. Опять взял телефон и чисто машинально стал просматривать звонки. Номер... Неизвестный...

«А-а-а, так это же Алена!..» — подумал про себя.

Вот метаморфоза... «Осенний марафон» перетек в зимний, а тот — в «С легким паром, или Ирония судьбы». Нажал на кнопку вызова. Пошли гудки, потом раздалось грустное «алло».

— Алена, Лена, это вы?..

— Кто это?

— А это, это... Сергей. «Лесные дали», пансионат... Год назад... — ском-кано пробормотал я.

— А, Сергей... Понятно. Так вы же там не были...

— Да какая разница, был — не был, — рассмеялся я. — Был... Просто забыл, а сейчас вспомнил... С наступающим, кстати. Где намерены справлять?..

— Дома буду, — ответила Алена.

«Какой же у нее приятный голос!» — подумал я, а она продолжила:

— Я мечтала встретить Новый год на катке рядом с Красной площадью...

— Мечты сбываются! — весело проговорил я и завел машину...

Поворот на 180 градусов и полный газ!

С новым годом! С новым счастьем! □

Талейран

Алла Зубкова

Его имя стало нарицательным для определения гениального и циничного политика, с легкостью менявшего взгляды и убеждения и процветающего при любом режиме. И в самом деле, в конце жизни князь Шарль Морис Талейран сам добродушно подшучивал над тем, что ему довелось на своем веку принести четырнадцать крайне разноречивых присяг. Да, его называли не просто лжецом, но отцом лжи, беззащитным честолюбцем и не знающим предела эгоистом. Тем не менее, Гюго именовал его «первым дипломатом века», а Бальзак своими устами и устами своих героев объявил князя Талейрана «гениальным политиком, чье имя войдет в историю».

Он обожал роскошь. Его страсть к картам была общеизвестна. За один вечер Шарль выигрывал и проигрывал за карточным столом сотни тысяч франков. Он умел нравиться женщинам, и у него были внебрачные дети — среди них гениальный художник Эжен Делакруа. Кто же он был на самом деле, этот многоликий Шарль-Морис Талейран-Перигор?

Он появился на свет 2 февраля 1754 года в Париже в очень знатной аристократической, но обедневшей семье. Его предки служили еще Капетингам в X веке. Талейраны отличались воинственностью. На красном поле их фамильного герба три золотых льва в лазурных коронах свирепо скалили грозные клыки. Отец Шарля-Мориса носил звучные титулы князя, графа и маркиза, но состоянием похвастаться не мог. Приданое его супруги также было невелико. Родители будущего гения дипломатии были всецело поглощены придворной службой, поэтому отдали малыша кормилице, жившей близ Парижа, и на время просто забыли о нем. Первые четыре года своей жизни Шарль-Морис провел у этой женщины, которая не очень утруждала себя уходом за ним. Однажды она оставила малыша на высоком комодке, он упал и серьезно повредил правую ногу. Родители долго об это не знали. Необходимого лечения не было, ступня искривилась, и Шарль остался хромым на всю жизнь. Его нога всегда была в специально сделанном кожаном сапоге, и ему приходилось опираться на палку. Впрочем, некоторые биографы полагают, что история с комодом — вымысел, а причиной хромоты Талейрана являлся врожденный дефект.

Забрав Шарля у кормилицы, родители передали его своей старой родственнице, княгине де Шале. Там мальчик впервые почувствовал, что его любят, и сам очень привязался

к ней. Княгине было тогда семьдесят два года. Много позже Талейран вспоминал: *«Это была первая женщина из моей семьи, которая выказала любовь ко мне, и она была также первой, которая дала мне испытать, какое счастье — полюбить ... Да, я ее очень любил. Ее память и теперь мне дорога»*. Увы, он пробыл у доброй старушки всего полтора года. Осенью 1750 года его увезли в Париж, но не в дом родителей, которые даже не полюбопытствовали после долгой разлуки взглянуть на шестилетнего сына, а в колледж д'Аркур, одно из самых известных и привилегированных учебных заведений Франции. Жил он в доме брата, графа де ла Сюз. Обида и чувство горечи по отношению к родителям оставили глубокий след в душе Шарля. Умерла старая графиня де Шале, и в мире не осталось ни единой души, которая испытывала бы любовь к нему. Мир превратился во враждебную пустыню, где не было места сантиментам. Он чувствовал себя одиноким, лишенным поддержки, но никогда и никому не жаловался. Позднее Талейран не раз утверждал, что именно чувство одиночества и привычка к самоуглублению способствовали зрелости и силе его мысли.

Учился он не очень прилежно, но в пятнадцать лет, получив все традиционные для дворянина того времени знания, все же окончил колледж и перешел в духовную семинарию Сен-Сюльпис. Родители решили сделать его аббатом, потому что для военной службы он не годился

из-за искалеченной ноги. Шарль ненавидел длинную черную сутану. Карьера священнослужителя не удовлетворяла его. Он мечтал о другом — о государственных делах, об участии в политической жизни, однако идти против воли родителей не мог. Четыре года провел Шарль в семинарии, а завершил свое образование в Сорбонне, став сначала бакалавром, а затем магистром теологии.

Он вступал на жизненную арену холодным, никому не верящим, никого не любящим скептиком, прекрасно осознавая свои основные качества, с которыми и сошел в могилу — сухость души, черствое сердце, полное равнодушие ко всему, что не имело отношения к его личным интересам, абсолютный аморализм. Он любил повторять: *«Общество разделено на два класса — стригущих и стриженных. Нужно всегда быть с первыми против вторых»*.

Осенью 1775 года Талейран получил сан аббата при аббатстве Сен-Дени в Реймсе. Карьера его развивалась быстрыми темпами. Он был вхож в самые блестящие аристократические салоны Парижа, стал поклонником азартных игр, выигрывая и проигрывая за карточным столом значительные суммы. Его главная цель теперь — получение сана епископа, открывающего путь к влиянию и богатству.

Талейран давно уже понял, что для достижения успеха в жизни нельзя пренебрегать помощью женщин. К тому же женщины и сами по себе

могли доставить много приятных минут, в этом он убедился достаточно рано. Еще семнадцатилетним семинаристом он завел роман с очаровательной девушкой. Звали ее Доротея Доренвиль. Она была актрисой и позднее ее имя вошло в историю французского театра. Молодые люди полюбили друг друга и не скрывали своих отношений. У руководителей семинарии имелись все основания исключить Шарля, но у них не хватило духу наказать отпрыска столь знатной семьи. Опасались они и гнева родного дядюшки Шарля, архиепископа Реймса. Дело «замяли»...

Первое увлечение вскоре прошло, но молодой аббат уже не мыслил жизни без любовных утех. Знатное происхождение, воспитание, ироничный тонкий ум привлекали к нему взгляды многих представительниц прекрасного пола. Он и внешне был неплох — высокого, по тем временам, роста — 177 см, хорошо сложенный, с вьющимися светлыми волосами и пронизательными сероголубыми глазами. К тому же научился скрывать свой физический недостаток, неторопливо передвигаясь по гостиной, он приветливо раскланивался налево и направо, время от времени останавливался, изящно облакачиваясь на спинку кресла. В женщинах Талейран ценил, прежде всего, красоту, ум, по его мнению, не был для них обязателен. Тем не менее, среди его любовниц были и весьма неординарные женщины, такие, к примеру, как известная писательница Жермена де

Сталь и графиня Луиза де Брионн. Они помогли его карьере, облегчали добывания сведений для игры на бирже и всякого рода спекуляциям, обеспечивали успех во влиятельных салонах.

Некоторые его любовные связи носили весьма длительный характер. Шарлю-Морису исполнилось 29 лет, когда он встретил графиню Аделину де Флао. Их роман длился почти десять лет. В результате этой связи в 1785 году на свет появился сын Талейрана — Шарль-Жозеф. Впослед-

14 июля 1789 года произошел штурм Бастилии, ознаменовавший начало Великой французской революции. Париж превратился в лес топоров, штыков и копий. Тем временем Талейран быстро шел в гору. Став председателем Учредительного собрания, он внес декрет о национализации церковных земель. Разумеется, церковь сочла это предательством и возненавидела епископа-рenegата. Ватикан назвал его «первым злодеем Франции», и Папа отлучил его от церкви. Впрочем, Та-

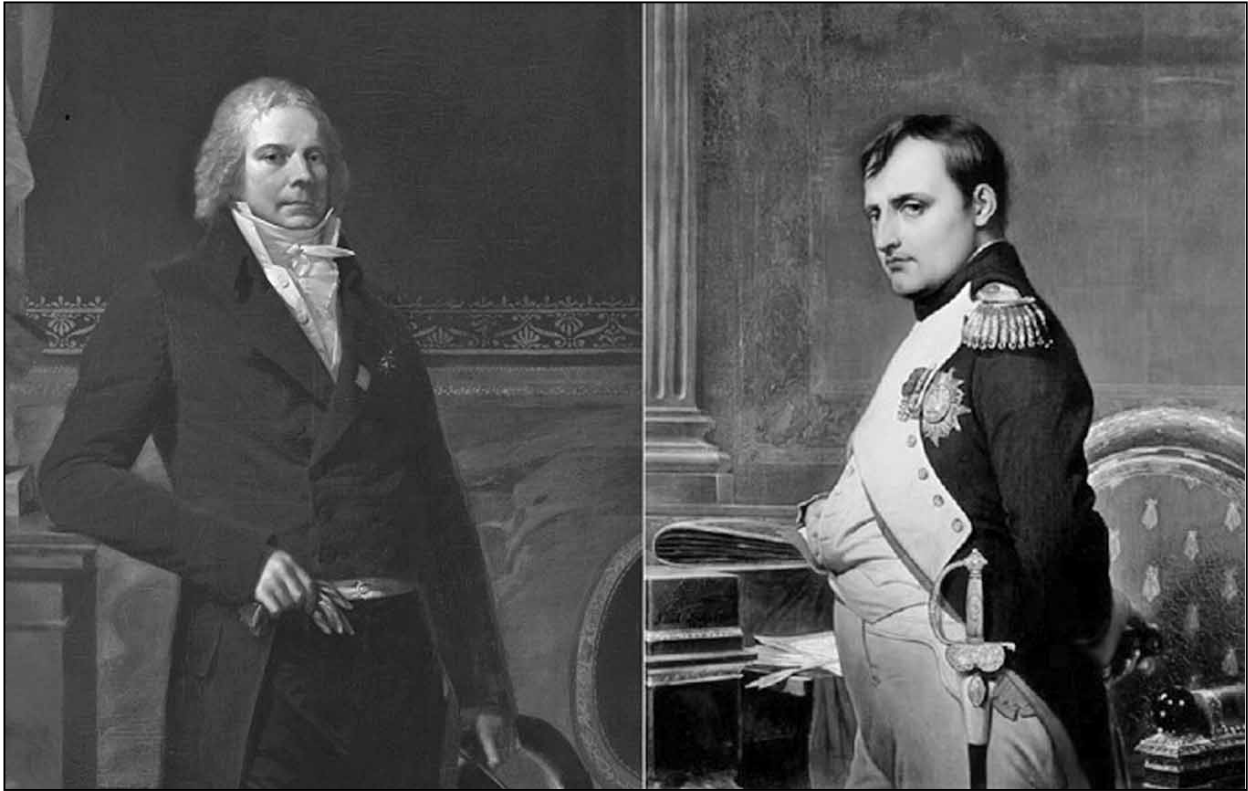
В пятнадцать лет Шарль-Морис окончил колледж и перешел в духовную семинарию. Родители решили сделать его аббатом, потому что для военной службы Шарль не годился из-за искаленной ноги. Он ненавидел черную сутану и мечтал совсем о другом — о государственных делах, об участии в политической жизни Франции

ствии он стал генералом и адъютантом Наполеона.

Тем временем Талейран делал блестящую карьеру. К тридцати четырем годам он был уже епископом, кандидатом в кардиналы. Однако приближались революционные события 1789 года. Он понимал их неотвратимость, и в его голове зрели планы завоевания места под солнцем в новой ситуации. В апреле 1789 года его избрали депутатом Генеральных Штатов (орган, созданный королевской властью в критические для страны месяцы) от духовенства.

лейрана это ни в малой степени не огорчило. Духовный сан он всегда считал досадным бременем, которое судьбе было угодно возложить на него.

В августе 1792 года во Франции была уничтожена королевская власть. Начался страшный революционный террор. Осторожный Талейран решил покинуть Париж и осенью 1792 года отправился в Лондон. Кстати, очень вовремя. В секретном сейфе дворца в Тюильри были обнаружены письма Талейрана, в которых он предлагал королю свои услуги, и тут же был выписан ордер на его

арест. Задержись он на неделю, и ему вряд ли удалось бы спасти свою голову.

Однако эмигранты-роялисты, нашедшие убежище в Англии, которые, как и церковники, ненавидели «попа-расстригу», убедили британское правительство выслать Талейрана из страны.

Он решил искать убежище за океаном. Америка... Там Шарль-Морис довольно успешно занялся земельными спекуляциями. С политическими кругами страны ему сблизиться не удалось. Президент Вашингтон, наслышанный о моральной нечистоплотности Талейрана, в том числе о его страсти к азартным играм и амурным похождениям, отказался встретиться с ним. Шарль пробыл в Америке два с половиной года, но значительного состояния так и

не сколотил. Тем внимательнее он следил за ситуацией во Франции. После того, как летом 1794 года якобинская диктатура была упразднена, и к власти пришла Директория, с ее «новыми богачами» и культом наживы, он понял, что, наконец-то, пробил час возвращения на родину, и начал хлопотать об отъезде. В начале 1795 года ему было разрешено вернуться во Францию. Тем не менее, в Париж он попал только через год.

Открывалась новая страница его жизни. За Альпами уже гремела слава молодого Бонапарта. Ораторы и судейские чиновники готовились уступить место генералам. Талейран принялся энергично восстанавливать старые связи и налаживать новые, необходимые для осуществления его цели — получить портфель министра иностранных дел. Добить-

ся этого было очень непросто, но он заручился поддержкой многих влиятельных лиц и, не в последнюю очередь, активно ходатайствующих за него светских дам, особенно его бывшей любовницы мадам де Сталь.

Вождеденную должность Талейран получил в июле 1797 года. Его радость не знала границ. Почему? Известный писатель Бенжамен Констан, который оказался с ним в карете в тот знаменательный вечер, объясняет это. По его свидетельству, Талейран как помешанный повторял всю дорогу одну и ту же фразу: *«Место за ними! Нужно себе составить на нем громадное состояние, громадное состояние, громадное состояние!»*

Кстати сказать, на этом посту Талейран заменил Шарля Делакура, с супругой которого у него как раз в то время был роман. В апреле 1798 года у нее родился сын Эжен, будущий гениальный художник, и некоторые историки считают, что его отцом был Талейран.

Во времена Директории Франция играла главенствующую роль в Европе. В ее благосклонности нуждались едва ли не все западные державы, включая и Соединенные Штаты. Талейран брал с них огромные взятки. Точно подсчитать их масштабы невозможно, но исследователи полагают, что только за период с 1797 по 1799 год князь Талейран получил не меньше тринадцати с половиной миллионов франков. Деньги по тем временам колоссальные. К этому следует прибавить очень

крупные суммы, которые он через подставных лиц выигрывал на бирже, поскольку ему точно известны были биржевые последствия тех или иных политических событий.

Как глава французской дипломатии Талейран проводил в жизнь решения Директории и все пристальнее приглядывался к воевавшему за Альпами молодому энергичному Бонапарту, всем своим существом понимая, что имеет дело с восходящей звездой, и взял курс на тесное сотрудничество с корсиканцем. Уже в 1798 году он писал Бонапарту не как министр генералу, командующему одной из нескольких армий республики, а, скорее, как верноподданный обожаемому монарху. В начале декабря 1797 года Бонапарт прибыл в Париж. Почти сразу же состоялась его первая встреча с министром иностранных дел, и они отлично поняли друг друга. После блестящих побед в Италии Бонапарт отправился на завоевание Египта. Его неожиданное возвращение во Францию в середине октября 1799 года стало для Директории более чем неприятным сюрпризом. Было ясно, что генерал идет к прямому захвату власти. В этих условиях такие люди, как Талейран, опытный политический делец, знающий все ходы и выходы, все пружины правительственного механизма, были необходимы генералу, как воздух. И Талейран верой и правдой служил ему, расчищая путь для грядущего государственного переворота. Дни 18 и 19 брюмера (9 и 10 ноября 1799 г.)

*Замок
Валансэ,
принадле-
жавший
Талейрану*

Справа:
*Катрин
Ноэль Ворле,
жена
Талейрана*

отдали Францию в руки Бонапарта. Республика кончилась военной диктатурой. А через одиннадцать дней после переворота первый консул Бонапарт назначил Талейрана своим министром иностранных дел.

Служение Бонапарту принесло Шарлю-Морису все то, к чему он стремился — деньги, власть, звания и титулы. Теперь он жил с размахом, соответствующим его нынешнему положению. Приемы в великолепном загородном доме в Нейи служили постоянной пищей для разговоров всего светского Парижа. От Бонапарта князь получил баснословной ценности дар, сделавший его крупнейшим земельным собственником во Франции, — поместье Валансэ, одно из двух или трех самых больших феодалных владений в стране. Его площадь составляла около 20 тысяч гектаров.

Талейрану было почти пятьдесят, когда он совершил шаг, который спо-

собен поставить в тупик любого, кто хоть немного знаком с личностью князя. Он женился. Его избранница Катрин Ноэль Гран (в девичестве Ворле) по своему происхождению не была не только аристократкой, но даже и дворянкой. Она родилась в 1762 году в Индии, в порту Транкебар, неподалеку от Пондишери, где ее отец, француз по происхождению, служил капитаном. Воспитанием и образованием девочки никто не занимался, и, по свидетельству современников, она отличалась «энциклопедическим невежеством». Но при этом обладала и поразительной красотой. Ей не исполнилось и пятнадцати лет, когда она вышла замуж за Жоржа Грана, швейцарца, служившего в британской компании, и поселилась с ним в Калькутте. Брак не был особенно удачным. Катрин вскоре завела роман с английским офицером и спустя некоторое время отправилась с ним в Лондон

на торговом корабле. Брак с Граном она, тем не менее, не расторгла. Впрочем, на этом же судне, еще не добравшись до Лондона, Катрин познакомилась с другим англичанином, молодым и богатым, и в Лондон прибыла уже с ним. В то время ей было всего восемнадцать. Туманный Лондон пришелся ей не по вкусу, тем более что и со своим новым другом она не сошлась характером. Вскоре «прекрасная индианка» оказалась в Париже. У нее были богатые покровители, и в средствах она не нуждалась. Якобинская революция 1792 года, во время которой многие ее «друзья» закончили жизнь на эшафоте, не на шутку напугала ее, и это страшное время она решила переждать в Англии, вернувшись в Париж только в 1797 году. Где и когда Катрин познакомилась с Талейраном, точно не известно. На этот счет существует несколько версий. Известно лишь, что молодой женщине грозил арест из-за переписки с эмигрантами в Лондоне, и ей было предъявлено обвинение в заговоре против республики. Она обратилась за помощью к Талейрану. Историки теряются в догадках, стремясь объяснить дальнейшие поступки князя. То, что Талейран, тонкий знаток женской красоты, сразу же вступил с мадам Гран в любовную связь, никого удивить не могло. Однако хлопоты, предпринятые князем, грозили ему самому очень серьезными неприятностями, вплоть до ареста или изгнания. Тем не менее, Шарль пошел на это. Пытаясь оправдать пре-

красную Катрин перед властями, он особо напирал на ее наивность и отсутствие интереса к политике. Злые языки утверждали, что Талейран писал главам Директории: *«Примите во внимание, что она глупа до самой крайней степени вероятия и не в состоянии ничего понимать»*. Как бы то ни было, мадам Гран осталась на свободе. Весной 1798 года она обратилась в парижскую мэрию с заявлением о разводе с месье Граном и, получив его, почти сразу переехала в дом Талейрана.

После прихода к власти Наполеона положение Катрин осложни-

лось. То, что министр иностранных дел Франции князь Талейран-Перигор живет в грехе с разведенной женщиной, вызывало немалое раздражение жен иностранных послов, которые отказывались посещать балы в министерстве иностранных дел. Дело дошло до Наполеона. Он потребовал у князя немедленно изгнать Катрин. Но та быстро предприняла ответные меры, обратившись к своей приятельнице Жозефине, тогда уже супруге первого консула. Желая угодить жене, Наполеон повелел своему министру без промедления жениться на своей любовнице. Спорить с всесильным деспотом Талейран не осмелился. Махнув рукой, он вступил в законный брак. В дальнейшем важной роли в жизни князя супруга не играла. Впрочем, несмотря на свою легендарную глупость, у нее хватило ума брать по поручению князя взятки с просителей. Иногда она делала это по собственному почину. Со временем Талейран совершенно охладил к жене, и, в конце концов, они стали жить раздельно.

При дворе звезда Талейрана была в зените. Император последовательно сделал его великим камергером, вице-электором, владетельным князем Беневентским. Наполеон принимал свои решения, только выслушав доклад своего министра. Можно легко себе представить, какие беспредельные возможности открывались на этой почве перед князем. К его пальцам прилипали миллионы. Знал ли Наполеон о махинациях своего министра? Разумеется, знал, точно

так же, как Петр I знал о проделках А.Д. Меншикова. И терпел их по той же причине, по которой Петр не гнал Меншикова, — он нуждался в нем.

В мае 1804 года Сенат провозгласил Наполеона Бонапарта императором французов. Именно Талейран в значительной степени способствовал этому, и именно он активно участвовал в подготовке его завоевательных планов. Однако со временем князь стал все чаще испытывать тревогу и сомнения. Он опасался, что новые победы неизбежно будут порождать новые войны, а попытка создания «Западной империи», какой бы грандиозной она ни была, в конечном итоге закончится крахом. Талейран знал историю и помнил о судьбе завоеваний Александра Македонского и Карла Великого. И все более настойчиво его посещала мысль о необходимости вовремя соскочить с этой бешено несущейся к катастрофе колесницы. Пора было позаботиться о своем будущем. Провел он это, как всегда, весьма искусно, с присущей ему тонкостью и изяществом. Однажды, когда император в очередной раз стал выговаривать князю по поводу его взяточничества, тот неожиданно проявил несвойственную ему обидчивость и почтительнейше попросил об отставке. Удивленный Наполеон выполнил эту просьбу, и, испытывая даже какое-то чувство вины перед своим верным слугой, щедро вознаградил его — назначил князя Беневентского великим вице-электором. В сановной французской иерархии это был третий

по значимости пост, приносивший очень солидный доход.

Официально Талейран отошел от дел. Это, впрочем, вовсе не означало, что император полностью отказался от услуг своего бывшего министра. Иностранные дипломаты в Париже продолжали поддерживать с ним тесные связи, и о своих беседах с ними он регулярно информировал Наполеона. Талейран был чрезвычайно доволен таким положением дел. Теперь он мог издали и в безопасности ждать дальнейшего развития

леона, решается на тайную измену! Тут было, о чем подумать. Тайная сделка была заключена, и Талейран стал советником и осведомителем царя через сотрудников русского посольства в Париже. Нечего и говорить, что за свои услуги он получал щедрое вознаграждение. Одновременно Шарль стал платным осведомителем и австрийского императора.

Наполеон ни о чем не подозревал. Однако 28 января 1809 года Талейрану пришлось пережить крайне неприятные минуты. Неожидан-

Открывалась новая страница в жизни Талейрана. За Альпами уже гремела слава молодого Бонапарта. Шарль-Морис принялся энергично налаживать новые связи для осуществления своей цели — получить портфель министра иностранных дел. А когда вожденная должность была, наконец, получена, радость его не знала границ

событий, отделив отныне личную свою судьбу от судьбы Наполеона.

Впрочем, вскоре Талейран пошел еще дальше. Во время встречи Наполеона с российским императором Александром I в Эрфурте он тайно предложил Александру сотрудничество, встав на путь прямого предательства по отношению к своему сюзерену. Русский император был поражен. Он справедливо усмотрел в этом поступке пока еще незаметную для других, но зловещую трещину в грозном величественном здании империи. Человек, осыпанный милостями Напо-

леона, вернувшийся из Испании император вызвал князя и чуть ли не с кулаками набросился на него, осыпая обвинениями и ругательствами. Наполеону донесли, что князь и министр полиции Фуше ведут какие-то подозрительные беседы, причем Талейран неодобрительно отзывается о политике императора. *«Вы — вор, мерзавец, бесчестный человек! — бешено кричал Наполеон. — Вы всех обманывали, всех продавали, для вас нет ничего святого, вы бы продали вашего родного отца! Почему я вас еще не повесил на решетке Карусельской площади? Но есть, еще есть для этого*

достаточно времени! Вы — грязь в шелковых чулках! Грязь! Грязь! ...»

Присутствовавшие сановники дрожали, не смея смотреть на Талейра-

на. Тот стоял молча, смертельно бледный, но с виду совершенно спокойный. Затем медленно и почтительно направился к выходу. Утверждали,

Во время Директории Франция играла главенствующую роль в Европе. В ее благосклонности нуждались едва ли не все западные державы, включая Соединенные Штаты. Это было на руку Талейрану, который брал с них огромные взятки. Исследователи полагают, что их размер достигал тринадцати с половиной миллионов франков — колоссальные деньги по тем временам

что он тихо процедил сквозь зубы только одну фразу: «Как жаль, что столь великий человек так плохо воспитан». Ожидали ареста или ссылки Талейрана, но ничего подобного не произошло. Император лишь лишил его звания великого камергера.

Отстраненный от активного участия в политике и от близкого общения с Наполеоном, Талейран теперь вел жизнь, полную комфорта и наслаждений. В своем великолепном особняке на улице Сен-Флорантен он по-прежнему устраивал роскошные пиры и приемы, которые собирали самое изысканное парижское общество. Кроме того, Шарль, как и прежде, не был обделен вниманием представительниц прекрасной половины человечества. Уже несколько лет продолжался его роман с Анной Шарлоттой, герцогиней Курляндской, супругом которой был сын Эрнста Иоганна Бирона — все-

Слева:

*Так
изображали
Талейрана
и Доротею*

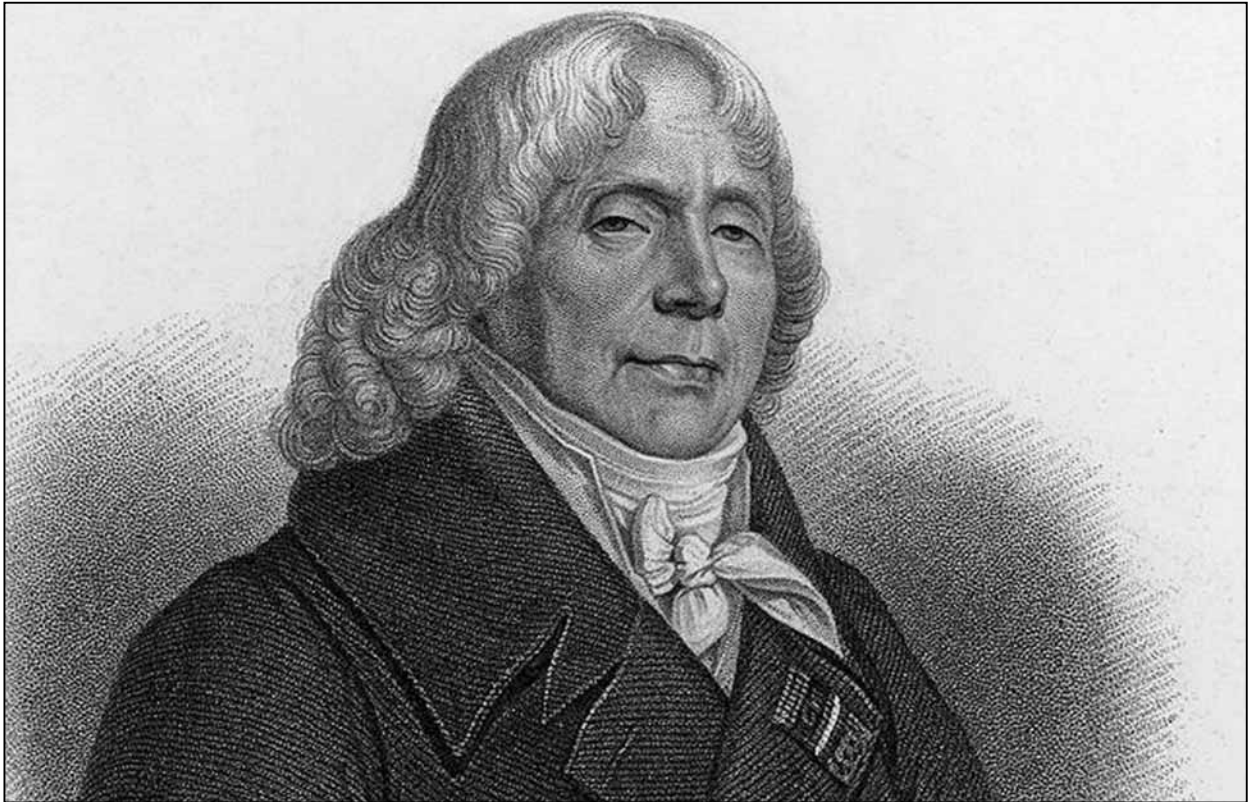
*Доротея
Саган*

сильного фаворита российской императрицы Анны Иоанновны. У герцогини была юная прелестная дочь Доротея, а князь в это время как раз озаботился планами женитьбы любимого племянника, сына своего старшего брата. Эдмон де Талейран-Перигор, молодой блестящий офицер, служил адъютантом маршала Бертье, и Талейран решил, что лучшей партии, чем Доротея, его племяннику не найти. Бравому вояке и прожигателю жизни терять свободу не хотелось, но спорить с дядюшкой он не решился. Венчание состоялось в апреле 1809 года. Невесте исполнилось всего 16, жениху 22 года. Молодые поселились у Талейрана. Практически с самого начала семейная жизнь молодых не задалась, так как Эдмон не желал расставаться с холостяцкими привычками. Доротея быстро разглядела легкомыслие и духовную пустоту му-

жа. Супруги постепенно отдалялись друг от друга, а окончательный разрыв произошел в начале 1812 года, когда полковник де Талейран-Перигор был назначен командиром кавалерийского полка, расквартированного в Северной Италии.

Доротея осталась жить в особняке князя. Именно тогда и началось сближение между ними. Их отношения принимали все более явный романтический характер. Талейран был покорен красотой и умом молодой женщины, а она восхищалась его интеллектом и остроумием.

Между тем, крах наполеоновской империи неотвратимо приближался. В результате трехдневной битвы под Лейпцигом в октябре 1813 года французские войска потерпели поражение и отступили за Рейн. Союзники приближались к французской столице. После вступления в Париж Александр I и его свита в течение

двенадцати дней пользовались гостеприимством князя Беневентского, а первого апреля 1814 года Сенат образовал временное правительство, которое возглавил сам Талейран. Правда, находился он на этом посту всего несколько дней, потому что 5 апреля Наполеон отрекся от престола. Во Франции была восстановлена династия Бурбонов.

А осенью 1814 года начал работу Венский конгресс. Вена стала местом триумфа Талейрана, благодаря усилиям которого побежденная Франция вышла из международной изоляции и начала играть важную роль в послевоенной Европе. В Вену князя сопровождала Доротея. Именно там, как считают многие историки, они стали любовниками, хотя разница в возрасте между ними со-

ставляла почти сорок лет. Талейран нашел в ней сначала достойную ученицу и помощницу, а в конечном итоге — единомышленницу и политическую союзницу. Во дворце князя фон Кауница, где они остановились, Доротея принимала многочисленных гостей, покоряя их блеском своей красоты и туалетов. Она умело вела светские беседы, получая при этом ценнейшую дипломатическую информацию, а также помогая Талейрану вести тайную переписку.

Конгрессу пришлось неожиданно прервать свою работу. В начале марта 1815 года Наполеон покинул Эльбу, а вечером 20 марта был уже в парижском дворце Тюильри. Далее события разворачивались с калейдоскопической быстротой. 18 июня

1815 года произошло сражение при Ватерлоо, а 21-го Наполеон уже отрекся от престола в пользу сына.

В августе 1817 года Талейран получил от Людовика XVII титул герцога, а в декабре герцогство де Дино от короля Сицилии, в знак признательности за помощь, оказанную ему на Венском конгрессе, так что теперь Эдмон и Доротея стали герцогом и герцогиней де Дино. Правда, их брак это не спасло — они уже давно жили раздельно, хотя формально развелись только осенью 1824 года.

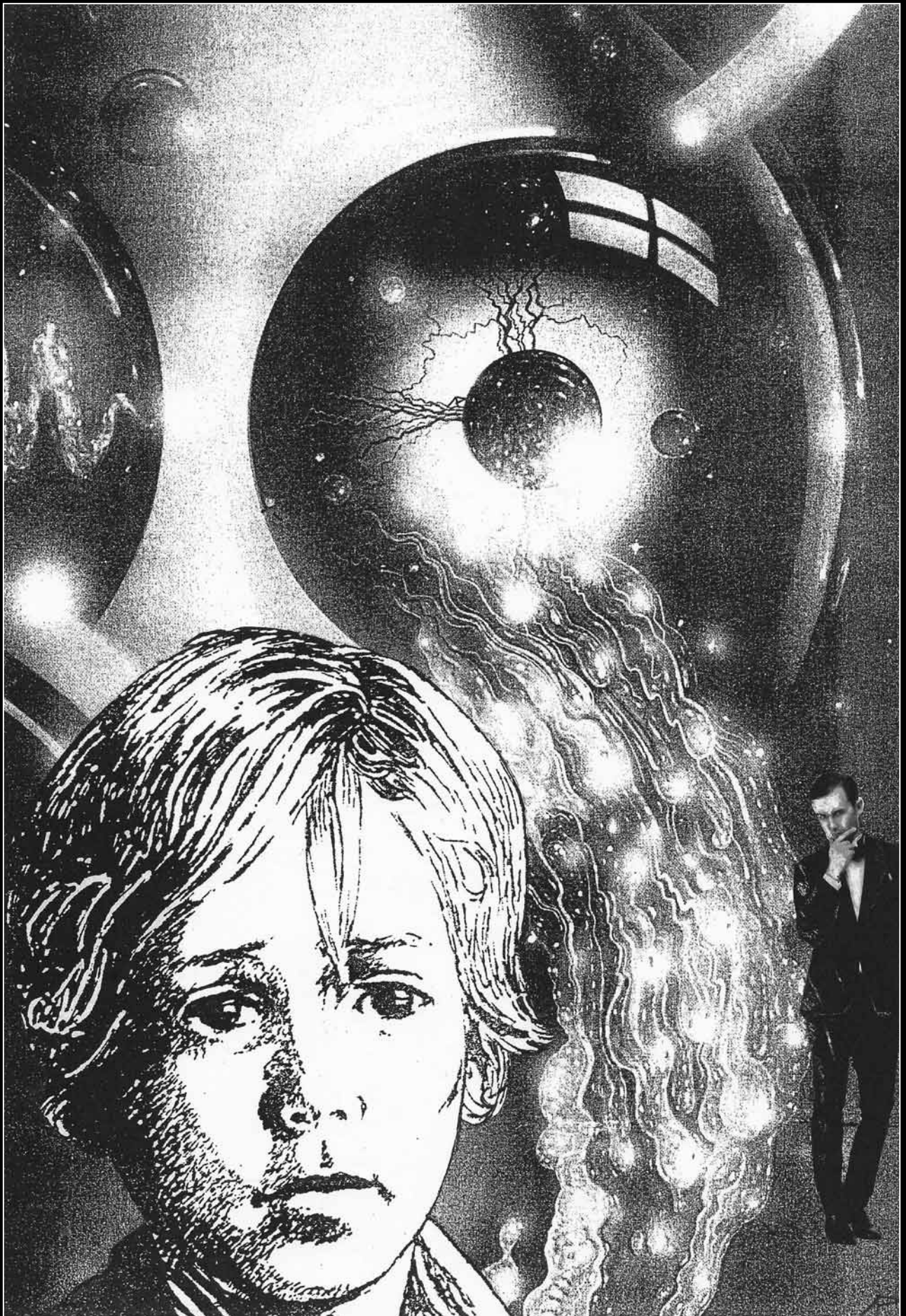
Еще летом 1820 года Доротея вместе с Талейраном переехала из Парижа в его замок Валансэ. Она была беременна. Девочка, названная Полиной, появилась на свет в конце декабря. Современники дружно приписывали отцовство не супругу Доротеи, а его знаменитому дяде. Талейран сразу же стал называть девочку «ангелом своего дома».

Летом 1830 года на французский трон взошел Луи-Филипп, а через месяц Талейран был назначен послом в Лондон. Почти восьмидесятилетний дипломат с блеском выполнил свою миссию, добившись значительного улучшения англо-французских отношений. После четырехлетнего пребывания на берегах туманного Альбиона он вернулся домой и удалился в свой замок Валансэ, размерами и роскошью превосходивший дворцы многих европейских монархов. Его жена Катрин к тому времени умерла. Он не поехал на похороны, хотя и оплатил все расходы, связанные с достойным ее погребением.

Теперь Шарль-Морис редко принимал гостей. Единственным человеком, общество которого ему никогда не надоедало, была Доротея. Она с трогательной нежностью ухаживала за ним. Он же отвечал ей любовью, на которую мало кто считал его способным. В эти годы Талейран писал: *«Я понемногу слабею ... и хорошо знаю, как все это должно кончиться. Я этим не огорчаюсь и не боюсь этого. Мое дело кончено. Я насадил деревья, я выстроил дом ... я наделал много и других глупостей. Не время ли кончить?..»*

Весной 1828 года здоровье 84-летнего князя резко ухудшилось. Перед самой смертью он, по настоянию Доротеи, примирился с католической церковью, от которой некогда был отлучен, и получил отпущение грехов от самого Папы Римского. 17 мая Луи-Филипп прибыл проститься с умирающим, который поражал всех своим совершеннейшим спокойствием. Князь успел даже отпустить королю коснеющим языком какой-то верноподданический комплимент, спустя несколько часов после королевского визита он скончался.

Похоронили его в семейном склепе в Валансэ. Доротея официально унаследовала его титул и все его колоссальное состояние. Герцогиня де Дино скончалась в 1862 году. В своем завещании она выразила желание, чтобы ее сердце было погребено в одной могиле с Талейраном. К сожалению, эта последняя воля выполнена не была. □

ИЗГОИ

— Вот и доктор, — сказал Стэн и ласково потрепал пальцами волосы на голове мальчика.

Робби с испугом посмотрел на человека в белом халате.

— Пап! — жалобно зашептал он. — Я не хочу в больницу! Мне уже хорошо! Ну, правда! Пошли домой?

Стэн и сам хотел поскорее уйти. Но он не мог ручаться, что через день они снова не окажутся здесь.

Час назад его сынишка вдруг начал задыхаться и раздирать руками шею. У Робби была врожденная аллергия на рыбу и морепродукты, и Стэн навсегда запомнил тот самый первый раз, когда веселый и резвый ребенок после двух чайных ложек детского пюре вдруг превратился в пунцовый, мучительно кричащий комок плоти, и свою собственную невыносимую беспомощность хоть как-то облегчить его страдания.

Второй раз произошел, когда Робби уже исполнилось три года, и они вместе с друзьями выбрались в мае на пикник, на берег озера. У мальчика внезапно покраснели глаза, полностью заложило нос. Позже врач объяснил, что среди детей это весьма распространенное явление — обычная реакция организма на пыльцу растений или цветов. Им порекомендовали держать при себе необходимые для таких случаев препараты первой медицинской помощи и избегать поездок за город во время цветения.

Слава Богу, как говорила мама, у Робби не было аллергии на домашних животных, иначе бы пришлось что-то делать с девятилетней пушистой Бланкой, которая по вечерам любила забираться на диван или к кому-нибудь на колени и тихо урчать, пока ее гладили. Ведь очень многие семьи могли себе позволить держать только рыбок да черепашек в аквариумах.

Робби каждый год дважды приводили на осмотр к специалистам, и они брали у него кровь из вены и пальца, мазки слизистой носа и другие анализы. Все это было неприятно и болезненно как для самого мальчика, так и для его родителей. Но здоровье ребенка того стоило. В какой-то мере эти посещения даже успокаивали, потому что и Стэн, и его жена видели, сколько других, самых разных по возрасту детей, ходят одновременно с их малышом на те же самые осмотры и процедуры.

Иногда им советовали сократить на пару месяцев потребляемое ребенком количество молочных продуктов, или яиц, или жареной пищи, или чего-то другого. Ничего страшного, говорили специалисты, обычная предосторожность.

И вот теперь...

Никогда еще воздух не вырывался с таким свистом у Робби из горла, никогда еще его глаза не слезились так лихорадочно, а обильная испарина не выступала на ледяном лбу. Стэн дал сыну все антигистаминные таблетки, которые были у них дома, но они не помогли. Тогда, вызвав «неотложку», помчались в больницу. Там у Робби снова взяли все необходимые анализы, а потом сделали укол. Четверть часа спустя ему стало легче — врачи знали, как и чем с этим бороться.

Им разрешили посидеть в фойе — в приемной своей очереди ожидали другие дети с родителями, и смотреть на них ни Стэну, ни Робби не хотелось. Особенно после того, как одну девочку быстро укатали на коляске за двери, не пустив следом бьющуюся в истерике мать...

Доктор остановился и кивнул Робби:

— Ну, как у тебя дела, парень? Напугал своего папу?

Однако мальчик не ответил на приветствие, а только отвернулся и уткнулся лицом в плечо отцу.

— Спасибо большое! — искренне поблагодарил Стэн. — Вы знаете, с сыном теперь все в порядке.

— Угу... — раздался приглушенный голос Робби.

— Я знаю, — улыбнулся в ответ доктор. — По-другому и не могло быть.

Пару секунд он разглядывал макушку мальчика, затем поднял планшет с медицинской картой в своей руке и помахал им:

— Результаты готовы.

— Что-то серьезное? — Сердце у Стэна тревожно забилося.

— Давайте пройдем в мой кабинет, — сделал приглашающий жест рукой врач.

— Я не лягу в больницу, — начал упираться Робби.

— Мы просто пообщаемся с доктором и все. Никто тебя никуда не заберет. — Стэн надеялся, что говорит правду.

— Я обещаю, — поддержал его врач. — У меня для этого нет ни одной причины.

— Вот видишь, Робби?

Мальчик поднял голову и подозрительно посмотрел на доктора. Потом нахмурился:

— Мы уедем домой?

— Конечно.

— Ну... тогда ладно.

Они все вместе пересекли вестибюль, приемную и вышли в длинный коридор. Пройдя по нему вперед, врач свернул налево и толкнул дверь из матового стекла с табличкой «Доктор медицины Дж. Броулинг», пропуская внутрь отца и сына.

— Присаживайтесь, — пригласил он, обходя стол и опускаясь в кресло. — Робби, если любишь леденцы — в этой вазе перед тобой, их, как мне кажется, минимум два десятка разных видов. Можешь угощаться.

— Спасибо, — пробурчал Робби, пристально изучая конфетки на цвет.

— Что с ним случилось? — Стэн решил не ждать, когда врач заговорит об этом первый. — Вы знаете?

Броулинг положил руки на подлокотники и откинулся назад.

— У вашего сына был аллергический шок, вызванный раздражителем животного происхождения.

— Что?

— Вы пришли в гости, где держат собаку или кошку?

— Нет. Мы были у себя дома. Кошка живет с нами уже много лет.

— У Робби аллергия на шерсть, — ответил врач, помолчав несколько секунд.

— Этого не может быть... — растерялся Стэн.

— Это так.

Отец посмотрел на мальчика, поглощенного выуживанием зеленого леденца и явно не обращающего внимания на разговор.

— Но ведь... — Стэн запнулся, подыскивая подходящие слова. — Но ведь у него никогда не было на нее аллергии. Была аллергия на рыбу, на цветы...

— Пыльцу, — уточнил Броулинг. — Я знаю. В карте ребенка это записано. Уверен, у вас нет в холодильнике форели, а на подоконниках домашних растений. Верно?

— Да.

— Вы ведь тоже страдаете аллергией?

— У меня аллергия на пшено. В любом проявлении — пыль, в составе пищи. Моя мать говорила...

— Да, аллергия на пенициллин. Эта информация тоже указана в карте ребенка. Со стороны вашей жены стоит прочерк.

— Ей повезло.

— Конечно, — кивнул доктор, сцепив кисти рук и делая круговые движения большими пальцами. — Некоторые мои коллеги всерьез настаивают, что тонуть в воде, по ощущениям, гораздо легче, чем переносить продолжительный приступ аллергии.

Робби с хрустом разгрыз конфету, заставив обоих мужчин обернуться на звук.

— Твоим следующим врачом станет стоматолог, — неодобрительно покачал головой Броулинг и отодвинул банку с леденцами подальше от мальчика. — И он точно не отпустит тебя быстро.

Робби насупился, громко рассасывая карамельную крошку во рту.

— Нам нужно избавиться от кошки? — Стэн вдруг ощутил странное равнодушие, словно они и не жили с пушистым животным уже больше десятка лет.

— Да.

— Но Робби ее очень любит... Может, все-таки можно ее оставить, пока она... Ей ведь осталось совсем недолго. Обещаю, мы с женой до минимума сведем общение с ней ребенка. Переселим ее в отдельную комнату, чтобы она не ходила по дому...

— Что вам известно про аллергию? — спокойно спросил Броулинг. — Одно дело — вы, взрослый человек. Если спрятать пшено и сказать, где оно, — вы пойдете за ним? Конечно, нет. Но Робби — ребенок. Если ему сказать, где спрятана кошка, разве он не захочет найти ее? Или вы создадите для животного полностью герметичное помещение, а корм и воду станете передавать ему дистанционно с помощью силиконовых манипуляторов? Да, один раз никого не убьет. Даже я смогу вам это подтвердить. И второй раз тоже. И третий... Вы станете считать эти разы до самого последнего? А что вы будете считать после?

Врач встал и подошел к бумажному календарю на стене. Каждая прошедшая дата была перечеркнута красной линией с цифрой под ней. Он ткнул пальцем во вчерашний день:

— Тридцать четыре. Если сложить вместе всех врачей, все больницы, центры и прочие медицинские организации, то получится, что к нам вчера доставили каждого четвертого или пятого ребенка в городе. Показатель чуть выше нормы. Конечно, иногда это ложные вызовы — малыш переел, малыша укусил комар, или это солнечный ожог. Родители боятся всего на свете. А вы знаете, какая реакция бывает у детей на инъекцию? Подумайте — мы блокируем одни рецепторы и одновременно усиливаем другие. Последствия

и осложнения подобных действий на каждый отдельный организм не решится предсказать и сам Бог. — Доктор недовольно передернул плечами. — На мой взгляд, единственное, что может точно, стопроцентно, выполнить в наш век медицина — это ампутировать орган. Все. Потому что при пристальном изучении даже эвтаназия вызывает сомнение — а не вводим ли мы пациента в глубокий летаргический сон? Не очнется ли он позже? И не была бы гильотина надежнее?

— К чему вы это говорите, доктор? — перебил его Стэн.

— Я хочу, чтобы вы поняли — аллергию нельзя вылечить. Ее можно заглушить, что мы и сделали сегодня с вашим сыном. Если он продолжит общаться с животным, то скоро вас снова доставят сюда. И мы, конечно же, снова справимся с приступом. Но однажды его организм перестанет воспринимать вводимое лекарство. Это значит, что нам придется перейти на какой-то аналог. Вероятность того, что он окажет положительное действие — сорок-шестьдесят процентов, потому что большая часть его активно действующих веществ останется прежней. Поэтому их и называют аналогами.

— Хорошо, я понял, — согласился Стэн. — Но почему тогда раньше ни один анализ, ни один тест не показал у Робби этой аллергии на животных? Она что, возникла на пустом месте? Зачем тогда мы их делали?

— Да, это один из вариантов. Или у него была к ней предрасположенность, которую не удалось выявить, или это накопительная аллергия. Ваш ребенок растет, его организм меняется. Что-то в нем становится крепче, что-то навсегда исчезает. Мы живем в мегаполисе со сложной экологией. Я не хочу говорить о том, плохая она или хорошая. Но организм вынужден адаптироваться к ней каждый день. Вы слышали о раках, которых выловили в реке, в центре крупного города, а потом пересадили в родниковый ручей? Все они умерли в течение часа. — Врач снова обернулся к календарю: — Четверть века назад эта цифра была на треть меньше. Через пару десятков лет к нам будут ежедневно приводить каждого второго ребенка. — Он вдруг резко прошел к столу и сел в свое кресло. — Однажды у нас у всех разовьется аллергия на пищу, которая не была генномодифицирована.

Робби уже скучал и дергал за руку отца, стремясь привлечь его внимание.

— Природа начала отторгать нас, как нечто чужеродное, — продолжал Броулинг. — Когда было такое возможно, полвека тому назад, чтобы ребенок не переносил яблоки или курицу? Чтобы он болел скарлатиной после выпитого стакана минеральной воды? Чтобы покрывался сыпью с ног до головы за пять минут, проведенных в лесу? Вы помните, чтобы ваши

прародители избегали подавать на стол какие-нибудь ягоды или овощи? Как часто вы теперь сами пристально изучаете блюда у знакомых и заранее предупреждаете их исключить что-либо из меню? А они вас? Нет, теперь, к сожалению, никакая любовь и забота уже не смогут нам помочь. Я понял это по проводимым исследованиям и научным докладам на ежегодных симпозиумах, по ежемесячной статистике и ежедневным примерам, с которыми сталкиваюсь здесь, в стенах здания. За тридцать с лишним лет практики мне ни разу не попался ребенок без воспаленных лимфоузлов... Вы спросили меня, зачем я все это говорю? Я хочу, чтобы вы осознали — проблема не в кошке, не в пенициллине. Проблема в самом человеке. Даже если ваш сын больше никогда в жизни не прикоснется к животному — аллергия останется. И его дети впоследствии тоже окажутся в группе риска. Но все это — только начало. За кошкой последует аллергия на любой вид шерсти. Следующим в списке станет птичий пух. Однажды он будет вынужден носить только синтетическую одежду и спать под одеялом на подушке из гипоаллергенных наполнителей. Сколько всего человек не сможет переносить к концу жизни — невозможно предугадать. Сколько из этого он передаст своим потомкам — страшно представить. В попытке адаптироваться к чуждым для него условиям мегаполиса — ваш организм, мой, а уж тем более ребенка, постоянно проигрывает. Теряя абсолютно ненужный в этой среде природный иммунитет, он просто не успевает вырабатывать новый. Это не мои слова, вам их подтвердит любой квалифицированный специалист. Вот и решайте — спасет ли Робби, если вы запретите кошку на чердаке...

Стэн был слишком перегружен информацией, чтобы мыслить рационально, к тому же до этого он сильно переволновался. Ему было понятно почти все, о чем говорил врач, но усталость мешала сосредоточиться. Стэн ждал команды, конкретных действий, которые ему прикажут выполнить ради здоровья сына.

Потерев ладонью лоб, он нахмурился и тупо спросил:

— Что же мне делать, доктор?..

— Остановить аллергию можно только в стерильных условиях, — лишенным эмоций голосом отозвался Броулинг. — В специально очищенном помещении, где организм человека отдохнет от постоянного стресса и загнанности.

— Вы имеете в виду лечебницу?

Врач перевел взгляд на планшет с картой и медленно произнес:

— Я предлагаю, чтобы ваш сын изучил за десять-пятнадцать лет востребованную профессию. И навсегда уехал отсюда.

— Куда?

Броулинг не ответил.

— Пап, когда мы пойдем домой? — услышался голос сына.

— Сейчас, уже идем. — Стэн поцеловал его в висок. — Вот только доктор скажет нам...

— Одной из приоритетных программ НАСА считается колонизация Марса. Ее постоянно переносят, в силу многих причин. Но однажды будет дан старт. Попробуйте. Именно там — шанс для наших детей...

— Вы — псих! — оторопел Стэн, вскочил со стула и толкнул Робби к выходу.

— Возможно... — донесся ответ, прежде чем дверь захлопнулась за их спинами.

В приступе раздражения Стэн проскочил нужный поворот, и они оказались в дальнем крыле учреждения. Только там он, наконец, пришел в себя и осмотрелся по сторонам.

— Пап, а это...

— Идиот! — выплюнул сквозь зубы отец, поворачивая назад.

— Пап, подожди!..

— Мы уже уходим!

— Папа!..

— Больше сюда ни ногой! Ему самому давно пора к врачу!

Робби едва поспевал за быстрыми шагами отца. Он все хотел задать вопрос, но дыхания хватало только на то, чтобы не отставать.

Впереди под потолком Стэн увидел зеленый указатель «Выход» и, свернув туда, вдруг не обнаружил за собой сына.

— Робби?.. — останавливаясь, удивленно позвал он. — Робби, ты где?!

Мальчик оказался в коридоре. Он сидел на стуле у стены, уперевшись локтями в колени, и тяжело дышал.

Стэн почувствовал укол совести. Не надо было торопиться, когда после приступа не прошло еще и часа. И тут же его обуял гнев на Броулинга, из-за которого его сын опять начал задыхаться. Пусть этот чертов урод сам катится на свой Марс!..

Он подошел, опустился перед сыном на корточки и виновато произнес:

— Прости. Ты как?

— У тебя есть попить? — жалобно просипел Робби.

Неподалеку от них стоял кулер с баком наверху. Стэн вытащил сбоку пластиковый стаканчик и налил сначала немного кипятка, а потом разбавил его холодной водой, чтобы у Робби не разболелось горло. И вдруг замер, уставившись на этикетку с химическим составом и уровнем минерализации воды.

— Пап...

Жалобный голос заставил его очнуться и отдать стакан, к которому мальчик тут же жадно припал губами.

Напротив них распахнулась одна из створок двери, выпуская спешащую медсестру. Стэн машинально поднял глаза. И за тот короткий миг, пока створка закрывалась, он увидел белый стол в центре комнаты, с чьим-то прикрытым до подбородка телом, и женщину, сидящую у стены, как и его сын. Только, в отличие от него, она сидела ровно, словно одетая в тугий корсет. Рядом с ней стоял кто-то в белом медицинском халате, который выглядел грязным примятым снегом на фоне ее абсолютно белоснежного лица.

— На, пап...

В руку Стэну с сухим треском что-то уперлось. Он скомкал предмет, краем сознания понимая, что это пустой стаканчик.

— Пап, а что доктор говорил про Марс?

Что-то шевельнулось в сознании, и лицо женщины наложилось на лицо матери той девочки, которую везли сегодня врачи. Лица соединились, и Стэн вздрогнул.

— Пап, ты слышишь?

Голос Робби уже звучал намного крепче, чем пару минут назад. Отец посмотрел на него.

— Пап, а это правда, что я полечу на Марс?

Взор мальчика был полон возбуждения, надежды, наивной радости и того искреннего счастья, которые могут одновременно сверкать только в глазах ребенка.

— Пап, это правда?

Стэн отвернулся.

— Правда? Скажи мне!

Но отец молчал, уставившись невидящим взглядом в закрытую перед ними дверь...

...Кто скажет, куда однажды заведет человечество человека? А забота о собственном ребенке? Опыт и знания передаются из поколения в поколение. За ними стоял, и будет вечно стоять Страх. Страх, который сильнее самой смерти. Это Страх за Жизнь.

Но Жизнь не ошибается. И чем дальше она движется вместе с человеком по шкале времени, тем требовательнее к нему становится. А человек не любит проигрывать.

В этом противостоянии ценности меняются каждый день...

Стэн отнес смятый стаканчик к урне и выбросил его.

...Любить так, чтобы отпустить, или так любить, чтобы уберечь?

А может быть, любить — это не главное для Жизни?..

«Броулинг прав, — думал он, возвращаясь к сыну. — Выживет не сильнейший, выживет востребованный». □

Светлана
Бестужева-Лада

«УЗНИЦА ЖИЗНИ»

Женщины-революционерки всегда занимали в истории особое место. Посвятив себя революции, они фактически отказывались от всего остального, а жесткостью и непримиримостью зачастую даже превосходили мужчин. Но и среди них были настоящие уникалы, о которых, к сожалению, мало пишут, и поэтому мало знают. Или — наоборот: мало знают, поэтому мало пишут.

Эсерка Мария Спиридонова, прозванная «Богородицей революции», ярчайший тому пример. Из прожитых ею пятидесяти семи лет она тридцать два года провела в местах лишения свободы. Какая бы власть ни устанавливалась в России, Мария неизменно оказывалась ее узницей, причем условия заключения были одинаково жестокими.

Спиридонова боролась за торжество «народного социализма», то есть на самом деле — за химеру, созданную ее воображением. А поскольку при самодержавии само слово «социализм» было крамолой, а при большевиках, якобы установивших справедливый социальный строй, — полной бессмыслицей, Мария испила до дна самую горькую из чаш: стала вечной преступницей против режима.

Режимы менялись, революционерка оставалась верной своей утопической идее. И погибла, веря в будущее революционного «народного социализма», от чекистской пули в затылок.

Но обо всем по порядку.

Мария Александровна Спиридонова родилась в 1884 году в Тамбове, в состоятельной дворянской семье коллежского советника. Мать вела дом и все внимание уделяла пятерым детям. Отец служил бухгалтером в банке и владел паркетной фабрикой.

Какая революция, почему, зачем? Красивую, добрую и отзывчивую девушку любили в семье и обожали в гимназии, где она была лучшей ученицей. Поклонники появились едва ли не с первых лет обучения. Судьба казалась предельно ясной: после окончания гимназии благополучное замужество, собственный дом, дети, счастливая жизнь.

И... ровно ничего из этого не случилось из-за характера Марии, которая еще в гимназии открыто протестовала против царивших там режима и бездушия и постоянно отстаивала свои человеческие права.

В результате Марию исключили из гимназии до окончания восьмого класса, причем с такой характеристикой, которая исключала возможность дальнейшего обучения где бы то ни было. Да и семейные обстоятельства изменились к худшему: отец умер, и кто-то должен был содержать семью, поскольку фабрика из-за нечестного управляющего обанкротилась, и ее пришлось отдать.

Мария устроилась работать делопроизводителем в канцелярию тамбовского Дворянского собрания. Там она прекрасно зарекомен-

довала себя и была в добрых отношениях с сослуживцами. Умная, умеющая легко, красиво и доходчиво излагать мысли, она притягивала к себе людей.

«Крошечное кокетливое создание в гимназической форме, каштановая коса до колен, стреляющие озорными бесиками голубые глазки...» — так описывали юную Марию ее бывшие соученицы. Неудивительно, что поклонники просто толпились вокруг девушки. Но она выбрала... революцию.

Одна из подруг ввела ее в кружок социалистов-революционеров (эсеров), и Спиридонова очень быстро втянулась в подпольную работу, особенно в агитацию среди рабочих. А с 1905 года она уже числилась активисткой боевой дружины партии.

Крошечное кокетливое создание...

И в том же году была впервые арестована за участие в демонстрации. Сослуживцы из Дворянского собрания приложили немало усилий, чтобы избавить коллегу от наказания: все были уверены, что произошла какая-то нелепая ошибка, и что «Манечка» просто оказалась не в том месте и не в то время. Отплатила Мария за это черной неблагодарностью. Одержимая революционной романтикой и верой в то, что социалистические преобразования создадут гуманное общество, она считала, что ради этого все средства хороши. Даже убийство.

16 января 1906 года по решению Тамбовского комитета эсеров Спиридонова совершила террористический акт — смертельно ранила советника Тамбовского губернского правления Гавриила Луженовского, создателя в Тамбовской губернии отделения национально-монархической организации «Союз русских людей» и усмирителя крестьянских волнений в Тамбовской губернии.

«Девушка, чистейшее существо, с прекрасной душой — без жалости, с упорной жестокостью зверя вса-

сама вызвалась осуществить эту акцию. Она выслеживала Луженовского на станциях и поездах несколько дней, пока на станции Борисоглебск не представился удобный случай. Мария начала стрелять с вагонной площадки из револьвера, который держала в муфте, потом спрыгнула на перрон и продолжала вести огонь. Выпустив в Луженовского пять пуль, эсерка была схвачена жандармами тут же на перроне вокзала.

— Расстреляйте меня! — в нервном припадке кричала она.

С

удьба казалась предельно ясной: благополучное замужество, собственный дом, дети, счастливая жизнь. Но... ровно ничего из этого не случилось из-за характера Марии, которая еще в гимназии открыто протестовала против царивших там режима и бездушия и постоянно отстаивала свои человеческие права

живает 5 пуль в человека!.. Их довели до этого, довела жизнь, с постепенностью, страшную в своей незаметности. Вот оно — движение; мы все живем и действуем не как люди, а как политические единицы без души, и казним, и убиваем, и грабим страну во имя ее блага. Все позволено — цель оправдывает средства», — так было написано в статье «Жертва губернской революции».

Довольно беспомощное объяснение произошедшего. Спиридонова

Ее не расстреляли. В полицейском участке жандармы, раздев Марию донага, жестоко избивали ее, истязали, туша об ее грудь окурки, выбили все зубы, а затем в вагоне, по пути в Тамбов, изнасиловали... Отбитая грудь давала о себе знать террористке всю оставшуюся жизнь. А зверское изнасилование навсегда лишило возможности иметь детей.

Спиридонову приговорили к смертной казни через повешение. Приведения приговора в исполнение она

*Мария
Спиридонова
в юные годы*

дождалась в Мальцевской тюрьме, где содержали уголовных преступниц, поскольку отдельных тюрем для политических преступников пока не имелось, а действия Марии попадали под соответствующую уголовную статью. Но под давлением общественности (многочисленные газетные публикации, раскрывшие причины террористического

акта, и обнародованная информация о зверствах и издевательствах, чинимых над Спиридоновой) приговор был заменен: вместо виселицы террористку теперь ждала бессрочная каторга в Нерчинских острогах.

Мария, приготовившаяся к смерти, была настолько потрясена такой «гуманностью», что решила самостоятельно уйти из жизни. Только

категорический приказ друзей по партии заставил арестантку изменить свое решение.

Странно, право, решить покончить жизнь самоубийством и испрашивать на это разрешения у «друзей по партии». Была уверена, что не разрешат? Или по привычке кокетничала... на сей раз со смертью? Скорее всего, второе.

Примерно в это же время начался роман по переписке с эсером Владимиром Вольским. Восторженные любовные письма, которые он вначале посылал Марии по рекомендации партии (!), чуть было не переросли в серьезные чувства двух незнакомых людей. Владимир даже был готов жениться, хотя уже состоял в браке.

Роман по переписке не имел никаких серьезных последствий, а когда Вольский и Спиридонова лично встретились через одиннадцать лет, то... не нашли даже общих тем для разговора.

Но это помогло Спиридоновой воспрянуть духом.

«Разве вы не знаете, что я из породы тех, кто смеется на кресте... Будущее не страшит меня: оно для меня неважно, — важнее торжество идеи», — писала она на волю.

Ее путь из пересыльной московской тюрьмы в Нерчинск был триумфальным. На каждой стоянке поезд окружали толпы рабочих. Охрана была вынуждена присутствовать на импровизированных митингах. Да, да, арестантке давали возможность выступить перед людьми, а за-

одно и подышать свежим воздухом после нестерпимой духоты вагона. Почему?

Возможно, потому, что в Сибири были очень сильны революционные настроения, и местным властям приходилось считаться с волеизъявлением народа во избежание новых беспорядков и даже вооруженных выступлений.

Спиридонова говорила просто и мощно, что само по себе было чудом, поскольку во время ареста ей выбили все зубы, а не только отбили легкие и селезенку. Вернувшись в вагон, она валилась без сил и захлебывалась кровью.

Тогда-то впервые и прозвучало — «Богородица революции».

Трижды эсеры пытались организовать побег Спиридоновой с каторги, но неудачно. И это странно, потому что масса революционеров без особых проблем убегала и с каторги, и из ссылки, а в основном — по дороге туда. Без особых сложностей добирались до Европы, где тут же находили единомышленников и продолжали активную революционную деятельность уже в полной безопасности.

Но Мария пробыла на каторге одиннадцать лет и была освобождена только в начале марта 1917 года по личному распоряжению Александра Федоровича Керенского, который в первом составе Временного правительства был министром юстиции.

Почти немедленно после освобождения, добравшись до Читы, она

приняла активное участие в создании там эсеровского комитета, стоявшего на позициях интернационализма и максимализма, а также принимала участие в работе Читинского Совета рабочих и солдатских депутатов. После ее яркой, как всегда, речи исполком читинского Совета принял решение о ликвидации Нерчинской каторги. Временное правительство поддержало это решение. Почти столетняя история каторги завершилась всеобщей амнистией

В мае 1917 года Мария Александровна прибыла в Москву на 3-й съезд ПСР, на котором ее избрали в почетный президиум. Тогда же она вошла в Северный комитет партии, в котором преобладали сторонники «углубления революции», хотя никакой конкретной программы у них не было. А вот в Центральный Комитет партии эсеров Спиридонова не попала — не хватило голосов «за». Никакие революционные заслуги в прошлом не учитыва-

С

мертельно ранив советника Тамбовского губернского правления Гавриила Луженовского, Спиридонова была приговорена к смертной казни через повешение. Но потом приговор был заменен: вместо виселицы террористку теперь ждала бессрочная каторга в Нерчинских острогах. Именно там, в Сибири, где были очень сильны революционные настроения, впервые и прозвучало — «Богородица революции»

(в том числе, и для уголовных преступников) и закрытием всех тюрем.

Забегая вперед. Нерчинская каторга довольно скоро открылась снова, но в обстановке секретности и полного молчания. Она просто органически влилась в мощную систему ГУЛАГа, причем, по иронии судьбы, некоторые политзаключенные царских времен могли сами сравнить, насколько изменились условия для каторжан с приходом новой власти.

лись, в ЦК попали, в основном, теоретики партии, а не боевики.

Собственно говоря, это не удивительно. В расколовшейся на два крыла партии большая часть эсеров примкнула к правому крылу, стоявшему на позициях отказа от сотрудничества с большевиками и отрицавшими необходимость передачи всей полноты власти рабочим и солдатским советам.

А Спиридонова в ходе партийного съезда присоединилась к левому

крылу и вошла в состав его Оргбюро. Кроме того, начала сотрудничать в органе Северного комитета — газете «Земля и Воля». В августе имя Спиридоновой уже можно было видеть в списке обязательных кандидатов от ПСР на выборах в Учредительное собрание.

С августа же под ее редакцией начал выходить журнал «Наш путь», в первом номере которого была опубликована ее программная статья «О задачах революции», ставшая своего рода «руководством к действию» для левого крыла ПСР.

Выступая 15 ноября на совместном заседании ВЦИК Петроградского Совета и Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов, Спиридонова сказала:

«Пусть знает русский крестьянин, что, не связав себя с русским рабочим, не связав себя с рабочим и крестьянином Франции, Англии, Австралии и Германии и всех остальных стран мира, он не добьется не только свободы и равенства, но даже того клочка земли, который так жизненно ему необходим».

Она также призвала к единению левых сил:

«Пусть единая революционная демократия выступает единым фронтом. Оставим наши споры... Да здравствует братский союз рабочих, солдат и крестьян!»

Все эти громкие призывы так и остались словами. Спиридонова довольно быстро осознала, что Декре-

ты о земле в корне отличаются от программ эсеров, за которыми в революцию пришли крестьяне.

На втором съезде ПЛСР в апреле 1918 года Спиридонова из президиума выступила с докладом по текущему моменту и призвала левых эсеров разделить с большевиками ответственность за Брестский мир:

«Мир был подписан не нами и не большевиками: он был подписан нуждой, голодом, нежеланием всего народа — измученного, усталого — воевать. И кто из нас скажет, что ПЛСР, представляя она одна власть, поступила бы иначе, чем поступила партия большевиков?»

Среди членов ЦК ПЛСР она дольше других выступала за политический союз с большевиками. Но в период с мая по июль 1918-го в своих публичных выступлениях решительно осудила внешнюю и внутреннюю политику Совета народных комиссаров, критиковала аграрную политику большевиков, говоря, что социализация земли подменяется национализацией. Больше того, не только одобрила вооруженное выступление против большевиков, но и приняла в нем активное участие, взяв на себя организацию очередного громкого террористического акта — убийство посла Германии графа Мирбаха.

В ночь с 7 на 8 июля Спиридонова была арестована и препровождена на гауптвахту в Кремль. На допросе в следственной комиссии при ВЦИК она взяла вину за выступление левых эсеров на себя и показала:

*Мария Спиридонова
(внизу) в Акатуйской
тюрьме с конвоем,
1906 год*

«Я организовала дело убийства Мирбаха с начала до конца».

Восстание было подавлено. Левые эсеры разделили судьбу ранее разгромленных кадетов и правых эсеров. В стране фактически установилась однопартийная система.

27 ноября Верховный революционный трибунал при ВЦИК приговорил Спиридонову к 1 году тюрьмы, «принимая во внимание особые заслуги перед революцией», но уже через два дня Президиум ВЦИК амнистировал ее, и она была освобождена из-под стражи.

В первый и последний раз новая власть проявила гуманность по отношению к Спиридоновой. Но она этого не оценила так, как надеялись большевики. Освободившись из

тюрьмы, сразу же попала на II Совет ПЛСР и произнесла там бурную речь, в которой выдвигалось требование прекратить хлебные и иные реквизиции у крестьян. Заканчивалась она характерным призывом: «Долой олигархию большевиков!»

На свободе она пробыла недолго. В РСФСР правил бал «красный террор», и 18 февраля 1919 года Спиридонова была вновь арестована и приговорена Московским революционным трибуналом к изоляции от общественной и политической деятельности сроком на 8 месяцев по обвинению в контрреволюционной агитации и клевете на советскую власть.

В апреле ей удалось бежать из-под стражи. Перейдя на нелегальное положение, она вернулась к партий-

ной работе и возглавила меньшинство ЦК, выступавшее за активное противодействие политике РКП (б).

В октябре 1920-го Спиридонова вновь была задержана чекистами, некоторое время провела в лазарете ВЧК и в тюремной психиатрической лечебнице. «Санатории», психиатрические больницы ЧК, куда ее помещали под именем «Онуфрие-

политической деятельностью она в те годы не занималась, считая это бессмысленным, а поражение партии эсеров — окончательным.

«С 1922 г. я считаю партию левых социалистов-революционеров умершей. В 1923–24 гг. это уже агония. И без надежд на воскрешение, ибо рабочие и крестьянские массы ни на какие лозунги самого обольсти-

В сентябре 1941 года Мария Спиридонова, ее муж и еще 155 узников по обвинению в «злостной пораженческой и изменнической агитации» были расстреляны в Медведевском лесу. Найти место их захоронения не удалось до сих пор

вой», окончательно подорвали здоровье. Жизнь превратилась в сплошной кошмар видений насилий, которые она испытала в царских тюрьмах. Три месяца Спиридонова практически не спала, затем отказалась от еды — 14 дней сухой голодовки.

С сентября 1921 года ее выпустили из тюрьмы, и она жила в изоляции и под контролем ВЧК в подмосковной Малаховке. Обстановка, в которой ей пришлось находиться в течение последующих двух лет, была далека от «санаторной». Мария Александровна даже обратилась в Красный Крест с письмом, в котором просила перевести ее в Таганскую тюрьму на казенное содержание.

В 1925 году ее отправили в ссылку (Самарканд, затем Уфа). Никакой

тельного свойства не поддадутся», — писала впоследствии Спиридонова.

Но и разбитую туберкулезом, цингой, голодовкой, большевики ее боялись. Несмотря на многочисленные ходатайства, в выезде за границу ей было отказано. Лев Троцкий заявил Кларе Цеткин, хлопотавшей о здоровье революционерки, что Спиридонова «представляет опасность для советской власти».

Так как она не умела скрывать своего мнения, и всегда открыто говорила обо всех недостатках, для советской власти Мария действительно была врагом, но врагом знаменитым — старую революционерку, террористку, боровшуюся с царизмом, трудно было незаметно уничтожить.

В это же время она вновь почувствовала себя молодой и энергичной — в ее жизни, наконец-то, появилась любовь. По ее словам, «обрела друга, любимого и мужа». Илья Андреевич Майоров, бывший член ЦК левых эсеров, автор закона о социализации земли, тоже был сослан, там, в ссылке, они и познакомились. Жили дружно и старались не замечать постоянной слежки. Спиридонова знала, что о каждом ее слове, о каждой встрече становится известно в ЧК.

А доносы скапливались. Вновь арест, обвинение в связи с заграничными левоэсеровскими группировками и ссылка — теперь уже в Уфу. Здесь Спиридонова работала старшим инспектором кредитно-планового отдела Башкирской конторы Госбанка, крутилась по хозяйству, чтобы обеспечить сносную жизнь мужу, его сыну и престарелому отцу. А еще ухитрялась рассылать скромные посылки бедствующим друзьям, в прошлом своим единомышленникам.

Но это были последние спокойные и относительно свободные годы. Приказом наркома внутренних дел Н.И. Ежова «Об оперативной работе по социалистам-революционерам» от 13 ноября 1936 года начальники управлений НКВД краев, областей и республик подробно информировались об «активизации» подрывной деятельности бывших эсеров (как правых, так и левых), направленной на воссоздание их пар-

тии и организацию широкого повстанческого движения.

Началась настоящая «охота на ведьм». В страшном 1937 году Спиридонова на себе почувствовала, что значит государственный террор против своего народа.

Ее арестовали по обвинению в подготовке покушения на К.Е. Ворошилова, а заодно и всех членов правительства Башкирии, в руководстве несуществующей «Всесоюзной контрреволюционной организацией», во вредительстве и в разработке террористических актов против руководителей государства, включая И.В. Сталина.

По «делу» проходил 31 человек. Многие не выдерживали пыток и давали ложные показания. «Сломался» и муж Спиридоновой.

«Проявите гуманность и убейте сразу», — требовала измученная болезнями женщина. Но следователи продолжали изощренно издеваться, требуя признаний. Допросы продолжались по два-три дня без перерыва, сесть не позволяли. Ноги Спиридоновой превратились в чернолиловые бревна.

Но единственное, чего добились следователи — признание в... полной лояльности к советской власти.

«А, между прочим, я большой друг советской власти, чем десятки миллионов обывателей. И друг страстный и деятельный. Хотя и имеющий смелость иметь собственное мнение. Я считаю, что вы делаете лучше, чем сделала бы я».

Столь откровенные признания никак не повлияли на ее судьбу. Мыслящие, убежденные люди пугали власть, априори считались «врагами народа». Спиридонову приговорили к 25 годам тюремного заключения. Отбывала срок она в орловской тюрьме.

11 сентября 1941 года М.А. Спиридонова, ее муж И.А. Майоров и еще 155 узников по очередному обвинению в «злостной пораженческой и изменнической агитации» были расстреляны в Медведевском лесу. Найти место их захоронения не удалось до сих пор.

Итогом политической биографии Марии Спиридоновой могли бы стать слова о ней из энциклопедии, которые тогда, в 20-е годы, служили свое-

образной эпитафией еще живому человеку, но уже «умершему» политическому деятелю:

«Ее крайняя экспансивность, нервно-склонность к преувеличениям сильно вредили ей и ее политической деятельности. Но имя замученной царскими палачами "Маруси" навсегда останется в летописях русского революционного движения; с ним связан образ девушки, самоотверженно вставшей мстительницей за поруганное крестьянство».

В 1990-м Спиридонова была реабилитирована по делу 1941-го, в 1992-м по делам 1918-го, 1923-го, 1924-го, 1937-го.

Из 57 лет жизни Мария Александровна Спиридонова провела на свободе всего 25 лет. □

ПРАВО ПОСЛЕДНЕЙ НОЧИ

Выпуск новостей традиционно завершался прогнозом погоды. Затянутая в элегантный костюм красотка, старательно тараща глаза, водила руками по виртуальной карте и пугала надвигающимся циклоном.

Ольга отвернулась от экрана телевизора и с вялым безразличием посмотрела в окно. Не небо, а какое-то серое недоразумение. Тяжелые тучи без единого просвета низко висели над горизонтом, а в прорехи уже сыпался снег.

Все это как нельзя более точно отвечало Ольгиному настроению. Еще ни разу ей не довелось приехать в когда-то родной, а теперь чужой, проклятый всеми богами город в ясный солнечный день. В этом скрывалась то ли ирония судьбы, то ли сочувствие матери-природы, то ли нездоровый мазохизм. Ольга склонялась к последнему, потому что менее подходящего времени, чем середина февраля, для ее, по сути, никому не нужного ритуала выбрать сложно. Каждый раз она обвиняла себя в черствости и бессердечности. И тут же отгоняла трусливые мысли, возвращаясь мыслями к сыну. В течение этих трех лет не было ни дня, чтобы Ольга о нем не думала...

Сборы много времени не заняли. Подумаешь, однодневная поездка. Четыре часа в одну сторону, столько же в другую. И какое-то время там... Покидав в дорожную сумку вещи, она сварила кофе, добавив туда изрядную порцию коньяка, и забралась с ногами на табурет, доедать остывшую яичницу.

Муж, перекочевавший в категорию «бывших», был холоден и наверняка не мучился, как она. В той боли и тоске, что съедали ее без остатка, нужно было кого-то обвинить, и муж подходил для этого лучше всего. Чем меньше времени оставалось до дня обязательного ритуала, тем сильнее Ольга ненавидела Алексея и жалела себя. Наверное, потому, что пожалеть ее было некому.

Утро медленно и неохотно вступало в свои права, как всегда это случается зимой. Просыпающийся город гудел автомобильными клаксонами, подмигивал огнями светофоров. В доме слышались голоса проснувшихся людей. Гремел лифт, хлопали двери. Оттого, что там, за закрытыми дверями, всю кипит чужая, равнодушная к постороннему несчастью жизнь, хотелось выть.

Бывший, чурбан бесчувственный, этого наверняка не испытывал. В дороге Алексей преимущественно молчал, а если приходилось обращаться к экс-супруге, от его тона веяло таким холодом, что в прежние счастливые времена она бы умерла от страха. А сейчас Ольге было все равно, что и как муж говорит. Она нисколько не сомневалась, что Алексей ненавидит ее так же сильно, как и она его. Удивительно, что они уже трижды ездили в город похороненной семейной жизни, и даже ни разу не поссорились, старательно залепив лейкопластырем боль и взаимную неприязнь.

Ни она, ни он не пытались вспоминать, как когда-то любили друг друга. И это единодушие Ольгу вполне устраивало. И когда на столе запрыгал сотовый, она подумала лишь о том, что целый день ей придется провести с человеком, испытывающим к ней жгучую ненависть.

Стоило снегу под ногами громко захрустеть, Ванька останавливался и пугливо озирался по сторонам. Каждый раз он ругал себя последними словами и клялся делать это незаметно. Ну кому придет в голову подглядывать за ним сейчас?

Двадцать шагов до забора. Двадцать пять до угла. По пути обязательно проверить печать на тяжелом замке, как велит инструктаж, но Ванька не собирался этого делать. Чего ее проверять каждую пару минут, если вокруг — никого, а проникнуть на продовольственный склад можно только через единственную дверь, над которой висит раскачивающийся на ветру фонарь. В караулке дрыхнет дежурный и остальные срочники, один из которых должен будет сменить его на посту. Недалеко от караулки в бетонном заборе скрыта дыра. Летом и в начале осени солдаты бегают через нее «на гражданку»: в круглосуточный ларек на станции или пошарить на пустующих дачах. Но сейчас, зимой, на дачах делать нечего, да и сгонять в ларек охотников не находится.

Сегодня Ванька вообще-то не должен был заступить в караул, но старшина застукал его спящим и решил наказать. Слабая надежда на санчасть тоже испарилась, хотя Ванька чувствовал идущий циклон, как все гипертоники. Врач, выслушав его торопливые жалобы, криво ухмыльнулся, вынул из ящика стола пластинку анальгина, разломил таблетку пополам и протянул Ваньке.

— Эту половинку выпьешь утром, эту — вечером. Смотри не перепутай.

Ванька таблетку взял, хотя прекрасно знал: толку от нее не будет. С середины осени и почти до конца весны парня мучила мигрень, от боли хотелось выть. С таким диагнозом в военкомате должны были сразу выдать «белый билет», но по большому счету до призывников никому нет дела. Не помогла ни пухлая медицинская карта, ни мольбы матери, доказывающей, что мигрень — это наследственное, память о папашке-негодяе, бросившем семью. На медкомиссии мать выслушали без особого интереса и несколько не впечатлились. И вот уже больше полугода Ванька ходил в строю, горланил дурным голосом старые армейские песни, потел на полосе препятствий, да еще минимум раз в месяц, облаченный в тяжелый тулуп и валенки, с автоматом на ремне охранял склады. Это было, пожалуй, самое неприятное. В холодную погоду бродить вокруг одного и того же склада — занятие не из легких, да и старшина, удод и гоблин, поставил его в самую неудобную вторую смену, но сегодня, страдая от мигрени, Ванька не возражал.

Голова болела с самого утра, а под вечер даже легкое прикосновение к ней вызывало жгучую тошноту, верный признак приближающейся непогоды, затяжных вьюг и снегопада.

Ванька тяжело задышал ртом и даже распустил завязки форменной шапки, а потом, сорвав ее с гудевшей головы, с наслаждением подставил лоб пронизывающему ветру, не заботясь о том, что простудится и завтра сляжет. Что угодно, лишь бы сейчас притупить эту тошнотворную боль. Сняв тяжелые трехпалые армейские рукавицы, он неуклюже нагнулся в своем тяжелом тулупе, зачерпнул ладонью снег и, разделив его на две неровные кучки, прижал рассыпчатые холодные комья к вискам.

Эх, Анька, Анька, как же ты могла...

Звонить домой получалось редко. Старенький мобильник у него отобрали еще в первую неделю. Потом мать прислала другой, самый простой и дешевый, добавив немудреные гостинцы: банку варенья, сигареты и шерстяные носки. Пополнять баланс ей приходилось самой. Ванькиным телефоном пользовались все, кому не лень, отчего деньги на счету заканчивались с катастрофической быстротой. Старшина зверствовал, отбирал мобильные, вопя что-то о военной тайне. Ванька фыркал: можно подумать, воинскую часть нельзя было разглядеть со спутника. Тем не менее, обнару-

жив у срочника телефон, старшина отбирал его, уносил в свою каптерку и никогда не возвращал. Приходилось прятать мобильники и пользоваться ими тайком.

Три дня назад он позвонил домой. Мать обрадовалась, засыпала его дежурными новостями, но Ванька быстро прервал ее радостный щебет вопросом: чего ж любимая не звонит, не пишет?

— Замуж она выходит, — стушевавшись, нехотя призналась мать.

— За кого? — хрипло поинтересовался Ванька.

— Да за этого, Димку малахольного, дружка твоего, — досадливо ответила мать. — Родину не пошел защищать, поганец, и девку лучшего друга отбить не постеснялся...

— Да как же так? — беспомощно произнес Ванька. — Она ведь в прошлом месяце звонила, говорила, что ждет, любит...

— Ждет! — хмыкнула мать. — Да она с ним сразу ходить стала, едва тебя забрали. В общем, ни минуточки тебя не ждала, шалава малолетняя. Я ведь чуяла, не выйдет из этой поганки ничего путного. Нинка, мать ее, говорит, что свадьба — дело решенное. Ничего тут не попишешь, потому как Димка Аньку обрюхатил. Нинка, как узнала, сразу к Димкиным родителям пошла и сказала: пусть женятся, а иначе посажу я его, потому как кровиночка моя — несовершеннолетняя. Ну, тем деваться некуда. В общем, свадьба скоро у нее, сыночек. Ты уж сильно не расстраивайся там...

Ванька и не расстраивался. Он был в бешенстве.

Три дня жил как в бреду, представляя этих двоих, довольных, счастливых, готовящихся к свадьбе, на которую его, лучшего друга и бывшего парня, конечно же не пригласят. Днем строевая подготовка, стрельбы и уборка территории отвлекали от тяжелых мыслей. Но по ночам, мучаясь от усиливающейся мигрени, Ванька все время видел лица изменников, грыз зубами подушку и подвывал от тоски.

Он мерз, вышагивая у продовольственного склада, и думал: «Застрелиться, что ли?» Это ведь так просто — исчезнуть. Снять АКС с предохранителя, передернуть затвор, а потом, уперев холодный ствол в острый подбородок, нажать на курок, как сделал малознакомый солдат из второго взвода два месяца назад. Ванька тогда тоже был в карауле и буквально перед самым подъемом, в пять сорок утра, услышал неподалеку короткое «тра-та-та». А потом, спустя полчаса, мимо прогрохотали ботинками четыре амбала, которые несли на плащ-палатке безвольно болтающееся тельце с развороченной головой. Напрямик через плац солдаты потащили тело в санчасть, словно самоубийцу еще можно было спасти. У того из горла хлестала кровь, стекая на асфальт, и Ванька, застывший от ужаса, прекрасно понимал: ничего тут уже не поделаешь...

Сняв с плеча автомат, он задумчиво посмотрел на отливающее черным оружие, отстегнул магазин и зачем-то проверил, есть ли там патроны, хотя точно знал — есть. Примкнув магазин обратно, поднял автомат стволом вверх и прижал его к подбородку.

Холодная сталь обожгла кожу, и это на мгновение отрезвило его.

И что потом? А никакое «потом» для него не настанет. Будет гроб, похороны и рыдающие родители. Только двое предателей не узнают, что все произошло из-за них. Хотя, даже если и узнают, лишь плечами пожмут и станут жить дальше, растить ребенка, катать его в коляске по парку, фотографировать, покупать игрушки. А он, Ванька Лыткин, будет лежать в земле. Чудовищная несправедливость! От этой мысли несчастная голова взорвалась новым приступом ослепляющей боли. Вскрикнув, Ванька, не разбирая дороги, бросился вперед, к бетонному забору, где под метровым слоем снега скрывался лаз наружу, хорошо известный всем солдатам.

Ключи от машины, разумеется, пропали. Вместе с телефоном. Только что лежали на полочке в прихожей, и словно корова языком слизнула. Алексей задумчиво почесал затылок, в третий раз выдвинул ящик тумбочки, чтобы удостовериться, что ключей и телефона там нет. И снова пропажа не обнаружилась. Пока он будет искать ключи, город завязнет в пробках, а Ольга придет в бешенство, начнет названивать и говорить гадости своим хорошо поставленным голосом. Алексей, естественно, ответит. В результате весь день от обоих будут лететь искры, и, бог знает, чем все закончится...

Кстати, хорошая мысль насчет звонка...

— Лика, набери меня, — попросил он. — Телефон куда-то засунул...

Анжелика сидела на краешке кухонного стола и старательно дула губы, всем своим видом показывая, как она недовольна происходящим, ненавязчиво демонстрируя при этом и длину умопомрачительных ног, и волнующий вырез шелкового халатика. В свое время Алексей на это и повелся, заглотнул приманку, глазом не моргнув. А что было делать, когда от тоски хотелось лезть на стену, и только работа худо-бедно заставляла отвлекаться.

Именно там, на работе, он встретил Анжелику, явившуюся в отдел кадров наниматься секретаршей. Белокурое чудо с порога ослепило улыбкой, надеясь, что руководство компании это оценит. Так и произошло.

Конечно, Анжелика рассчитывала, что и теперь Алексей оценит ее очарование и останется. И вообще, что это за мода оставлять молодую красивую девушку в квартире одну и мчаться в другой город, да еще в компании с бывшей женой?

— Леш, а, может, ты все-таки не поедешь? — капризно проговорила она. — Ну, в самом деле, что за срочность?

— Лика, где твоя мобила? Набери меня, я ж просил! — произнес Алексей, не поворачиваясь и старательно не замечая выставленной напоказ неземной красоты.

— Леш, туда ведь можно в любое другое время поехать, верно? Почему именно сегодня? Девочки придут со своими кавалерами, а я опять одна, да?

Настырность Анжелики его часто раздражала, как, впрочем, и ее претенциозное имя. Алексей всегда называл любовницу исключительно Ликой, поскольку маркизу ангелов из саги супругов Голон он в ней решительно не видел, а имя Анжела ассоциировалась у него с дебелий лошадей из старого детского мультфильма. В постели Лика была хороша, ничего не скажешь, правда, от ее активности Алексея часто «укачивало». Но когда тебе под сорок, а твоей партнерше едва двадцать, приходится делать усилия над собой, чтобы «соответствовать».

Он старательно соответствовал. Но старая рана под сердцем, двойной удар отравленного клинка, все не затягивалась, и никакие ухищрения любовницы не могли ему помочь.

Первый удар нанесла судьба. Второй — жена. Когда-то любимая до невозможности, а теперь чужая, озлобившаяся и дикая. Их общий и теперь уже мертвый сын когда-то придумал крайнюю степень невозможности.

— Очень сильно невозможно, — говорил он, закатывая лисьи глаза, и залиvisto хохотал.

И вот теперь жена «очень сильно невозможно» ненавидела Алексея.

Первые месяцы после потери оба, отупев от горя, еще как-то могли находиться рядом друг с другом, хотя в общей постели откатывались к краям, стараясь не прикасаться к враждебной территории, а потом нарыв прорвался. Что происходило тогда, Алексей вспоминать не любил, но и забыть никак не получалось.

Наверное, виной стал разговор, во время которого жена ровным тоном сказала нечто ужасное, и он, не дождавшись, пока она закончит фразу, ударил ее по лицу, да так, что едва не свалил на пол. Держась рукой за пылающую щеку и неприятно клопоча горлом, Ольга смеялась до тех пор, пока Алексей в бешенстве не выбежал прочь.

Самое ужасное — он знал, что жена лжет, а выплеснутые ему в лицо слова по определению не могут быть правдой, ведь он разговаривал с врачами. Тем не менее, не мог ни простить, ни забыть, и, вероятно, именно тогда зародился этот пульсирующий ком неприязни и желание поставить точку.

Ее поставила Ольга.

Однажды, придя домой, Алексей споткнулся о непонятный ком тряпья, бросился вперед, думая, что в квартире воры, и обнаружил жену, которая с остервенением выкидывала из шкафов вещи, не заботясь о том, что от резких движений трещат швы и отлетают пуговицы. Ольга исподлобья взглянула на мужа и одним движением сбросила с полки его майки, сложенные аккуратной стопочкой.

— Я тебя ненавижу! — сказала тогда она. — Господи, как же я тебя ненавижу!

Алексей тупо смотрел на кучу барахла и думал: куда деться, к кому идти? Но оказалось, что жена не выставляла его, а уходила сама. Алексей целых пять минут стоял у окна, наблюдая, как Ольга перетаскивает свой скарб в такси, но так и не вышел помочь.

Они подали на развод, однако в день суда почему-то синхронно не явились на заседание, словно страхась разрубить последнюю связывающую их ниточку. Не сговариваясь, переехали в соседний город. А потом снова настал февраль, и кто-то из них — Алексей не помнил, кто именно, — стал инициатором поездки на родину, к серой плите с мальчишеским фото в круглой виньетке.

Сегодняшняя поездка должна была стать третьей по счету...

— Леш, а давай вместе поедем? — предложила вдруг Лика, и он тут же насторожился:

— С чего вдруг?

— А что такого? У нас, в конце концов, серьезные отношения. И я вполне понимаю, что ты чувствуешь.

— Лика, ты не можешь меня понять, потому давай эту тему больше не поднимать, хорошо? Ты наберешь меня, наконец?

— Хочешь сказать, я такая бессердечная? — возмутилась она. — Ты вспомни, как я рыдала, когда сдох Пуся.

Алексей вздохнул и, не разуваясь, прошел в гостиную, взял трубку городского телефона и набрал номер своего мобильного. Вскоре из прихожей послышалось знакомое пиликанье, приглушенное, но отчетливое. Лика вышла из кухни и встала на пороге, хмуря брови. Алексей мягко отодвинул ее в сторону.

Пуся... Нашла с чем сравнить.

Как только Анжелика переехала к нему, она притащила с собой клетку с уморительным, но невероятно вонючим хомяком, практически без останки крутившимся в своем пластмассовом колесе. Пуся принимался терзать прутья клетки с раннего утра, требуя еды, и частенько заниматься им приходилось именно Алексею. Прожив в новом доме около полугода, хомяк скончался, и Анжелика тогда действительно проплакала несколько

часов, а потом хотела пулей лететь в зоомагазин за другим питомцем, но Алексей решительно воспротивился.

Держа в руках трубку, он обшарил взглядом прихожую. Откуда доносится звук?

Телефон вместе с ключами обнаружился в кармане Ликиной курточки. Алексей мог дать голову на отсечение, что сам он даже вдребезги пьяный не засунул бы ключи от машины в ее куртку. Лика наблюдала за ним с невинным лицом.

— Леш, пойми, это неправильно. У тебя тяжелая ситуация. И вообще, все эти поездки с твоей бывшей... Ты всегда возвращаешься злым, усталым, не обращаешь на меня никакого внимания. Я думаю, что дружеское плечо в такой день совсем не повредит. Во всяком случае, она не станет на тебя нападать в моем присутствии.

— Она на меня и так не нападает, — холодно проговорил Алексей, безотчетно защищая бывшую.

— Да ла-адно? Так уж и не нападает? — скривившись, протянула Лика и даже одну бровь приподняла.

— Вот тебе и ладно.

— А почему ты тогда возвращаешься аж зеленый от злости?

— Лика, чего ты добиваешься, а? — раздраженно спросил Алексей. — Чтобы я никуда не поехал? Или чтобы взял тебя с собой и потом всю дорогу разнимал двух бешеных кошек? Я что, плохо тебя знаю? Если вас свести вместе, пыль до потолка полетит. Ты же непременно скажешь какую-нибудь гадость.

— Конечно, скажу, — не моргнув глазом, ответила Лика с неким самодовольством. — Например, что ей давным-давно пора дать тебе развод. А тебе — давно его попросить. Но ты же, блин, такой у нас деликатный!

— Перестань!

— Что перестать? Между прочим, ты тоже потерял ребенка. Но разве она это понимает? Нет, она думает только о себе и не хочет тебя отпустить. Вцепилась, как бультерьер, и держит.

— Никто меня не держит, просто не было случая поговорить.

— Ну, так поговори сегодня! — запальчиво выкрикнула Лика. — Докажи, что ты мужик, в конце концов! Или тебе слабо? Тогда я поговорю.

От ее тона явственно веяло угрозой, но Алексею было наплевать. Он торопливо натянул короткую дубленку, похлопал себя по карманам, проверяя, не оставил ли ключи на этот раз, и, притянув Лику к себе, чмокнул в тугую щеку:

— Все, малыш, я помчался.

— Давай-давай, — презрительно бросила Лика. — Не удивляйся, если к твоему возвращению меня тут не будет.

— Не выдумывай!

— Я и не выдумываю. Я сказала, ты услышал.

— Вот и не выдумывай. Приеду — поговорим, обещаю, — строго произнес Алексей и на секунду замер у двери, ожидая, что она все же подойдет и поцелует его на прощание. Но Лика не сдвинулась с места. Едва заметно вздохнув, Алексей вышел из квартиры, чувствуя, как ноет в животе от нехорошего предчувствия.

От злости Лике хотелось кричать, но она молча стояла у двери еще пару минут, сохраняя на лице приятную улыбку, и только когда во дворе зафырчала отъезжающая машина, с силой пнула пуфик и направилась в гостиную. Там она забралась на диван с ногами и, прикрыв их скомканным пледом, мрачно уставилась в пустой экран телевизора.

Все шло совсем не так. Не по плану. А планы у Лики всегда были наполеоновскими.

Она родилась в маленьком райцентре и, едва окончив школу, бросила опостылевший дом с огородом в шесть соток и мальвами в палисаднике. Без всякого сожаления рассталась с кавалером в спортивных штанах, сплевывающим через щербину в зубах и посасывающим пиво из банки. С кавалером Лика таскалась, скорее, от безысходности, потому что лучшего варианта все равно не было. Они совершенно друг другу не подходили. Слишком уж простецким был парень рядом с ней, утонченной, изящной, как ей нравилось о себе думать.

Родители, провожая чадо в большой мир, снабдили ее всем лучшим, что имелось в доме, надеясь, что дочь оправдает их надежды и поступит, скажем, в аграрный техникум, а потом вернется в родной городок большим специалистом.

У Лики хватило ума не посвящать близких в свои планы. В них не было места ни техникуму, ни длительной учебе, ни, тем более, серьезной работе. Потому, проскакав на кочках в желтом автобусе три часа, Лика приехала в областной центр, вместе с парой подружек сняла убогую комнатку и пошла на курсы секретарш, справедливо рассудив, что кукольная внешность поможет ей пробиться в жестоком мире мужчин.

В глубине души она себя считала даже не Золушкой, приехавшей покорять крупный город, а одной из фей, воздушных, утонченных. Феи, как известно, всю работу выполняют по мановению волшебной палочки, а потом летят по своим делам: пить нектар из цветов и танцевать под радугой.

Странно, но мечты осуществлялись туго. Мужчины порхали вокруг жирными мотыльками, но никто не предлагал ничего лучше одноразовой встречи в ресторане со всеми вытекающими последствиями.

Знакомство с Алексеем было почти волшебством. Лика серьезно думала, что выиграла в лотерею. Еще не старый, приятный мужчина с жестким лицом и хищным взглядом легко купился на ее чары, и спустя каких-то десять дней Лика бросила только что приобретенную работу и переехала к боссу в качестве спутницы жизни. Теперь она могла позволить себе смотреть на подружек свысока и небрежно хвастаться новым шмотьем, украшениями и поездками за границу.

Первые полгода было именно так, а потом волшебная палочка феи дала сбой.

Выяснилось, что принц много и тяжело работает, а после трудового дня хочет полежать на диване и, что самое ужасное, — пожрать. Причем не изысканные роллы или суши, которые Лика весело заказывала в ресторанах, а прозаический борщ, вульгарные жирные котлеты, а еще лучше — жареные ребрышки. Нанимать кухарку Алексей не собирался и преспокойно возложил обязанности по готовке на любовницу.

Как большинство современных девушек, воспитанных реалити-шоу, советами матерых хищниц, регулярно печатающихся в глянце, она думала, что может легко переделать мужика «под себя». Стервы из журналов наперебой утверждали: мужчина по своей сути примитивен, как младенец, и сделает все, стоит показать ему грудь. А уж потом из этого материала можно лепить что угодно, хоть вазу, хоть горшок.

Она следовала советам, но «материал» становился все черствее и черствее, и лепить из него почему-то не получалось. В последнее время Алексей вообще сильно уставал, возвращался с мешками под глазами, и Лика сокрушенно думала, что это пришла старость.

— Лешик, как ты вообще можешь это хотеть? — ужасалась она, когда разговор заходил о котлетах, а потом, подкатившись ему под бочок, вкрадчиво добавляла: — Хочешь, я роллы закажу? Или, может, сходим в ресторан? Мне Машка говорила, на Ермака открылся шикарный кабак. Даже лебеди плавают. Давай сходим, Леш? Поужинаем, а потом дома будет все, как ты любишь...

— Иди ты в пень! — невежливо ответил Алексей, не реагируя на ее тон. — Я сегодня весь день на стройке проторчал не для того, чтобы срываться и куда-то ехать. Ты можешь понять, что я устал, я хочу жрать, а потом я буду спать, потому что завтра мне вставать в пять утра и тащиться в аэропорт.

— Но, Леш, я же рассчитывала, что мы куда-то поедem, — обиженно всхлипывала Лика. — Мы и так нигде не бываем. Ты не понимаешь, как мне тоскливо сидеть и ждать, пока на твоей долбаной стройке закончатся все дела?

— Я на этой долбаной стройке работаю, — ехидно ответил Алексей, — чтобы ты могла время от времени покупать себе всякую хрень. А если тебе скучно, иди работать. И вообще, мне дадут в этом доме пожрать или нет?

— Я тебе не служанка. Хочешь есть — сам и готовь, — гордо ответила сквозь всхлипы Лика.

Как-то Алексей взял Ликю с собой на новогоднюю корпоративную вечеринку. Когда он уже изрядно выпил, она случайно подслушала его разговор со своим заместителем и другом Виктором Зуевым. Они обсуждали ее, и в голосе любовника не было ни одной восхищенной ноты.

— Я, конечно, понимаю, что она старается, но как можно быть такой неумехой? Она ведь почти деревенская, от сохи... Ольга, бывало, с закрытыми глазами могла три блюда сразу приготовить, на автопилоте, и еще при этом консультации по телефону раздавать, помнишь?

То, что она, оказывается, от сохи, Лике не понравилось, поскольку она всеми силами старалась искоренить свое пролетарское происхождение. Скрытая высокой колонной, она прокралась ближе и прислушалась.

— Помню, Лех, — с горечью произнес Виктор. — Я все помню. Пирог ее эти... Моя Алка как ни пытается, не может таких сделать, чтоб во рту таяли...

— Куда все делось, Вить? — глухо спросил Алексей. — Это ведь кошмар какой-то, жить и все время сравнивать, правда? Скажи, кошмар, да? Виктор благоразумно промолчал.

Сравнений с бывшей Лика не терпела, а ее саму ненавидела всеми фибрами души, и не только потому, что Ольга постоянно маячила на горизонте черной тучей. Через несколько недель Лика исполнила свое желание отомстить, но, к ее величайшему огорчению, сделать это чисто не получилось. И теперь бывшая жена Алексея знала то, чего знать не должна, и в любой момент все могло выползти наружу гремучей змеей, погубив надежды на счастливую жизнь.

По казарме в дикой панике носились ротный писарь и старшина, в то время как командир роты отдувался в штабе «на ковре» у комбрига. Шутка ли! С поста сбежал солдат, да не просто так, а с оружием и боекомплектom. До этого «на ковре» уже побывали начальник караула, дежурный по части и весь состав срочников, дежуривших вместе с рядовым Лыткиным.

Особисты, надзиравшие за обыском в казарме, мрачно рассматривали, едва ли не обнюхивали, каждую вещь дезертира, заглянув даже в футляр с зубной щеткой. Наконец старший, Андрей Волин, затянутый в камуфляж без знаков отличия, вошел в канцелярию и спросил у перепуганного писаря:

— Лыткин ваш давно письма из дома получал?

Худой, бледный, с запавшими глазами писарь вытащил из ящика расшатанного стола тощую тетрадку, быстро пролистал несколько разлинованных страниц, а потом, ведя грязным пальцем по строке, ответил:

— Давно. Последнее письмо датируется сентябрем. А, вот еще... Но это не письмо, а посылка. Да, точно, я помню, как включал его в список выходящих за пределы части. Но это тоже давно было, в октябре.

— Посылка? — заинтересовался Волин. — А где ее вскрывали? Здесь или на почте?

— Здесь, конечно. Они с дежурным ходили, тем еще жучарой... В смысле, при нем лучше было не вскрывать, как пить дать, переполовинил бы.

— Список полученного есть?

— Не, — помотал головой парень. — Мы это не фиксируем.

— А посылки вскрывают в присутствии офицера?

— Да когда как, — ответил солдатик. — Если офицер на месте, то при нем, ну а если нету, значит, сами по себе.

— Тогда как было?

Писарь наморщил лоб, сдвинул на лоб форменную шапку и, почесав от усердия затылок, закатил глаза кверху:

— Вообще, если я правильно помню, посылку тогда тут вскрывали, на моих глазах. Да, точно, старшина проверял... Позвать?

— Зови, — хмуро приказал Волин и отвернулся к окну.

Поясницу ломило, и спать хотелось невыносимо, верный признак повысившегося давления. Значит, скоро погода испортится. Организм всегда так реагировал на резкие перепады температуры или снегопад, что в феврале было делом привычным. Не сбеги из части этот урод Лыткин, Волин сейчас заперся бы в своем кабинете и продремал до обеда, а потом с чистой совестью пошел бы в служебную квартиру, наказав дежурному отвечать «Товарищ майор где-то на территории», завалился на диван и остаток дня пялился бы в телевизор.

В канцелярию в сопровождении писаря вошел старшина, кряжистый мужик с красным лицом алкоголика, явно с похмелья, бросающий на своего подчиненного злобные взгляды, но Волин не обратил на это никакого внимания.

— Вы посылку Лыткина вскрывали? — спросил он.

— Вроде бы...

— Так вроде бы или вскрывали?

— Ну, вскрывал. Так это когда было!

— Что ему прислали?

— Да не помню я. — раздражено пожал плечами старшина. — Наверное, ничего такого. Водки точно не было, иначе я бы отобрал и запомнил это... Вадька, что в посылке лежало?

— Жратва какая-то точно, — ответил писарь. — Кажется, еще носки шерстяные, сигареты... Но ничего такого... А, мобильник был. У него в учебке старый мобильник тиснули, ну, мать новый и прислала.

— Номер знаешь?

— Нет, но могу спросить. Кто-то из пацанов звонил по его сотовому, так что наверняка помнят.

— Давай, пулей! — гаркнул особист, и писаря тут же вынесло за дверь.

Старшина недоверчиво посмотрел на Волина, а потом, нервно кашлянув, спросил:

— Что, пока никаких следов?

— Да где там... В поселке вашего бегуна не видели, на станции тоже. Может, прячется где-то на дачах или добрался до трассы и уехал на попутке.

— Кто бы его подобрал среди ночи?

— Кто угодно. У него четыре рожка с патронами. Остановил любую машину и укатил. А потом еще водителя грохнул. У него права были?

— Не знаю, — нервно ответил старшина. — Надо у Вадьки спросить. У него все записано.

— Ты, блин, старшина или хрен с горы, а? — не сдержался Волин. — Что ты вообще знаешь? У тебя солдат сбежал с полным боекомплектом! Какого хрена этот Лыткин вообще деру дал? Что он из себя представлял? Ты хоть это знаешь?

— Да ничего он из себя не представлял! — заорал старшина. — Обычный парень. Такой же, как все! У меня их вон, сто пятьдесят человек, и каждые полгода новые. Мне всем в душу, что ли, заглядывать?

— Хорошо бы. Потому что завтра этот обычный парень в прохожих начнет палить, а послезавтра ты без погон останешься, а то и под суд пойдешь.

— Ты меня не пугай! Поду-умаешь, сбежал один... Я-то тут при чем?

— Ни при чем... Где там твой писарь бродит? Время идет, надо торопиться, пока этот Лыткин дел не натворил... И хорошо бы найти его сегодня, потому как, если он пошел через лес, то, скорее всего, живым мы его уже не увидим.

— Почему?

— Потому. Штормовое объявили.

Бывший муж опоздал и, когда Ольга, наконец, дождалась его звонка и спустилась вниз, посмотрел на нее так, словно это она пришла не вовремя.

Против воли почувствовав себя виноватой, Ольга вспыхнула от раздражения, но не стала ничего говорить и полезла в машину. Глядя, как она устраивается на переднем сиденье, Алексей дернул бровями. После смерти сына Ольга, если и случалось куда-то ехать вместе, никогда не садилась рядом с ним, даже когда приходилось путешествовать в компании, и на заднем сиденье было неудобно. Не садилась, и все тут, однажды даже попросила Виктора поменяться с ней местами.

Когда она, наконец, устроилась в кресле, Алексей с ходу брякнул, не подумав:

— Хорошо выглядишь сегодня.

— Спасибо, ты тоже, — автоматически ответила Ольга, а потом добавила: — Не возражаешь, если я буду читать?

Это была вторая неожиданность.

Два прошлых раза Ольга лишь тупо смотрела в окно, молчала и, если отвечала на какую-то реплику, то исключительно сквозь зубы. А сейчас, выудив из сумки планшетный компьютер, она вопросительно смотрела на Алексея, будто от согласия или несогласия бывшего мужа зависела ее судьба.

То, что бывшая жена попросила у него разрешения, казалось чем-то из ряда вон выходящим.

Алексей дипломатично пожал плечами, но ответил довольно холодно:

— Читай на здоровье, что я, дорогу не знаю? Не в первый же раз едем.

Ольга уткнулась в свой планшет и замолчала, а у него почему-то моментально испортилось настроение. Глядя, как она нервно елозит пальцем по дисплею, хмурится и бросает быстрые взгляды на дорогу, Алексей понимал, что до скандала рукой подать. Даже бриллианты на ее пальцах светились агрессивно, словно глаза злобных кошек. Атмосфера в салоне была просто грозовой. Чтобы разрядить ее, Алексей потыкал в кнопки магнитолы, и та моментально выдала оглушительный вой. Ольга поморщилась, но глаз от планшета не подняла.

— Тебе музыка не мешает? — спросил он.

— Нет.

— Я могу выключить.

— Да пусть играет.

Дорога на выезде из города была отвратительной. Машину занесло на повороте, и Алексей ожесточенно закрутил руль, едва не впечатавшись в сугроб. Ольга вцепилась в ручку и, со злостью посмотрев на него, прошипела:

— Куда ты так летишь? Мало тебе было?..

— Ты хоть под руку не лезь, — сердито бросил он. — Видишь — лед сплошной. Дурацкая это была затея, ехать...

Алексей тут же пожалел, что сказал то, о чем давно думал, и Ольга сразу тяжело и прерывисто задышала, как будто он ее ударил под дых.

— Я тебя об этом не просила. Могла бы и на поезде добраться или на автобусе. А ты мог бы сидеть дома со своей ненаглядной... Как, кстати, поживает наша молодуха? Всем довольна?

— Не жалуется, — хмуро ответил Алексей, а она ядовито констатировала:

— Кто бы сомневался.

— Кстати, нам бы поговорить кое о чем важном, — как бы небрежно произнес он. — Не самый удачный момент, конечно, но, в принципе, какая разница? Не ехать же к тебе, в самом деле, из-за всего этого...

— Я вся во внимании, — ответила Ольга и положила планшет на колени.

— Знаешь, так дальше не может продолжаться, — выдавил из себя Алексей.

— Как?

— Так. Возможно, тебе это неприятно, но мы должны друг друга освободить. У меня другая жизнь и... все такое. Оль, нам надо развестись официально.

— Почему ты считаешь, что мне это будет неприятно? Хочешь развестись? Давай, действительно, чего тянуть? Как вернемся, сразу сходим, — согласно кивнула Ольга и снова уставилась в планшет.

Алексей искоса наблюдал за женой, отметив, что она ни разу не перевернула виртуальную страницу, а ее взгляд неотрывно устремлен в одну точку.

На кладбище, естественно, не было ни души. Дорогу замело, и после безуспешных попыток добраться до места с комфортом они бросили машину в сугробе и пошли пешком, по колена в снегу. Ольга брела впереди в своих высоких сапогах, слишком тонких для таких прогулок. Алексей даже привычно рассердился и собрался отругать ее — сейчас промочит ноги и простудится, а ей еще на лекции ехать, — но тут же оборвал нелепые мысли: теперь это его не касается. Они — чужие люди, которые скоро разведутся и будут жить каждый сам по себе. Скорее всего, эта совместная поездка на кладбище тоже последняя. В следующем году они приедут порознь...

У могилы Ольга притихла. Пока он прихваченной из машины щеткой сметал снег с невысокого холмика и скамейки, она начала протирать тряпкой камень, особенно тщательно водя по застывшей в мраморе детской рожице. Смахнув покрасневшей от холода рукой слезинку, разложила на могилке конфеты, игрушечные автомобильчики, потом вынула из сумки маленькую лампаду, зажгла свечу, придвинув ее поближе к камню, и только после этого уселась на холодную скамью. Алексей продолжал стоять, оглядываясь по сторонам.

— Кто теперь этими машинками играет? — глухо спросила она.

— Что?

— Каждый год по два раза привожу сюда машинки. А приезжаю — нету. Кто-то ведь их собирает.

— Бомжи кладбищенские, кто ж еще.

— Да понятно. Просто грех ведь с кладбища что-то брать и домой уносить.

— Так они не домой, — раздраженно сказал Алексей. — Ты же сюда каждый раз полмагазина притаскиваешь. Вот они потом соберут — и на сивуху поменяют.

— Все равно грех. И не к добру это.

— К добру, не к добру... Чего ты тут рассуждать вздумала? Если не нравится, что машинки забирают, — не привози. Толку-то в этом все равно никакого...

— А мне так легче. Знаешь, как в Ирландии. Там жители выставляют молоко на крыльцо, чтобы умилостивить лепреконов или гномов каких... Если утром блюдце пустое, значит, гномы довольны. Я сюда приезжаю и, когда вижу, что машинок нет, думаю: ну, наверное, он взял, играет там...

Теперь Алексею стало по-настоящему плохо. Горе, затаившееся внутри, прыгнуло, раздирая когтями сердце. Он отвернулся, делая вид, что поправляет замок на сапогах, а потом незаметно взял пригоршню снега и сунул в рот.

Зубы моментально свело от холода, и это его отрезвило.

— Оль, поедем, погода что-то портится.

Ольга послушно встала, наклонилась к камню, поцеловала холодное мертвое лицо и побрела к машине. Алексей последовал за ней.

Всю обратную дорогу оба мрачно молчали, думая каждый о своем. Ольга даже не пыталась читать, смотрела в окно на пролетавшие мимо дома, заправки и магазины. Планшетник так и остался в сумке.

Недалеко от выезда из города Алексей свернул к небольшому придорожному кафе.

— Ты вроде бы торопился, — равнодушно произнесла жена.

— Поесть надо, — хмуро проговорил он, припомнив съеденные несколько часов назад бутерброды. В животе было тяжело от притаившегося горя, которое просто необходимо залить чем-то горячим. И хорошо бы водкой, но нельзя, ехать еще больше пяти часов...

— Я не хочу, — строптиво ответила Ольга.

— Зато я хочу. Можешь в машине посидеть, не обижусь. Сортиров, кстати, по дороге уже не встретится.

Припарковавшись у кафе, он вышел, не оглядываясь, будучи уверен: она не останется в машине и пойдет следом.

Ага!

Дверь хлопнула. Пошла все-таки. Не поворачиваясь, он вытянул руку и нажал на кнопку включения сигнализации.

В кафе было пусто, темно, из динамиков лился страдающий голос кумира восьмидесятых, который заунывно мечтал о некоей женщине. Выбрав столик подальше от колонок, Алексей скинул дубленку и уселся, не дожидаясь, пока к нему присоединится Ольга. Она подошла, бросила на стул шубку, поставила сумку и отправилась в туалет. Вернулась довольно быстро и тут же принялась брезгливо вытирать руки салфетками.

Толстая официантка выплыла из глубины зала, небрежно положила на стол запаянное в пленку меню и удалилась, без особого интереса наблюдая за ними из-за стойки.

Выбор был небогатым. Из горячего имелся лагман и плов. Не сговариваясь, они заказали первое, а потом синхронно отвернулись, стараясь не смотреть друг на друга. Ольга, уставившись в стену, бездумно вертела на пальце кольцо.

— Я, наверное, к тебе завтра приеду, — сказал Алексей. — Часов в десять. Дома будешь?

— Да. А зачем?

— Затем. Мы вообще-то на развод собрались подавать, или ты забыла уже?

— Нет, — усмехнулась Ольга. — Интересно просто.

— Что тебе интересно?

— Ну... Три года жил, не парился, а сейчас вдруг приспичило. С чего бы это?

— Тебе какое дело? — обозлился Алексей. — Или ревнуешь?

— Конечно, — фыркнула она. — Мне же абсолютно нечего больше делать.

Официантка поставила перед ними плохо разогретый лагман, чай и пару булочек. Ольга поковыряла в тарелке вилкой и вдруг рассмеялась.

— Чего ржешь? — буркнул Алексей.

— Да так... Представила, как ты ей сообщишь о нашем разводе, а она тут же начнет обзванивать своих подружек: «Ниночка, ты щас умрешь! Тарасов бросил свою кикимору, и завтра мы улетаем в Гагры!» Хочешь в Гагры, Леша?

— Не хочу, — хмуро ответил он.

— А что так?

— Ничего. Отвяжись! Ешь свой лагман.

— Да не могу я эту дрянь есть.

— Ну, чай пей. Желательно молча, потому что разговаривать с тобой мне совершенно не хочется.

— И не разговаривай, — милостиво разрешила Ольга.

— Спасибо большое.

— Не за что. Кушайте. Не обляпайтесь.

Алексей швырнул вилку на стол и сдернул с вешалки дубленку.

— Все, поехали. Чем скорее вернемся, тем лучше для нас обоих будет.

— Чего это?

— Ничего. Бесишь ты меня. Того и гляди, не сдержусь... — процедил он и, не оборачиваясь, направился к выходу.

После того как автомобиль Алексея выехал со двора, Лика бросилась на диван, уткнулась лицом в подушки и разрыдалась. Ей казалось, что двери вот-вот откроются, и жестокий Тарасов увидит ее, несчастную, погладит по голове и страстным шепотом пообещает все, что угодно. Она еще пару минут старательно давила из себя слезы, но, поскольку двери так и не открылись, дальше страдать было уже глупо и бессмысленно, хотя жалеть себя Лика могла до бесконечности. Но ведь никто не оценит. Какая жалость!

По большому счету, Тарасов ей даже не особенно нравился. Слишком уж он был скучным, правильным и суровым, никогда не поддерживал ее планов, а если и снисходил до них, то всегда с таким кислым видом, словно лимонов наелся. Развлечений не признавал, на Мальдивы свозил лишь раз, да и то десять дней пролежал на пляже кверху животом, сытый и ленивый, словно тюлень. И вообще поездкам предпочитал дачу друзей, шашлыки, рыбалку и пиво — тот немудреный крестьянский запас удовольствий, который Лика презирала всей душой.

Ей хотелось совсем другого, но она терпела, причем только потому, что Алексей более-менее обеспечивал ей ту жизнь, к которой Лика стремилась. К тому же требовательная красавица очень надеялась, что, приобретя официальный статус мадам Тарасовой, получит то, чего ей так доставало: деньги и право голоса. И вот тогда весь мир падет к ее ногам. Что до Алексея с его скучной работой и такими же скучными друзьями, то пусть он делает, что хочет. На долю Лики удовольствий хватит.

Стоило ей подумать об удовольствиях, как телефон призывно зачирикал, замигал панелью. Услышав мелодию, она радостно улыбнулась, схватила трубку и произнесла томным голосом:

— Привет! А я только собиралась позвонить.

— Ну что, уехал Алексис? — хихикнул голос из динамика.

— Да, — фыркнула Лика. — С бывшей своей, как всегда. Скорбеть и плакать. Дурдом-веселка, не иначе.

— И как ты это терпишь? — вздохнул голос.

— Из последних сил, — рассмеялась Лика. — Хотя, не будь тебя, я бы давно сорвалась и высказала все, что думаю и о нем, и об этой чертовой монашке.

— Встретимся сегодня?

— Конечно.

— Как обычно, у тебя?

— Естественно. У тебя-то, как всегда, полон дом. К тому же мне не хочется спешки. До вечера его точно не будет, так что мы можем себе позволить не париться.

— Тогда я выезжаю, — обрадовался голос, а потом добавил с ядовитым смешком: — Бедный Алексис, бедный-бедный лошара Алексис!

Первое время Ванька бежал со всех ног, толком не соображая, что делает и куда несется. Остановился, только когда в боку закололо, а, остановившись, огляделся.

Вокруг было темно и страшно.

Забор воинской части остался далеко позади, за лесом, отгораживающим ее от железной дороги и поселка. Где-то там, за мрачными елками, стуча колесами, шли поезда. Ванька, тяжело дыша, согнулся пополам, упершись ладонями в колени.

И что делать дальше? Бежать? Или все-таки вернуться, пока не хватились? А может, его уже разыскивают?

В первую очередь, конечно, обшарят караулку, хотя там все на виду, но мысль, что вооруженный солдат дернул через забор, вряд ли придет в голову сразу. Будут искать в казарме, затем по окрестностям и только потом заметят цепочку следов, ведущих к дыре в заборе. Хотя, может, и не заметят. В самоволку ходило много народа, иной раз и сами прапора с офицерами, лентясь прогуляться до проходной, вылезали наружу через дыру. Но, так или иначе, к утру поднимется переполох, а до него — Ванька вытянул руку и, с трудом отогнув плотный рукав тулупа, поглядел на часы, вшитые в самодельный камуфляжный ремень на липучке, — всего ничего, каких-то три часа. И тогда начнется...

Вернуться или нет?

Деревья все качались на ветру, как привидения. Ваньке было страшно и жарко. Тулуп не предназначен для бега, как и длинные валенки, но, по крайней мере, в них не холодно. Утерев ледяной пот со лба, он затравлено оглянулся назад. Не возьми он с собой автомат, вернуться можно было бы без потерь. Подумаешь, самоход. Можно было оправдаться желанием купить в ларьке на станции сигарет. Автомат — это статья, трибунал и срок.

Ах, Анька, Анька, все из-за тебя!..

Ваньке вдруг показалось, что со стороны части доносится какой-то глухой шум, и он в панике прыснул в сторону, как заяц, потерял равновесие и упал в сугроб, выронив автомат. Замерев, вытянул шею, вглядываясь в чернильную тьму.

Показалось?

Вытащив автомат, он поднялся, отряхнул снег и, решительно закинув оружие на плечо, зашагал прочь от части. Какая теперь разница? Все равно трибунал. Надо убраться как можно дальше. Дойдя до шоссе, перерезавшего тропинку к станции, Ванька остановился и задумался. Сюда побегут первым делом. Укрыться негде, на станции даже здания вокзала нет, простой перрон. Кабы не зима, можно было б отсидеться в кустах, дожидаться электрички, но первая придет только в шесть, а с утра там уже примется снова патруль, разыскивая дезертира. А еще эта одежда... Все сразу вспомнят солдата в тулупе, да и автомат деть некуда.

До соседнего поселка он дошел как раз к утру, то и дело поправляя ремень автомата на плече. Ствол, стоило ускорить шаг, ощутимо долбил по спине, но едва парень притормаживал, как паника начинала душить его спазмами. Впереди уже то тут, то там загорались окна. Люди просыпались, готовясь идти на работу. Ванька остановился на дороге и заплакал.

И что? Куда теперь?

В казарме скоро проснутся пацаны под крик дневального, а потом выбегут на зарядку. Три круга по стадиону и обратно, потому что по графику их рота первой идет на завтрак. А там дадут кашу, если повезет, то рис или гречку, а еще хлеб, ломтик черного и ломтик батона с толстой таблеткой масла, и жиденький чаек.

«Хорошо им!» — с ненавистью подумал Ванька.

Впереди вдруг мигнули яркие фары. Машина, подпрыгивая на ухабах, неслась ему навстречу. Он всхлипнул, вытер лицо обледенелой рукавицей и, сдернув с плеча автомат, вышел прямо на дорогу.

Ванька был готов увидеть целую колонну, снаряженную комбригом, вооруженных, опасных, безжалостных людей, и, чувствуя, как сковало от ужаса сердце, приготовился стрелять, хотя не видел в этом ни малейшего смысла. Без трупов, без пальбы, с полным боекомплектом, он еще мог сдаться, но от паники Ванька совершенно не мог соображать. В голове крутилось дикое желание поднять ствол и выпустить весь рожок в приближающихся охотников. Однако он быстро понял по свету фар, что к нему едет не армейский грузовик, а легковая машина.

Автомобиль, завивая от бровки к бровке, остановился в десяти метрах. Не опуская оружия, Ванька подошел ближе. За рулем сидел мужчина забитого, интеллигентного вида, лет тридцати пяти, тощий, бледный, в пло-

хонькой куртке и косо сидящих на носу очках. Ванька тихо постучал стволом по стеклу, и водитель начал его торопливо опускать.

— Что-то случилось, да? — нервно спросил он срывающимся на писк голосом. — Учения, да? Вам права показать, да?

— Да, да, — зло бросил Ванька. — Балда! Куда едем?

От сурового тона водителя перекосило, и он, пугливо косясь на маячивший перед ним ствол, начал заикаться и блеять что-то невразумительное, но слушать это было некогда. Ванька отступил назад и подергал ручку задней двери. Та оказалась заперта.

— Дверь открой! — сухо велел он.

— Зачем? — икнув, спросил водитель.

— Затем. Досмотр машины. Открыл, я сказал! Быстро!

Очкарик затрясся еще сильнее и начал мотать головой. Сообразил, видимо, что вовсе это не дорожный патруль, и осмотром тут не пахнет. Не дожидаясь, пока того захлестнет паника, Ванька ткнул его дулом автомата прямо в щеку:

— Ты, ушлепок, меня не слышишь? Я что сказал? Быстро дверь открыл! А то я сейчас тебе полбашки снесу!

Водитель неловко повернулся и вытянул вверх кнопку блокировки. Ванька открыл дверь и, неуклюже поднимая ноги в высоких валенках, с трудом втиснулся в машину. Негнувшийся тулуп и автомат очень мешали.

Все время, пока он, пыхтя, как Винни-Пух, устраивался у соседней двери, водитель сидел неподвижно, напряженно поглядывая на Ваньку в зеркало.

— Так куда ты едешь? — повторил тот свой вопрос.

— В Корнеевку, — дрожащим голосом сказал водитель. — Это тут, недалеко.

— Зачем?

— К теще. Болеет теща-то... Вот жена котлет наvertsела, лекарств набрала и отправила меня с утра пораньше, а то мне вечером в ночную...

— Значит, так: слушай новую установку, — решительно проговорил Ванька. — В Корнеевку мы не едем, а отправляемся в город.

— Как — в город? — испугался водитель.

— Так. Отвезешь меня, и потом можешь дуть на все четыре стороны, понял?

— А теща как же? Она болеет, и жена ей позвонила... Ждет ведь теща-то...

— Не сдохнет твоя теща. ЦУ получил? Вот и выполняй! И это... дай-ка сюда свой мобильничек.

Водитель трясущейся рукой вытащил из кармана телефон и тут же уронил его на пол. Видимо, направленное в затылок автоматное дуло бедного мужика невероятно нервировало. Вот лошара!

Получив телефон, Ванька сунул его в карман и приказал:

— Поехали! Чего стоим-то?

— А вы стрелять не будете?

— Ты меня не беси, тогда не буду. Давай-давай, время идет...

«Москвич» неохотно, рывком двинулся с места и, постепенно набирая скорость, поскакал вперед. Несколько минут водитель еще поглядывал на пассажира, но потом, слегка успокоившись, сосредоточился на дороге. Ванька тоже расслабился и даже автомат опустил. В воздухе витал густой мясной дух. В животе вдруг заурчало. Ванька вспомнил, что последний раз ел на ужине, в восемь вечера, и торопливо наклонился вперед. Увидев на переднем сиденье набитый пакет, быстро перетащил его к себе. Водитель дернулся, было, но все же благоразумно промолчал.

Полиэтиленовый мешок с лекарствами Ванька небрежно бросил обратно на сиденье, а вот пластиковый контейнер придвинул ближе и, нетерпеливо матерясь, стал отдирать тугую крышку. Сорвав ее, схватил большую, еще теплую котлету и с наслаждением откусил половину. Котлета провалилась внутрь, рухнув в желудок тяжелым комом. Застонав от удовольствия, он доел ее, и даже жирные пальцы облизал. Сидеть в тулупе было жарко. Аккуратно, готовый в любой момент вновь поднять автомат, Ванька вытащил руки из рукавов, и, сняв тяжелую овечью шкуру, остался в одной подстежке от бушлата. Под нервные взгляды водителя он съел еще две котлеты, а потом опять полез в пакет. На дне лежала початая бутылка недорогой водки, успевшей нагреться. Открутив крышку, он хлебнул прямо из горлышка, морщась от отвращения.

О, как шибануло! Ванька часто задышал, вытер рукавом выступившие слезы и торопливо откусил от последней котлеты, а потом снова отхлебнул из бутылки, чувствуя, как в животе разгорается подзабытое за полгода службы пламя.

— Вы бы не налегали так на водку, — нервно посоветовал вшивый интеллигентшишка, крутивший баранку.

— На дорогу смотри, чухан, — невежливо ответил Ванька. — А то щас как шмальну в затылок, и все, кабзда котенку!

От тепла и водки его разморило, потянуло в сон. Свернув тулуп пополам, Ванька притулил его к дверце и разлегся на сиденье, не забывая поглядывать на дорогу: а ну как объявится непредвиденный гаишник или, того хуже, — облава? Но дорога, петлявшая и словно придавленная лесом с двух сторон, была пуста. С темно-серых небес летел снег. «Москвич» покачивало, двигатель сыто урчал, и эти звуки и движения убаюкивали Ваньку. АКС в руках становился все тяжелее и тяжелее, как и веки, норовившие захлопнуться. Он изо всех сил таращил глаза, но все-таки задремал, уронив во сне автомат на пол.

Вдруг его словно накрыло, он вздрогнул и открыл глаза, не понимая, где находится.

«Москвич» не двигался, водительская дверь была распахнута настежь. Очкастого «ботана» за рулем не оказалось. Мотор не работал. Ванька подскочил и глянул на приборную доску, а потом, обнаружив, что ключей в замке зажигания нет, посмотрел сквозь лобовое стекло вперед.

Очкарик улепетывал так, что любо-дорого было глядеть. Ванька зло ухмыльнулся и даже хотел выйти, пальнуть вверх для острастки, а потом сквозь снежное марево увидел еще кое-что и матюгнулся сквозь зубы.

Водитель бежал не абы куда, а к вполне конкретной цели — к стоявшей у обочины патрульной машине. Расстояние между водителем и грядущими Ванькиными бедами неуклонно сокращалось. Схватив автомат, парень вывалился наружу и помчался в противоположную сторону, к ближайшему перекрестку. Выбрав направление наугад, он бежал, неуклюже перебирая ногами в огромных валенках, и, только скрывшись за голым кустарником, упал в снег, переводя дыхание. Сняв АКС с предохранителя, Ванька навел ствол на дорогу, с яростью подумав, что в машине остался тулуп, и если он не предпримет каких-то решительных действий, то его дальнейший путь будет очень недолгим.

Гаишник, закутанный по самые брови, тормознул их у выезда из города и решительно завернул обратно.

— Штормовое предупреждение, — сурово произнес он в ответ на ор выскочившего из «BMW» Алексея. — Никого из города не выпускаем.

— Да какое штормовое? — возмутился Алексей. — Подумаешь, снежок идет. Я же не пешком иду.

— Не положено, — возразил гаишник. — Переждать надо, пока буря пройдет. Ночью еще и мороз обещали. Так что, граждане, разворачивайте свою таратайку и обратно в город. Понятно вам?

— Понятно, командир, — кивнул Алексей, а потом, вкрадчиво добавив: — Может, перетрем? Мы реально торопимся. Вот так уехать надо... Давай договоримся, а? — многозначительно продемонстрировал открытый бумажник.

Гаишник опустил взгляд, оценивая толщину бумажника, а потом, подхватив Алексея под локоток, потащил его в сторону. Ольга проводила их взглядом и покачала головой.

— Конец света! — фыркнула Ольга.

Бывший муж вернулся через двадцать минут, злой, надутый, развернул машину и рванул обратно в город.

— Не договорился? — саркастически спросила она.

Алексей пробурчал что-то нечленораздельное.

— Что-что?

— Ничего. Достала ты меня за сегодняшний день! — рявкнул он. — Вы все меня достали!

— Смотрите, какой нежный! Ну, так отвези меня на вокзал, я поездом доберусь и освобожу тебя от своего присутствия, раз уже не вмоготу.

— А я? Тоже поездом? Прицеплю тачку впереди паровоза и — по рельсам?

— Да делай, что хочешь, — раздраженно отмахнулась Ольга. — Довези хотя бы до ближайшей остановки, я выйду и оставлю тебя в покое.

Вместо ответа Алексей вдруг резко свернул с дороги в узкий проулок, а потом и вовсе углубился в зону лесопосадок, отгораживающих город от шоссе.

— Ты что делаешь? — испугалась Ольга.

— Ничего. Я что, зря штраф заплатил? — ответил он. — Тут объездная дорога. Правда, далековато, но там точно никто не остановит. Уж лучше сегодня выбраться и покончить со всем раз и навсегда.

— Тарасов, не надо...

— Надо!

— Леш, когда ты в последний раз здесь ездил? Может, впереди вообще снегом все замечено.

— Нормальная там дорога. И снега немного, видишь, как все утрамбовано? Ездят люди. И мы проедем.

— Какие люди? Кто тут ездит?

Машину вдруг подбросило на ухабе и мотнуло в сторону. Ольга стукнулась головой о ручку над дверью и зашипела, как ошпаренная кошка:

— Слушай, я, правда, лучше выйду, а ты езжай, куда хочешь...

— Ты к лекциям, кажется, готовилась? Вот сиди и читай, не мешай машину вести, — отрезал Алексей. — Я не собираюсь тащиться через весь город на вокзал. Потратим на дорогу на час больше, но зато сегодня будем дома, а завтра избавим друг друга от проблем.

— Как ты себе это представляешь? Нас в один день не разведут.

— Разведут, — пообещал он зловещим голосом. — Я костями лягу, но сделаю это.

— Для молодухи своей стараешься?

— Не твое дело, для кого.

— Да ради бога, — усмехнулась Ольга и снова уткнулась в свой планшет. Алексей хмуро смотрел перед собой, сжимая руль.

Дорогу постепенно заметало, но для джипа это особой роли не играло. В сгущавшихся сумерках было плохо видно, куда следует ехать, но зажигать фары Алексей пока не стал, опасаясь, что машину заметят с шоссе, и, только миновав опасный участок, включил их.

Монотонность дороги начинала утомлять, а от тепла захотелось спать. Ольга уже откинулась на спинку кресла и дремала. Алексей приглушил звук. Лучи фар высвечивали снежинки, летевшие из черноты навстречу, разбиваясь о стекло. Он тоже стал клевать носом.

Вдруг из темноты вдруг выскочила смазанная туша и перепрыгнула дорогу прямо перед носом машины.

Мгновенно проснувшись, Алексей подскочил и отчаянно закрутил руль, стараясь не врезаться в нечто непонятное. Автомобиль занесло. Перелетев через невысокий холмик, джип ухнул в глубокую канаву. Ольга вскрикнула и уперлась руками в приборную доску. Лобовое стекло треснуло, но не разбилось, однако сквозь него ничего не было видно. Мотор, еще недавно сытно рычащий, смолк. Это было хуже всего.

— Живая? — спросил Алексей сиплым голосом.

— Господи, что случилось? — воскликнула Ольга и завертела головой, пытаясь разглядеть что-нибудь в темноте.

— Не знаю. Выскочило на дорогу что-то. Косуля, возможно, или лось. Приехали! — сквозь зубы процедил Алексей и раздраженно стукнул кулаками по рулю.

Дернув дверь, он вывалился в темнеющий холод, погрузившись в снег по пояс, и, щурясь от жалящих снежинок, задрал голову, стараясь разглядеть края оврага.

— Что там? — тут же спросила Ольга, высунувшись со своей стороны.

— Откуда я знаю? — злобно прокричал он. — Сейчас посмотрю.

— Тебе посветить?

Алексей не ответил и полез наверх, потом услышал, как хлопнула дверца, а затем ему в спину ударил мечущийся луч фонарика, в котором колотились снежные искры.

— Левее свети, — буркнул он.

Луч сместился влево.

— Так?

— Да.

Больше всего Алексея раздражало, что в эту ситуацию он попал из-за собственного упрямства, а еще, что рядом оказалась именно Ольга, на которую было бессмысленно орать, требуя, чтобы она «не путалась под ногами». Лица бы непременно стала прыгать рядом, дергать за рукав и канючить, что замерзла, боится и вообще... «Вообще» было всеобъемлющим, подразумевающим, что в конечном итоге свою промашку он должен как-то компенсировать. Ольга молчала, послушно освещала дорогу и, естественно, тревожась, тем не менее, старалась не подогревать его раздражение.

Луч фонарика вроде бы потускнел, а может, это только показалось. Алексей забрался наверх и обреченно присвистнул.

М-да. И как, позвольте узнать, отсюда выбираться?

Машина нырнула вниз метра на полтора, если верить глазам. Очень мешал снег, мелкие иглы которого неслись почти горизонтально. Оглянувшись назад, Алексей попытался рассмотреть за снежной пеленой огни шоссе или города, но ничего видно не было. Это сколько же они отмотали? Километров пятнадцать?

Он спустился вниз, утопая в снегу, отдал Ольге ключи, попробовал толкнуть машину в отчаянной и, в общем-то, бесперспективной надежде сдвинуть эту махину с места, и попросил:

— Попробуй завести!

Ольга перелезла на переднее сиденье, уронила ключи на пол и долго пыталась поднять их.

— Ну, что ты? — рявкнул Алексей. — Давай скорее! Не ночевать же нам тут! Заводи!

— Я завожу! — заорала она в ответ.

Автомобиль, его ненаглядный «BMW», верный и послушный, несколько раз слабо чихнул, а потом затих, на этот раз окончательно. Алексей еще с минуту подождал, надеясь, что любимый тупорылый зверь оживет, но машина упрямо молчала, хотя Ольга в кабине остервенело крутила ключ зажигания. В темноте уже почти ничего нельзя было разглядеть. Фонарик светил все слабее и слабее, а затем совсем погас. Он добрался до двери и, дождавшись, когда Ольга переберется на пассажирское сиденье, залез внутрь. Попробовав завести машину несколько раз, откинулся на спинку сиденья, вытащил из кармана сигареты и, раздраженно закурив, прошипел:

— Как же вовремя! А все ты!..

— Здра-а-асьте! А я тут при чем?

— При том. Из-за тебя я сюда поехал. Если бы не ты, ничего бы и не случилось.

— Ты же сам не захотел ждать, — ядовито напомнила Ольга. — Не терпелось тебе...

— Ну и что? Могла бы и возразить.

— Умник! Я вообще-то возражала, и потом... кто за рулем-то? Говорила тебе, давай переждем. Так и знала, что втюхаемся во что-нибудь! Разве от тебя чего-то другого можно ждать? Ты же все портишь, к чему бы ни прикоснулся.

— Заткнулась бы лучше, дорогая, — покачал головой Алексей. — И без тебя тошно.

— Кто бы знал, как мне тошно, — мгновенно отреагировала она. — Особенно рядом с тобой.

— Ну, так в чем дело? Тебя кто-то держит, что ли? Вот Бог, вот порог. Направление — зюйд-вест. Так что вперед, и с песней!

Ольга посмотрела на него с нехорошим прищуром, дернула дверь и вышла наружу. В лицо Алексея ударил холодный ветер со снегом.

— Куда собралась?

— Пошел ты к черту, урод! — отчеканила Ольга и так бахнула дверью, что в салоне зазвенело. Провалившись в снег, она с минуту барахталась в овраге, а потом полезла вверх. Мимо окна мелькнула ее тень, направившаяся в обратную сторону.

«Ничего, — злорадно подумал Алексей. — Побесится и вернется! Куда ей деться в такую погоду?»

Однако Ольга не возвращалась. Он вытащил сотовый, чтобы ей позвонить, но ни одно деление не высветилось в окошечке, связи не было. Алексей посидел в машине пару минут, а затем, громко выругавшись, выскочил наружу.

Пошатывающаяся под порывами ветра фигура Ольги была уже довольно далеко, почти не заметная на фоне разбушевавшейся вьюги. Шипя от ярости, Алексей помчался следом, увязая в снегу едва ли не по колено. Брюки быстро промокли, и по ногам пополз холод, обжигающий и лютый.

Пригибая голову от ветра, Ольга брела по заматаемой дороге, и ее растрепавшиеся волосы были белыми от налипшего снега. Почти ничего не видя, она целеустремленно шагала вперед в своих тоненьких сапогах, оступаясь и взмахивая руками для равновесия. Болтавшаяся на плече сумочка то и дело взмывала вверх воздушным шаром, и Ольга торопливо ловила ее рукой.

— Куда ты летишь? — гаркнул Алексей, догнав ее и схватив за локоть. — Вернись в машину!

— Отстань! — выдернула она руку.

— Не отстану! Замерзнуть захотела?

Ольга остановилась и, отвернувшись от ветра, с яростью выдохнула:

— Уж лучше замерзнуть, чем с тобой еще хоть час просидеть. — Лицо у нее при этом было совершенно несчастным.

Не слушая, Алексей схватил ее за руку и поволок обратно к машине.

— Пошли, говорю! До трассы километров пятнадцать, в такую погоду пройти нереально.

Он дотащил Ольгу до джипа, втолкнул в успевший остыть салон, сам уселся рядом. Вынул телефон и, раздраженно посмотрев на экран, с надеждой спросил:

— У тебя мобильный работает?

Ольга пару секунд не двигалась: отходила от ветра и злости, а потом нехотя сунула руку в сумку, вытащила сотовый и нажала на кнопку. В высветившемся окошечке появилась фотография ребенка, обнимающего большого плюшевого зайца. Она поводила пальцем по сенсорной панели, потыкала в список имен, выбрала наиболее подходящее и поднесла трубку к уху. Из динамика моментально донеслись занудные переливы.

— Понятно же, что сети нет, — пробурчал Алексей, успевший заметить, что в ее телефоне тоже не горела ни одна палочка связи.

— Я видела, — холодно отозвалась Ольга. — Подумала, а вдруг?

— Планшетник с сим-картой? Может, там связь будет?

Она отрицательно покачала головой.

— М-да, — выдохнул Алексей. — Дела...

Некоторое время они сидели молча, слушая, как воет ветер и долбится в закрытые окна вьюга, а потом Ольга безразличным голосом спросила:

— И что делать?

— Ждать, наверное, пока рассветет, — нехотя ответил Алексей.

— А потом?

— Потом видно будет. И вообще, чего ты лезешь ко мне с тупыми вопросами?

— Я не лезу, я пытаюсь понять, что нам делать. Мы в сломанной машине, на пустой дороге, которую вот-вот заметет снегом, до города — километров пятнадцать. Искать нас никто не будет. Менты объявили штормовое предупреждение, и это значит, что, даже если мы пройдем столько пешком, нас никто не подберет. Я все верно изложила?

— А еще связи нет, — ядовито дополнил Алексей.

— И связи нет, — кивнула Ольга. — То есть, когда наступит утро, для нас ничего не изменится, верно?

Он промолчал.

— Потому я и спрашиваю: что нам делать? Есть разумные предложения?

— Да. Подождать до утра. Может быть, к утру распогодится. Не вечно же этот кошмар будет длиться.

— Мы околеем до утра в твоей чертовой тачке!

— А ты хочешь, чтобы мы околели снаружи?

— Я хочу домой! Какого хрена ты поперся на эту дорогу? Куда она вообще ведет?

Алексей уже открыл рот для грубого ответа, но так ничего и не сказал. Вместо этого он торопливо открыл бардачок и стал вытаскивать оттуда разный хлам.

— У тебя есть карта? — догадалась Ольга, вытащила мобильный и стала подсвечивать ему экраном.

— Умница ты моя, — рассеяно ответил Алексей, со страхом вспоминая, что, понадеявшись на модный навигатор, намеревался выбросить карту. И, кажется, так и сделал, ибо в куче бумаг она не обнаруживалась. На «умницу» Ольга никак не отреагировала, то ли предпочла не услышать, то ли не обратила внимания на эту неуместную фривольность в обращении к уже бывшей.

— Там деревня впереди, — быстро сказал он, вновь перерывая кучу бумаг. Карта, карта, где же ты? — Я помню, что дорога упирается в деревню. Мы ее даже один раз проезжали.

— Далеко она? — оживилась Ольга.

— Да фиг его знает, я тут последний раз был лет десять назад... Блин, неужели выкинул?

Прежде чем он успел как следует испугаться, а Ольга выстрелить саркастическим замечанием, сложенная в одну шестнадцатую карта вывалилась из пачки старых договоров. Алексей торопливо развернул ее, но разобрать, где они сейчас находятся, было тяжело. Мешал руль, мешала Ольга, которая лезла под руку. Алексей сдавленным шепотом выругался, схватил карту и придавил ее к лобовому стеклу. Ольга придержала рукой правый край и вытянула руку с мобильным так, чтобы свет падал в центр. В этом отточенном движении было все настолько родным и привычным, что Алексей, подсвечивающий своим телефоном и шаривший по нарисованным дорогам глазами, бросил на жену настороженный взгляд.

— Ну, и где мы? — не выдержала Ольга.

Он рассерженно засопел, а потом, прижавшись к карте едва ли не носом, удовлетворенно ткнул пальцем в какую-то непонятную закорючку:

— Вот тут где-то. Видишь, дорога?

— Да. Только разве мы тут?

— Нет, это шоссе. Вот ментовский пост, вот мост... Примерно вот тут мы свернули. И должны быть... где-то здесь.

Алексей снова ткнул пальцем, угодив в пустой бледно-зеленый квадратик. Мобильник Ольги погас, и она снова нажала на кнопку, возвращая его к жизни. Приблизившись глазами к карте, она увидела на ней точку, над которой виднелись крохотные буквы.

— Юдино. Про это село ты говорил?

— Кажется, да. Во всяком случае, ближе ничего нет, а оно было самым первым.

— И сколько до него? — с надеждой спросила Ольга.

— Если верить карте — километра два-три. Вероятно, даже меньше. Если бы не снег, мы, возможно, даже фонари бы увидели. Там ведь есть фонари, как ты думаешь?

— Нет, не видно, — напряженно вглядываясь в темноту, ответила она. — Иначе можно было бы пойти на свет.

— Завтра, — сказал Алексей. — Все равно машину надо будет выдернуть. В деревне наверняка есть трактор. Может, заведем. А если и нет, там связь должна быть, хоть какая-то, даже если сотовые не ловят.

— Мы замерзнем до утра, Тарасов, — уныло произнесла Ольга и зябко поежилась. По ногам уже шел холод. Сколько должно пройти времени, прежде чем температура в машине сравняется с уличной?

— Не замерзнем, — торопливо ответил Алексей. — Не сорок градусов же! У меня есть плед. Сейчас переберемся на заднее сиденье, укутаемся и продержимся до утра, а потом я пойду в деревню.

— Ну ладно, — устало сказала Ольга и неуклюже полезла назад. Там долго копалась, устраиваясь и разворачивая старенький плед.

Дождавшись, пока она затихнет, Алексей полез туда же и, забравшись под тяжелую шерстяную материю, предупредил:

— Только не спи. Потом совсем худо будет.

— А что делать?

— Не знаю. Расскажи что-нибудь. Или пой.

— Что-то я сегодня не в голосе, — усмехнулась она.

В салоне становилось все холоднее. Натянув плед до самого подбородка, они смотрели в темноту, прижимаясь друг к другу только из необходимости. За окнами выла вьюга, медленно засыпая снегом остывающий автомобиль. Глядя в ночную тьму, два когда-то самых близких человека думали о прошлой жизни, покотившейся под откос три года назад.

Четыре года назад

— Вот это домина! — восторженно произнесла Алла, ошарашенно озираясь по сторонам, пока Виктор, рассеянно улыбаясь, выгружал из багажника сумки с припасенной для барбекю снедью. — Ну и дворец... Тарасовы, вас пора раскулачивать!

— Иди ты на фиг со своими революционными замашками, — засмеялась Ольга, расцеловав подругу в обе щеки, и уже потом, схватив ее за руку, потащила внутрь. — Пойдем, пойдем, мужики и сами управятся. Леша! Леш, ну где ты там?

Откуда-то, похоже, из кухни, послышался грохот. Именно таким образом Алексей отреагировал на приезд долгожданных гостей.

— Нет, погоди, дай я на это великолепие посмотрю, — отбивалась Алла, ахая и тыча пальцем в облицовку стен. — Здесь что за камень? Песчаник? О господи, тут еще и подсветка! Тарасова, зачем тебе подсветка наружной стены?

— Я сюда виноград посажу. Знаешь, как будет красиво, когда сквозь листву станут просвечивать огоньки... — пояснила Ольга и зябко поежилась. Она все время мерзла и не хотела признаваться, что чувствует себя неважно.

На улице еще было прохладно. Снег лежал под старой елью, которую, благоустроивая участок, они так и не решились спилить, хоть дерево и выглядело неказисто. Ель, темная, с облезшим боком, кренилась влево, словно сгибаясь под тяжестью болтавшихся на макушке шишек. Невзирая на то, что по краю мощеной тротуарной плиткой дорожки уже вылезли сиреневые первоцветы, зима напоминала: я не ушла, а лишь притаилась вот тут, под мохнатыми лапами, как сторожевой пес, и потом, когда вы забудете обо мне, я вернусь.

Запоздавшая весна с ее холодными, пасмурными днями вызывала у Ольги уныние. Сын не вылезал из болезней, моментально простужаясь на сквозняках. Выхаживая его, Ольга одновременно готовилась к лекциям по маркетингу и совершенно измотала себя. За месяц она похудела на четыре килограмма, отчего скулы на ее тонком лице стали выпирать куда резче, а большие карие глаза совсем провалились.

Сейчас Ольге хотелось помощи от мужа и заботы, которой она недополучала. Но Алексей, замотанный проблемами на работе, строительством коттеджа и перспективой переезда в соседнюю губернию, дома находил силы лишь на ужин, а потом замертво валился на кровать. Ольга его не осуждала, в конце концов, он для них старался, но, лежа рядом, она частенько гладила его твердую спину, жалея, что не может позволить себе раскиснуть и поплакать.

Алексей, жуя на ходу, выскочил из дома, небрежно чмокнул Аллу в щеку и побежал к машине Виктора. Мужчины обменялись рукопожатиями с таким энтузиазмом, словно давно не виделись, а между тем расстались они накануне вечером, покидая офис. Сын Зуевых, Артем, давно выбравшийся из машины, стоял рядом с отцом и подошедшему Алексею пожал руку с важностью умудренного опытом человека.

— Даже не знаю, зачем вам это, — вздохнула Алла. — Нет, я понимаю, родовое гнездо и все такое... Но ты же знаешь о планах перебраться в соседний город.

— Да, — кивнула Ольга. — Но, честно говоря, надеюсь, что они передумают. Чего пыжиться, если тут все в шоколаде? Ну, пусть бы филиал

открыли, зачем все активы туда переводить? Пробовала с Лешей говорить, но он уперся, как баран. Сама знаешь, если ему что-то втемяшится в голову, с места потом не сдвинешь.

— Витька тоже об этих перспективах триндит, аж в глазах баксы горят, а я чего-то не в восторге, — ответила Алла и тут же переключилась на отделку нового дома: — Надо же, ты и окна поставила ламинированные! Вот, что ни говори, у тебя есть вкус... Я боялась, что ты тупо поставишь белый пластик и испортишь весь антураж... И вот эта раскладка внутри стекла мне ужасно нравится... Очень благородно.

— Да, да, — торопливо проговорила Ольга и, открыв дверь, подтолкнула туда упирающуюся гостью. — Гламур и пафос. Пойдем, поможешь на стол накрыть. Мы, честно сказать, проспали утром. Тарасов на выходных дрыхнет, как суслик, почти до обеда.

— Нет, правда, очень круто, Оль. Кстати, а наследник где?

— Мультки смотрит. Артем! Артем! Пойдем, я тебя к Ване отведу, скоро обедать будем! — Ольга потянула подругу за рукав: — Ну, пошли уже, или ты так и будешь у каждого угла тормозить?

— А чего бы не притормозить, если красиво? — резонно возразила Алла и тут же добавила: — Знаешь, праздновать новоселье таким мелким оптом — преступление. Потом ведь гости будут по одному приходить. Отстрелялись бы сразу, и дело в шляпе.

— Я вообще не хотела никого звать, — отмахнулась Ольга и открыла большую дверь, ведущую в гостиную. — Кроме вас будут еще Зайберты да Ирка со своим новым... Только я тебя умоляю, не надо остро по поводу разницы в возрасте, она жутко обижается. И Витьке скажи... На гостей у меня сил нет, да и не хочется особого внимания привлекать. Сама знаешь, кто порадует, а кто завидовать начнет... Сюда проходи, налево, у нас там кухня... Ну, чего опять встала?

— Эрмитаж, — всхлипнула Алла. — Лувр и Третьяковка в одном флаконе. Тапки дай, а то я тебе весь пафос с гламуром истопчу.

— Иди на фиг! — рассердилась Ольга. — Вон, в прихожей возьми, если такая трепетная. И возвращайся скорее. Надо еще два тазика салатов на рубить.

— А руки где помыть?

— Вон дверь в ванную. Направо.

Алла скрылась в прихожей, а потом до Ольги донеслись ее восторженные вопли. Спустя пару минут подруга вернулась совершенно ошарашенной.

— Вы и бассейн сделали?

— Я же тебе говорила.

— Так я думала, во дворе.

— Во дворе тоже, там побольше. А в доме с сауной, причем Лешка ее строительство контролировал особо...

Тут с улицы донесся сигнал автомобиля. Ольга выглянула в окно и улыбнулась:

— Ирка с Димкой приехали. А чего это они вдвоем? Где Зайберты? Она же обещала их захватить...

Ирина Чернова, общая подруга Ольги и Аллы, была балериной, служила в местном театре оперы и балета, а заодно обучала детей искусству танца в Центре детского творчества. Недавно она разошлась с мужем и, недолго думая, бросилась в пучину очередной страсти. Новый друг Ирины, музыкант Дмитрий Волков, был моложе ее на несколько лет, что служило главной причиной ядовитых шепотков. Поначалу Чернова старалась не обращать на злые языки внимания, потом стала огрызаться. Со временем ее агрессия поутихла, но до сих пор она весьма болезненно реагировала на чьи-либо намеки по поводу этого мезальянса.

С Аллой Зуевой Ирину Чернову связывали не особенно теплые отношения. Всю сознательную жизнь Алла старалась «уесть» куда более эффектную Ирину, и на каком-то коротком промежутке времени ей, морально страдающей из-за своей легкой полноты, показалось, что она все-таки обскакала «черную лебедь». Финансовое положение Аллы было куда более высоким, позволяя ей курорты, шубы и автомобили, в то время как Ирина жила в простой квартире и занималась несерьезными танцульками. Однако на кривом повороте Чернова вновь оставила Аллу в аутсайдерах, связав жизнь с молодым красавчиком. Потому сейчас Зуева, торопливо вытирая руки полотенцем, разглядывала приближающуюся к дому пару в окно с неопределенной гримасой, которую можно было понять и как осуждение, и как одобрение.

— Хорош, — наконец выдала она. — Породист, тощ, волосат. И нос вон какой длинный. Чисто афганская борзая.

— Ты только ему это не скажи, — предупредила Ольга. — Особенно про нос.

— А чего? Длинный нос — гордость аристократии.

Ольга хохотнула и торопливо шикнула на подругу, поскольку Ирина и ее кавалер уже вошли в дом.

— Апартаменты класса «люкс», — с порога заявила Чернова, раскрывая объятия. — Рада вас видеть. А это мой Дима.

— Наслышаны, — скривилась в ехидной гримасе Алла.

Ольга ткнула ее в бок и быстро спросила:

— А почему вы без Зайбертов?

— Они чего-то приболели, — отмахнулась Ирина. — Судя по голосу Зайберта-папы, причина тривиальна — привет с большого бодуна. У него на работе очередная делегация была, ну и, как водится, нажрались... Так, Дим, ты, наверное, к мужикам иди, а мы тут пошепчемся. А, погоди, ключи возьми, водку вытащи из багажника.

Молча кивнув, Дима подхватил брошенные Ириной ключи и вышел на улицу. Чернова проводила его нежным взглядом, а потом сурово посмотрела на подруг:

— Ну?

— Чего? — нахмурилась Ольга.

— Да ладно, высказывайтесь. Я же понимаю, как вам хочется почесать языки. Можете не стесняться, я, наверное, уже все слышала.

Прежде чем Алла открыла рот, Ольга торопливо произнесла:

— Красавец! Нет, кроме шуток, Ир. Я теперь понимаю, почему ты так быстро сдалась.

— У него такой голос! Может, я даже заставлю его спеть для вас сегодня, хотя такое сокровище делить грех. Надеюсь, мужики там его не затопчут своим превосходством? А то знаю я вас, буржуинов...

— Ну, к твоему бывшему они все-таки больше привыкли, — безжалостно встряла Алла. — Мальчик может не вписаться.

— Переживут, — жестко ответила Ирина. — Я очень рада, что вы Серегу не позвали. Не хватало еще увидеть его тут с очередной кикиморой. Ни к чему вам на новоселье конфликт интересов. Дайте мне тоже что-нибудь порезать.

Пока женщины готовили салаты, мужчины во дворе разжигали мангал, неторопливо нанизывали мясо на шампуры и попивали пиво. Судя по громкому хохоту, вынужденная рокировка одного из привычных участников сборищ никого не смутила. От углей шел приятный сизый дым, вдоль дорожки цвели крокусы, а солнце, неохотно продиравшееся сквозь комковатые облака, вдруг ослепительно брызнуло лучами, пообещав хороший день.

Когда мужчины отправились жарить очередную порцию шашлыков, разомлевшая Алла задумчиво посмотрела на Ольгу и спросила:

— Нет, дом шикарный. Все-таки в жизни за городом есть свои преимущества. Вот только далековато на работу. А с ребенком ты придумала, что будешь делать?

— Ума не приложу, — пожаловалась Ольга. — В муниципальный садик, сама понимаешь, его не отдать, очередь на сто лет вперед. К частникам у меня нет доверия. А сидеть с ним я тоже больше не могу, закисну совсем. Недавно поймала себя на мысли, что половину всего уже забыла. Придет-

ся няню брать, но это реальная морока, нужна ведь с медицинским образованием, а не просто девочка-припевочка.

Беспокойство Ольги имело основания.

Довольно долго они не могли позволить себе ребенка, а когда, наконец, встали на ноги, все прошло не совсем так, как планировали. Сын родился слабеньким, с чахлыми легкими, нуждающийся в постоянном уходе. Жить в городской квартире, посреди загазованного мегаполиса, было невозможно. Прислушавшись к советам врачей, Тарасовы сняли неудобную квартиру за городом, пока Алексей не возвел дом по собственному проекту.

— Бросила бы ты свою работу и не парилась, — посоветовала Алла. — Дома сидеть — такой кайф!

— Не могу. Скучно мне дома, — мрачно ответила Ольга.

— Кстати, насчет няни, — вмешалась оживившаяся Ирина. — Могу подействовать.

— Правда? — обрадовалась Ольга.

— Только давай без твоих балетных, — скривилась Алла. — А то как начнет его всякой фуэте учить.

— Нет, балетных не будет, — рассмеялась Ирина. — Есть у меня на примете одна такая... настоящая фрекен Бок. Стальная, как гвоздь, с замашками гестаповца и, кстати, в прошлом детский терапевт. Все по свистку и струнке. Она, правда, на пенсии уже, но еще вполне дееспособна, даже машину водит. Так что с ней не будет проблем в плане проезда.

— Только гестапо в доме не хватало, — фыркнула Алла.

— Ну, как хотите, — обиделась Ирина. — Только Ваньке с его болячками режим нужен, а с вашим разгильдяйством ни к чему хорошему его не приучите. Один на стройку, вторая лекции читать, а пацан будет расти, как лопух у дороги.

— Разумеется, лучше совсем лишить его детства, как тебя, — рассмеялась Алла. — В шесть утра — обливание холодной водой, а потом к станку, как дедушка Ленин.

— При чем тут Ленин? Он, кажется, балетом не занимался.

— Ни при чем. Я просто помню, как нам в детстве читали: Володя Ульянов был идеальным ребенком. Проснувшись, он ни минуты не позволял себе валяться в постели, тут же бежал к турникам, а потом обтирался холодной водой. И в школе ни одной четверки не получил, никогда не проказничал и не разорял птичьи гнезда. Не ребенок, а жидкий терминатор! И к чему это привело? Целую страну развалил. Тарасова, тебе нужен в доме свой Ульянов-Ленин? А то еще не поздно тут на заднем дворе шалашик смастерить.

— Нет, мне одного диктатора в семье хватит, — покачала головой Ольга. — Мой, если что не по нему, орать начинает так, что уши закладывает.

— Ну, и пожалуйста, — надулась Ирина. — Я не настаиваю. Только с садиком ты намучаешься. Ваньке уход нужен, а в группах там, даже в самых маленьких, по пять-шесть человек. Это я про коммерческие говорю, в обычный не попасть, ты ведь на очереди даже не стояла. Я бы на твоём месте его все же дома подержала. Ну, или маму попроси переехать. Вот Леха рад будет тещу ежедневно в доме видеть.

— Ир, если его не адаптировать в обществе, дальше станет только хуже.

— А кто тебе мешает его адаптировать? Но все-таки есть разница, отдать в сад здорового ребенка или вот с такими проблемами, как у Ваньки. Если он от каждого сквозняка чахнет, думаешь, детский сад очень укрепит его здоровье?

— Кстати, наша Одиллия права, — поддержала подругу Алла. — Моя сестрица в детском саду из простуд не вылезала, болела минимум раз в месяц, а однажды даже вшей принесла домой, на радость маме и бабушке. А вот я, как мимоза, росла дома и хоть бы чихнула.

— Вот, я дело говорю. И потом, няня его приучит к определенному распорядку дня, опять же закалит всякими упражнениями... — кивнула Ирина.

— ...Как дедушку Ленина, — встряла Алла, хлебнула вина и, подавившись под недовольным взглядом Ирины, закашлялась. — У, ведьма... До чего у тебя взгляд недобрый!

— Добрый у меня взгляд. Оль, мне эта тетка по барабану, не подумай, что я за своих хлопочу.

— А откуда ты вообще ее знаешь?

— Да я ее, собственно, и не знаю. Она в нянях у одной моей ученицы-шестилетки. Девочка осенью в школу пойдет и, в общем-то, больше в услугах няни не нуждается. Мамаша очень эту тетку нахваливала, говорила, что, несмотря на жесткость, она сделала из их дочки человека. Я, кстати, заметила, девочка эта в группе самая старательная, самая ответственная.

— Хорошо. Я обещаю подумать насчет этой фрекен Бок, с Лешей поговорю, а потом дам тебе знать.

— Мужики! — крикнула неделикатная Алла. — Когда уже мясо будет? Так и помереть можно с голодухи!

Гости разошлись, и, пока Ольга собирала со стола и запихивала грязные тарелки в посудомойку, муж, отправленный укладывать ребенка, завалился на диван в гостиной, где немедленно заснул в обнимку с сыном.

Загрузив посудомойку, Ольга оглядела разгром, оставшийся после барбекю, и махнула рукой. Приходящая домработница явится завтра и уберет. Главное, посуду вымыть, чтоб не засыхала, а остальное ерунда. Дом засыпал усталым зверем, моргая глазом лампы в прихожей: чего-то там такого напортачили электрики.

Ванька спал, свернувшись клубочком, и не открыл глаз, когда она вытащила его из-под руки Алексея, унесла в спальню и уложила в кровать. Он завозился, пробормотал что-то нечленораздельное. Ольга накрыла сына одеялом и, погасив свет, вышла.

Вернувшись в гостиную, она вытянула из руки Алексея пульт и выключила телевизор.

— М-м-м?

— Леш, пойдём спать?

— М-м-м?

— Ну, давай уже, пойдём в спальню.

Оба с трудом поднялись на второй этаж. Они думали, что, как только лягут, тут же заснут, но сон не шёл.

— Леш? — тихо спросила Ольга.

— А?

— Зачем мы влупили столько денег в дом, если нам скоро переезжать?

— С чего ты взяла?

— Здра-асте... Вы с Витей трындите о переезде уже третий месяц.

— Никуда мы не переедем, — сонно пробормотал Алексей.

— Как это? А планы ваши...

— Так это, я здесь — Виктор туда. Зуевы переедут. А мы останемся.

— Это точно?

— М-м-м?

— Леша! Не спи! Мы, правда, остаемся?

— Правда, правда, дай поспать только, — недовольно сказал он и повернулся к Ольге спиной.

— Леш, я тогда няню Ваньке найму, хорошо?

— Зачем?

— Затем. Тоже работать хочу, тем более меня давно просят выйти. Ирка сватает какую-то фрекен Бок, говорит, она отличный специалист с образованием и опытом.

— Нанимай.

— Что значит — «нанимай»? Ты тоже должен присутствовать при встрече, чтобы потом не возникло претензий.

— Ну ладно, — буркнул Алексей, сладко причмокивая губами, и улегся на живот, уткнувшись лицом в подушку...

Нянька Ольге не понравилась, однако не согласиться с тем, что та знает свое дело, она не могла.

Звали няньку Ларисой Константиновной. После каждой попытки Ольги фамильярно сократить ее до Ларисы без всякого отчества она холодно говорила:

— Меня зовут Лариса Константиновна, прошу обращаться ко мне именно так.

Взгляд ее водянистых и каких-то змеиных глаз был настолько холоден, что у Ольги не хватило мужества спорить. Даже Алексей, привыкший орать на подчиненных, при няньке стихал, старался говорить вполголоса и таким вежливым тоном, которого не достаивалась даже теща. Ольга похотывала, замечая, что эта женщина, несокрушимая, как Железный Феликс, сумела нагнать на него оторопь. Алексей вяло отбивался, утверждая, что она похожа на его классную руководительницу, а та была настоящей моральной садисткой. Тем не менее, просмотрев «верительные грамоты», представленные кандидаткой, Тарасовы убедились, что перед ними настоящий специалист.

Ларисе было хорошо за пятьдесят, на них она и выглядела, невзирая даже на все ухищрения казаться моложе. Эта высокая, худая женщина с не улыбчивым лицом в два счета приучила расхлябанного Ваньку к дисциплине, направляя его железной рукой и волей.

— Немудрено, что ее прозвали фрекен Бок, — как-то пожаловалась Ольга мужу, ворочаясь в постели. — Так и вижу, как она гитлеровским движением руки отправляет ребенка в газовую камеру. Иногда мне страшно оставлять Ваньку с ней.

— Думаешь, она его бьет? Брось! Она, конечно, не подарок, и вообще... иногда я хочу дать ей пендаля со всей дури, но дело свое Лариса знает. Неужели ты не замечаешь результатов? И все за каких-то два месяца.

— Бить не бьет, но детей явно не любит, — возразила Ольга. — Ты видел, как она смотрит? Чистое гестапо.

— Любить объект заработка она и не обязана, согласись. Кто из нас любит свою работу?

— Ты. И я, например.

— Ну, мы ж ненормальные, — глубокомысленно заметил Алексей, сунул руку ей под голову и притянул к себе, чмокнув в висок. — Зато сын у нас растет здоровым.

— Это да, — согласилась Ольга. — И уже почти научился плавать, я сама видела.

Лариса Константиновна действительно учила Ваньку плавать, проводя с ним в бассейне по паре часов в день. Как-то, зайдя туда, Ольга увидела, как сын в надувном жилетике остервенело долбит руками и ногами воду, взбивая ее в пену, а няня, стоя в воде по шею, поддерживает его и сурово говорит:

— Не так, Иван. Ножки выше. Больше брызг, больше. И ручки держи перед собой...

Ванька повернулся, увидел Ольгу и расплылся в беззубой улыбке:

— Ма, я пииву!

— Плыви, плыви, головастик, — рассмеялась она.

Лариса Константиновна недовольно сморщилась, и Ольгу тут же выдуло за дверь.

Весна плавно перекадилась в лето, а затем и в осень. И Ольга, освобожденная от домашних забот, смогла вновь вернуться к любимому делу, читая лекции по маркетингу трижды в неделю. Ванька стал реже простужаться, проявил интерес к книжкам-раскраскам и как-то незаметно освоил половину алфавита и научился считать до десяти. Глядя, как он сопит, старательно загибая свои коротенькие пальчики, Ольга умилялась, но настоящим шоком для нее оказалось то, что теперь, садясь за стол, сын требовал салфетку и сам раскладывал ее на коленях. И одежду перед сном аккуратно развешивал на спинке детского стульчика, хотя раньше разбрасывал ее, где придется: на полу, кровати, однажды даже закинул штаны на шкаф и залиvisto хохотал, когда Ольга стянула их прямо себе на голову вместе с недоделанным макетом из пластилина.

— Блин! — воскликнула тогда Ольга, зажмуриваясь и прикрывая голову от летящих на нее пластилиновых башен.

— Биин, биин! — завопил Ванька и снова расхохотался: — Мама казала — биин!

Мало-помалу жизнь налаживалась именно так, как хотелось. Никто и не заметил, как наступила зима.

Новый год Ольга и Алексей встречали без шумной компании. Оба накануне проводили старый на работе, а до того ударно трудились, причем настолько ударно, что домой приходили только ночевать. Лариса Константиновна к тому времени уже укладывала Ваньку в постель, да и сама частенько засыпала на диванчике в гостиной, а потом, уходя от Тарасовых с отчаянной зевотой, бросала на хозяев недовольные взгляды. «У меня тоже есть своя жизнь», говорила она. Приходилось униженно извиняться и выплачивать сверхурочные. Хорошо, хоть Ванька не устраивал истерик.

Звать гостей не хотелось, да и некого было, по большому счету. Старая компания давно отпочковалась, как ненужная ступень у ракеты. Менее успешные друзья перестали быть интересными, а ловить завистливые взгляды на себе не хотелось. Алла и Виктор уехали на праздники в Египет, Ирина со своим музыкантом встречала Новый год в Праге. В кои-то веки Тарасовы остались одни. Для праздничного стола разленившаяся Ольга лишь запекла гуся, заказав все остальное в ресторане. Какой смысл в традициях, если друзей не будет?

Приготовив премиальный конверт для няни, она из вежливости предложила ей встретить Новый год с ними.

— Спасибо огромное, — вежливо сказала Лариса Константиновна, убирая конверт в сумку, — Но у меня уже есть планы на этот вечер. И потом, Новый год — праздник семейный.

— Ну, тогда вот, еще скромный подарок, — протянула ей Ольга пакет, в котором приятно звякнуло стекло. — Это коньяк, настоящий, французский. По-моему, он отлично украсит любой стол.

Лариса Константиновна потопталась на месте, слегка покраснела и нерешительно забрала подношение.

— Спасибо, — торопливо сказала она. — И за премию, и за коньяк... Поеду, поздно уже, а на дороге наверняка пробки. Суета, суета... Все спешат... Спасибо еще раз. Ивана я уложила. Конечно, вы можете его разбудить, посмотреть салют, от одного дня режим не нарушится... Но он и без того был невероятно возбужден.

— Да ничего, — улыбнулась Ольга. — Пусть спит, а завтра под елкой найдет подарок. Вы точно не хотите остаться? Еды хватит, а погода вон какая ужасная...

— Нет, поеду, пока дорогу окончательно не замело... Счастливых праздников! Встретимся, как договаривались, после Рождества.

Лариса Константиновна выдавила улыбку, удивительно не шедшую ее лицу, и бросилась к дверям, едва не сбив с ног выходившего из кухни Алексея. Не обратив на него никакого внимания, она буркнула «до свидания» и выскользнула за порог.

— Чего это она так торопится? — удивился Алексей. Ольга, пожав плечами, направилась в гостиную, и он крикнул ей в спину: — Мы есть сегодня будем?

— Конечно. Помоги мне стол оттащить к дивану. Лично я хочу сегодня сесть перед телевизором и больше не вставать.

— А зачем нам вообще нужен тут стол? Для кого стараться?

— На кухне, что ли, сядем?

— А чего? Там поедим, а потом пойдем в постельку с легким джентльменским набором: коньячок, фрукты, шоколадки.

— Не думай даже, — пригрозила Ольга. — Никакой еды в спальне. Но вообще... ты прав. Что-то мне лень стол накрывать.

— А помнишь свадьбу? — вкрадчиво произнес Алексей и невесело усмехнулся. — Тогда все тоже по-сиротски было...

Свадьбу Ольга помнила хорошо. Денег и в самом деле не было ни на ресторан, ни на дорогие подарки, даже свадебный торт заменили купленным второпях в ближайшем супермаркете шоколадным «поленцем». Гостей решили не звать и торжественный обед тоже не устраивать. Вместо этого на последние деньги заказали лимузин, в который втиснулись молодые,

Ирка с ее тогдашним мужем Сергеем, выступавшие в роли свидетелей, еще один друг и подружка. Застолье заменил большой пакет с пирожками, несколько бутылок шампанского и то самое шоколадное «поленце», на которое свидетель едва не сел. Чтобы продлить аренду лимузина, не было денег, и Алексей долго уговаривал водителя покатасть их еще немного, но тот, битый жизнью жучара, все мотал головой и довез их только до центра, откуда до квартиры пришлось добираться пешком. Дома молодые и их многочисленные гости доели пирожки и допили шампанское, а потом были танцы почти до утра...

Возвращаясь мыслями в прошлое, Ольга почувствовала легкую грусть и ностальгию. Подумать только, ведь тогда они были бедны как церковные мыши, ютились в настоящем клоповнике, пропахшем селедкой, и при этом жили веселее. Неужели настолько постарели за эти десять лет?

— У меня ведь и свадебного платья не было, — грустно улыбнулась она. — А на кухне не было стола. Мы ставили еду на коробку от телевизора, которая заменяла шкаф. Помнишь, мы все мечтали потом нашу свадьбу переиграть?

— Ты все еще хочешь, чтобы все было по-людски, с рестораном, фатой, и чтоб рисом в нас кидали и выпускали голубей? А у дверей родители с караваем, от которого мы должны откусывать? — спросил Алексей.

— Не знаю, Леш, наверное. Просто всегда, стоит подумать об этом, меня останавливает мысль: какое это расточительство. Глупо, да?

— Совсем не глупо. Просто я подумал, что мы ведь, по сути, толком годовщину никогда не отмечали. Всегда один сценарий: кабак, гости, ну, и поцелуи под счет и хохот. А ты же девочка, должна романтики хотеть, да?

— Какой из тебя романтик? — усмехнулась Ольга. — Ты меня даже за муж позвал между делом.

Вообще-то она знала, что не права, подтрунивая над мужем. Уж если разбираться, романтической как раз не была она, полностью лишенная воображения и фантазии. А вот Алексей, не умея ухаживать и ясно выражать свои чувства, ухаживал за ней с неуклюжей трогательностью и даже из армии присылал письма, вкладывая в них подсушенные ромашки. Откроешь такой конверт, а оттуда цветы сыплются с сухим шелестом. С тех пор пришла к ней любовь к ромашкам и всяким ромашковым экстрактам. Порой слабый аромат этих цветов она могла учуять за километр, раздувая ноздри, как породистая гончая.

Гуся, отлично пропеченного со всех сторон, щедро порубили на куски и разложили по тарелкам. В телевизоре искрился мишурой и серпантинном традиционный новогодний вечер, где давно приевшиеся артисты льстиво и неискренне поздравляли страну с праздником. Провожая старый год,

Алексей плеснул в бокалы коньяку, но, отхлебнув, скривился, долго разглядывал этикетку бутылки, а потом, подозрительно понюхав горлышко, вылил содержимое в раковину.

— Бодяжный какой-то, — пожаловался он и вынул из бара другую.

— Шампанское пей, — предложила Ольга и, быстро глянув на часы, добавила: — Сейчас полночь пробьет. Налей мне шампанского.

Откинув шторы, они встали с бокалами у окна, слушая поздравительную речь президента. Забили куранты, возвещая о приходе Нового года. На улице раздался многоголосый гул, а в темном небе распустились огненные цветы фейерверка.

— С Новым годом! — сказала Ольга.

— С Новым годом! — ответил Алексей.

Тогда, освещаемые вспышками фейерверка, они думали, что впереди их ждут долгие счастливые годы жизни, не зная, что до самого страшного дня осталось меньше двух месяцев.

В феврале Ольгу положили в больницу.

Новогодняя ночь всколыхнула пожар их чувств, и тогда, позабыв о праздничной программе по телевидению, они любили друг друга прямо на ковре. Оказалось, что заниматься сексом под забойную «Маму Любу» очень даже весело.

А спустя месяц Ольга обнаружила, что забеременела.

— Господи, я просто поверить не могу, — кричала она в телефонную трубку. — Леша, какое счастье!

Такого, в принципе, не могло с ними случиться уже никогда. Еще в прошлый раз врач что-то заумно говорил про всякие интимные трудности, предупреждая, что этот ребенок будет последним. Ольга, и правда, так ни разу не забеременела больше, поставив на попытках крест, хотя втайне мечтала еще об одном сыне. И тут такая неожиданность.

— Тарасов, ты снова станешь папой!

— О господи! — охнул Алексей.

— Ты не рад, что ли?

— Совсем с дуба рухнула? Рад, конечно.

— Приедешь пораньше?

— Обязательно. Сейчас своим бандерлогам навешаю люлей и приеду. Это дело надо sprыснуть.

— С ума сошел? — рассмеялась Ольга. — Мне же нельзя.

— Ну, я один sprысну. И вообще, сегодня напьюсь. Знаешь, я чего-то стою и весь трясусь.

— А я, думаешь, не трясусь? Леша, я так рада...

В тот вечер — почти последний счастливый вечер в их семейной жизни — они поужинали в ресторане, Ольга даже выпила половину фужера шампанского и торжественно переломила пачку сигарет, пообещав больше не курить.

Через неделю Ольга уехала читать свои лекции в соседний город и дико простудилась, заполучив воспаление легких.

В больнице, куда Алексей пришел ее навещать вместе с Ванькой, она выглядела несчастной, с невымытой головой, чернотой под глазами, закутанная в одеяла и бесконечно, с хрипом, кашляющая. Увидев мать в виде страшной снежной бабы, ребенок испугался и вцепился в отца.

— Не надо было его приводить, — прохрипела Ольга. — Видишь, как он испугался?

— Что врачи говорят? — строго спросил Алексей. — Хотя... я сам узнаю. Ты только кивай. Скоро тебя выпишут?

Ольга молча пожала плечами.

— А с ребенком все хорошо?

Она подумала и кивнула, но несколько неуверенно.

— Ну и хорошо. Дома все нормально, на работе тоже. Зуевы передают тебе привет, и Ирка со своим мачо тоже. Обещают навестить, но их пока все равно не пустят. Я-то с боем прорвался. В общем, все хорошо...

Ванька жался к отцу, долго не решаясь подойти к матери, а потом вдруг, вздохнув, бросился к ней на кровать, обнимая ручонками ее похудевшую шею:

— Мама, пойдем домой! Мама, пойдем!

Ольга прижала к себе сына и расплакалась. Заглянувшая на шум докторша с неодобрением поглядела на эту картину и решительно велела Алексею убираться вместе со всеми бациллами. У дверей он оглянулся, потому что послышалось, будто Ольга что-то сказала.

— Что?

— Говорю, не балуй его. И не вздумай по пути в «Макдональдс» заехать.

— Конечно-конечно, — пообещал Алексей, зная, что соврет. В конце концов, от одного визита в эту американскую харчевню непоправимого вреда желудку сына нанесено не будет. Тем более что Ванька на пути в больницу «Макдональдс» углядел из окна и потребовал от отца заветную красную коробочку с детским обедом, в который вкладывались игрушки: героический лев, болтливая зебра, грациозная бегемотиха и жираф-мизантроп из нового мультфильма. Сын смотрел его каждый вечер, невзирая на запреты няньки. Пританцовывая перед телевизором, он радостно подпевал нарисованным зверушкам:

— Ай лайк ту мувит-мувит! Ай лайк ту мувит-мувит!

В «Макдональдсе» Ванька съел порцию почти полностью, выскреб из вазочки мороженое, выпил свой коктейль и половину коктейля отца, не сводя глаз с новых игрушек.

— Ванька! — строго сказал Алексей, нахмутив брови.

— Фто? — вскинул глаза сын, такие же карие и большие, как у матери.

— Маме не скажем, что в «Макдональдс» заезжали, ладно? А то проблемы будут. Понял?

— Понял! — охотно повторил сын.

— Молодец! Что ты понял?

Ванька глубокомысленно покрутил головой и повторил:

— Понял! Папа, у тебя паблемы есть?

— Нет у меня пока проблем.

— И у меня нет. Давай пупим?

— Умница ты мой, — усмехнулся Алексей. — Доел? Забирай свой зверинец, и поехали домой.

Дома, когда он уложил Ваньку в кровать и долго сидел в детской, потому что сын никак не хотел засыпать и все крутился под одеялом, Алексей думал об Ольге, об их еще не рожденном ребенке и о том, как все будет дальше, пока Ванька, приоткрыв сонные глаза, не сказал:

— Мне нваваются игвушки. Папа, я тебя люблю.

— Я тоже тебя люблю, — ответил он.

Ожидая привычных удовольствий, Лика торопливо забегала по квартире, наводя в ней относительный порядок. По большому счету, можно было бы пропылесосить, но куда важнее полежать часок в ванной, сделать свеженький макияж и уже потом, если останется время, накрыть стол в романтическом ключе: бутылочка вина, свечи, фрукты в вазочке.

В ванной она «перележала». Лика вообще любила понежиться в горячей воде до тех пор, пока кожа не размягчится и не станет розовой и гладкой, как у младенца. После этого она чувствовала себя обновленной, податливой и нежной, что, собственно, от нее и требовалось, правда, частенько доставалось это вовсе не Алексею. Вот и сейчас, услышав чириканье телефона, Лика торопливо схватила трубку.

— Уже еду. Чего хочет моя зая?

— Зая хочет сладенького, — нежно промурлыкала она. — Зая очень хочет клубнички и мороженого.

— А бухло у заи есть? — неромантично осведомился собеседник. — Под клубничку-то?

— Бухла навалом, приезжай уже, — в тон ему ответила Лика, рассмеялась и торопливо отключилась.

Опрометью выкатившись из ванной, она заметалась по квартире, расковывая валявшееся после Лешиных сборов барахло. Сворачивать его аккуратно не было времени, да и желания. Затолкав грязные тарелки в посудомойку, Лика вытерла стол, вернулась в гостиную, оглядев ее критическим взглядом, а затем задернула шторы.

Сойдет. Пусть будет атмосфера легкого интима. А в полумраке беспорядок не особо заметен. Леша вернется поздно и не обратит внимания, что за день она палец о палец не ударила, а завтра, когда он уйдет на работу, Лика вызовет уборщицу, которую тайком приглашала уже несколько раз. Женщина средних лет с чудовищной старомодной халой на голове безмолвно драила кухню и ванную, раскладывала по полкам белье ровными стопками, мыла окна и пол. Единственное, чего Лика ей не доверяла делать, так это готовить еду, поскольку Алексей непременно догадался бы, что супчик сварен вовсе не Ликой, а той вовсе не хотелось быть застигнутой врасплох коварным предложением испечь пирог.

За оставшееся время она успела привести себя в порядок, зажечь толстые свечи, поставить на стол не слишком ровно порезанные фрукты и коробку конфет, и уже от дверей, открывая гостю, торопливо сбросила мягкие тапки в виде собачек, сунула ноги в домашние туфли и обернулась проверить: удалось ли создать романтическую атмосферу?

Стол выглядел нарядно, свечи горели празднично. Еще бы для пущего эффекта разбросать лепестки роз, но, во-первых, их неоткуда взять, во-вторых, лепестки потом надо собрать, а, в третьих, это могло стать перебором и пошлостью, а Лика ни за что не хотела казаться пошлой. Ничего, сойдет и так, вон какая получилась красота.

Филипп, с которым она сплелась в жарких объятиях прямо у входной двери, отвечал всем заданным Ликой параметрам: был молод, хорошо образован, ироничен и ухожен, как молодой бог, которому требовалось поклоняться. Вот уже полгода, придя туда по настойчивой рекомендации Виктора Зуева, Филипп работал в компании Алексея на должности директора по пиару и маркетингу.

— На фига мне этот педик? — недовольно заметил Алексей после собеседования. — Весь намазан-напудрен-нафуфырен, челочка на глаза, маникюр на пальцах, кольца-браслетки. Тьфу, погань!

— Ты уже и маникюр разглядел? — усмехнулся Виктор.

Обсуждали нового кандидата на должность на даче у Зуевых. Лика без особого интереса прислушивалась к разговору, как обычно не выказала энтузиазма помочь хозяевам нанизывать мясо на шампуры и рубить овощи для салата. Впрочем, ее никто особо не просил. Неизвестный кандидат на должность директора по маркетингу никак ее не заинтересовал.

— Разглядел, разглядел... Вить, зачем нам вообще этот маркетинг-шмаркетинг? Мы дома строим или чем-то торгуем? И вообще, вот ты мне скажи, разве могут у мужика быть такие руки, как у него?..

— Ты прям как Жеглов говоришь, — рассмеялся Виктор и добавил раскатистым басом: — Не музыкант, не художник, не профессор, а ручки белые и нежные...

— Ну да, — удовлетворенно произнес Алексей и вытянул вперед свои руки: короткопалые, с неровно постриженными ногтями. — Вот такие примерно должны быть у мужика руки... Не то что у этого недоразумения... Тьфу! Не люблю я эти муси-пуси, люли-люли, растудить ее в качель!

Лица вздохнула. Бизнесмен! Глава крупной компании! И — пожалуйста, выражается как босота — «растудить ее в качель»! И где он этих словечек понабрался? Так, наверное, даже в деревнях не выражаются.

— Лех, я тебе говорю, парень он толковый. Образование, опыт, все дела... А насчет его сексуальной направленности... так он вообще-то нормальный... Возьми Фильку, Лех. В конце концов, уволить никогда не поздно.

— Филька... Имя такое же дебильное...

— Ну и что? Это даже прикольно.

Алексей недовольно поворчал, однако на следующий день пригласил сомнительного кандидата на новое собеседование, а через пару месяцев Лица узнала, что на работе у Алексея дела резко пошли в гору. Новый директор по пиару и маркетингу Филипп Кораблин неожиданно оказался ко двору. Подсчитывая прибыль, Алексей простил новому сотруднику и наманикюренные пальцы, увешанные слишком изящными для мужика кольцами, и налакированную челочку, и туфли неприличного красного цвета, и очки с оправой в тон к ним. А вскоре на традиционных шашлыках Лица воочию увидела Филиппа и чуть не задохнулась от восторга.

Он довольно быстро выделил ее среди остальных гостей, наверное, потому, что в обществе шефа и его зама чувствовал себя неуютно. Получив свою порцию шашлыка, подсел к Лике, правда, хотя они сразу нашли общий язык, номер своего телефона она ему не дала. Алексей и без того ревниво поглядывал на нее, а потом неприлично громко крикнул:

— Филя, а ну давай сюда! Щас мы с тобой тяпнем водочки по-нашему.

Филипп послушно потрусил к шефу, водочки тяпнул, даже не поморщившись, и остаток вечера слал Лике извиняющиеся взгляды. Она улыбалась застенчиво и пожимала плечами, мол, что поделаешь, нам, красивым, изящным людям, некомфортно среди этого быдла.

На следующий день Филипп нашел ее в социальных сетях. После непродолжительной переписки Лица согласилась встретиться. График Филиппа, без конца мотающегося по городу с различными проектами, позволял им выкраивать друг для друга пару часов в день.

Через неделю он затащил ее в постель. Пикантность ситуации придавало то, что, вообще-то, это была постель, в которой Лика спала с Алексеем. Однако ни Филиппа, ни Лику данный факт несколько не смущал.

Хотя первое время она еще боялась, что именно в этот миг в дверь ворвется ревнивец Отелло, придушит ее, а коварного Филю выбросит в окно, но Алексей не замечал ни сверкающих глаз своей любовницы, ни появившейся сытой кошачьей томности, а может, не хотел замечать, и Лика перестала бояться. Разве что на краешке подсознания маячила неприятная мысль: что будет, если...

Именно сегодня, после столь неудачного разговора с Алексеем, она решила обсудить с Филиппом, как им быть дальше.

Расслабленные и усталые после секса, они валялись на кровати, грызли одно яблоко на двоих, потому что это тоже выглядело романтичным, пили шампанское, закусывая его шоколадом. Положив голову на живот Филиппа и глядя ему в глаза, Лика спросила:

— Как работа?

— Работа? А что работа? Хорошо. Запустили два сюжета на телевидении, позитивных, сладких, в духе «вы рады нам, мы благодарны вам». Население проникнется, звонки пойдут, заказы... Сегодня с утра договорился разместить рекламу строящегося поселка на самом лакомом месте, напротив «Гипер-сити» по улице Мира. Что характерно, улица эта ведет к другому поселку, «Мечта» называется, его Казанцев строил. А на наших баннерах все указатели в другую от «Мечты» сторону, представляешь? Казанцев лопается от злости, но поделаться ничего не может, аренда долгосрочная, на год. У меня в его конторе есть свои люди. Так что они будут мониторить отток клиентуры.

— Ты-то на всех этих баннерах заработал? — спросила Лика.

— Еще бы, — самодовольно ответил Филипп. — Двадцать процентов, как с куста. Чумачечие деньги!

То, что Филипп обворовывал Алексея, Лику совершенно не волновало. Да и какое это воровство? Откаты! Все легально, за исключением того, что прибыль с продажи рекламных площадей получал не агент фирмы, а директор по пиару компании заказчика. Прodelывать подобные финты Филипп научился мастерски. Договариваться с представителями рекламных контор он предпочитал в кафе и ресторанах, выбирая их по принципу: «чтобы рядом не оказалось своих». Поскольку суммы были миллионными, рекламщики с радостью встречались с ним где угодно, оплачивали его обеды, сулили бонусы и скидки, расхваливали профессионализм сотрудников, получавших гран-при на всевозможных выставках. Кораблин равнодушно слушал, пуская в потолок красивые дымные облака, и этот проверенный

метод почти всегда действовал безотказно. Обеспокоенные его молчанием, рекламщики начинали путаться, повторяться, а потом, видя, что на Филиппа ничего не действует, переходили к уговорам личного плана. Обычно он соглашался на десять процентов от суммы сделки, что давало возможность заработать и агентам, а тем, кто не шел на сделку, перекрывал кислород без всякой жалости.

— И сколько ты заработал? — поинтересовалась Лика. — Зае хватит на ма-аленький бриллиантик?

— Зае хватит, — лениво ответил Филипп. — И мне на машинку останется. Не на «Кайен», конечно, и не на «BMW», как у твоего Алексиса, но вполне себе на что-то приличное.

Мечтать о приличной машине было так приятно, что Филипп даже зажмурился. Дай бог здоровья Алексею Тарасову, который никогда не проверял, насколько честны его сотрудники. И как удачно, что именно сегодня он уехал и не смог устроить внезапную проверку.

— Новая машина — это круто, — уныло согласилась Лика. — А мне, похоже, ничего такого не светит, хотя я столько раз намекала. На все просьбы один ответ: иди работать. Ты представляешь? А еще эти его ежегодные поездки на малую родину... И с кем? С бывшей! — фыркнула она. — Напрягает меня это ностальжи. Вот сердцем чую, что она там настраивает его против меня. Мне это совсем не надо.

— А кому надо? — пожал плечами Филипп. — Лично мне тоже не надо. Зло берет, что мы можем от нее зависеть.

— За место боишься?

— А хоть бы и так. Я на этой целине задарма пахать не собираюсь. Будет очень обидно, после того как я там все с нуля поднимал, оказаться на улице. Хорошо еще, кое-что сумел отслюнявить. Будем надеяться, Ольга ничего не скажет. Ведь раньше-то не говорила, верно?

— Если бы сказала, лежали б мы тут с тобой, — усмехнулась Лика. — Да он меня впереди собственного визга на мороз выставил бы.

— Ну, значит, не скажет. Можно не паниковать.

— Так она с ним еще не встречалась, — напомнила Лика. — А в дороге времени много. Может и сказать, за ней не заржавеет.

— Вот Алексис вечером приедет, и ты узнаешь, сказала она или нет.

— А если да? — плаксиво произнесла Лика и тревожно уставилась на Филиппа: — Если он вернется и скажет, чтобы я шла на хрен? Знаешь, какой Тарасов собственник?

— Отпирайся. Знаешь, как моя сестрица говорит? Откатись на три метра и скажи, что тебя там не было.

— А если Леша не поверит?

— Что ты заладила, если, если... — рассердился Филипп, спихнул ее с себя и, поднявшись с кровати, прошлепал на лоджию.

— Куда ты пошел?

— Никуда, — ответил он с лоджии и закрыл пластиковую дверь, отсекая звуки.

Подумав, Лика тоже встала, накинула легкомысленный шелковый халатик и вышла следом. Несмотря на утепленные стены и выведенную батарею, там было прохладно. Погода стремительно портилась. С неба под косым углом валил мелкий снег, засыпая дома и дороги белым саваном.

О чем думал Филипп, было непонятно, Лика же думала о том, что на улице холодно, а ей снова не удалось поехать к морю, которое она очень любила, и о том, что, если Алексей захочет выгнать ее на улицу, придется уходить в чем была, как восточной женщине. А куда, куда идти?

— Если он меня бросит, я приду к тебе, — прошептала она.

— Конечно, — после короткой заминки ответил Филипп, и она эту заминку безошибочно уловила, чувствуя, как екнуло внутри. — Но давай не будем паниковать заранее. Еще ничего не случилось.

Проводив Филиппа, Лика сменила белье, выбросила окурки, пустую бутылку из-под шампанского и даже мусор вынесла, чтобы, не дай бог, Алексей не заглянул в стоящее под мойкой ведро. Занятая делами, она не вспомнила, что он не позвонил ей ни разу. Убрав в квартире, завалилась на диван, включила телевизор и стала ждать, не заметив, как задремала.

Проснувшись Лика глубокой ночью. В квартире было тихо.

— Леша? — позвала она хриплым со сна голосом.

Никто не ответил. Лика поднялась и, чувствуя неясную тревогу, прошла в спальню. Кровать была пуста. Схватив телефон, она не увидела пропущенных вызовов. Часы на экране показывали одиннадцать вечера. Лика набрала номер Алексея, но услышала лишь равнодушный голос оператора, сообщившего о том, что аппарат абонента находится вне зоны действия сети.

Они крепились, стараясь не спать, почти всю ночь, но в накренившейся машине с задраным кверху бампером было холодно, так холодно, что плед, натянутый до самых глаз, совершенно не спасал. От того, что разговор не клеился, под утро их все-таки сморил сон, беспокойный, дурной и вязкий, как патока.

Ольга очнулась первой, стуча зубами от холода, и обнаружила, что ее голова лежит на плече у Алексея, а рука засунута ему в карман. Она не помнила, снилось ли ей что-либо, но ощущение тревожности мгновенно навалилось еще до того, как она открыла глаза. Чувствуя, как противная дрожь сотрясает все тело, Ольга глухо простонала и закашлялась, раз-

будив Алексея, а потом осторожно пошевелила онемевшими от холода и неудобной позы ногами.

— Который час?

Голос Алексея был настолько хриплым, что Ольга лишь по отдельным, каркающим звукам догадалась, о чем он спросил. Нашарив в кармане мобильный, она вытащила руку из-под пледа, почувствовав, что пальцы с трудом удерживают пластмассовое тельце телефона. Экранчик вспыхнул, но как-то неохотно, притормаживая, а батарея, остывшая даже в кармане, показала всего две палочки.

— Семь двадцать две.

Собственный голос звучал не лучше. Изо рта вырывался густой пар. За окном была прежняя чернота с воющим ветром.

— Связь есть?

— Нет.

— Фигово.

Алексей повел могучими плечами, и плед, дающий иллюзию тепла, сполз вниз. Он подхватил его и снова натянул до подбородка.

— Замерзла?

— Конечно, — коротко ответила Ольга посиневшими губами. — Посмотри свой телефон, может, у тебя есть хоть одно деление.

Алексей повозился и, осторожно вытянув из-под пледа мобильный, бросил на него короткий взгляд.

— Есть? — с надеждой спросила Ольга.

— Нет. Мертвая зона. Тут низина, сигнал не доходит... Господи, как жрать охота... У тебя ничего нет?

— Вроде жареной курицы?

— Ну, мало ли... Ты же запасливая, может, какой бутерброд завалялся... Погоди, ты на кладбище конфеты везла. Все там оставила?

— Наверное. Поддай сумку.

Перегнувшись через сиденье, Алексей подцепил оставленную на переднем сиденье сумку и, не дожидаясь, пока Ольга вытащит руки из-под пледа, торопливо расстегнул молнию.

— Эй! — возмутилась она. — Это, вообще-то, моя вещь!

— В критических ситуациях нет понятий «мое» и «чужое». У нас критическая ситуация? Значит, сумка не твоя, а... общая. Есть возражения?

— Да.

— Вот и прекрасно. Изложишь их в письменном виде и отправишь моему секретарю.

Он все дергал и дергал замок, но молния, в которую попала подкладка, не поддавалась. Рыча от злости, Алексей дернул замок так, что тот сломался. Он замер и осторожно выдохнул, ожидая выволочки.

— Ничего, ничего, — подбодрила Ольга. — Не стесняйся.

Искать что-нибудь съедобное в темноте салона было почти невозможно. Алексей подсвечивал себе мобильным, бурча под нос что-то нечленораздельное. Прикрыв глаза, Ольга откинулась на спинку, трясаясь от холода.

— Мать, да у тебя тут «Сникерс»! — обрадовался Алексей. — Все ж таки ты молодец! «Сникерс» — это хорошо.

— Да, да, — уныло согласилась Ольга и спросила: — Что делать будем?

— Ну, поедим, а через час рассветет, и я пойду в деревню, — ответил Алексей, содрал обертку с шоколадки и разломил ее непослушными руками. Большую часть, после недолгих колебаний, он протянул Ольге и, за толкав в рот свою долю, уставился в окно.

За стеклом не наблюдалось ничего интересного, кроме той же серой тьмы, в которой невозможно было найти линию горизонта. Все казалось совершенно одинаковым, словно внутри выложенной ватой коробки, и только ветер бил в бок автомобиля колючими злыми укусами. Нигде не виднелось ни одного огонька, на который можно было ориентироваться. Где дорога, куда идти? И надо ли? Может, лучше остаться тут, свернуться калачиком на сиденье, надеясь на спасение?

Дожевав шоколад и запив его остатками воды из валявшейся под ногами бутылки, они молча просидели несколько минут, глядя, как медленно отступает темнота. Лишь только из мрака проступили отдельные предметы, вроде голых деревьев, Алексей завозился и неохотно сказал:

— Пойду, пожалуй.

— Куда? — прошелестела Ольга. — Я даже дорогу не различаю, все снегом замело.

— Ну, колею-то вроде видно. Буду ее держаться. Думаю, через час-полтора доберусь, найду трактор и приеду.

Уйти сейчас, оставив ее одну в машине, было нельзя. Остаться и трусливо ждать подмоги — тоже. Придет ли помощь, если ее никто не звал? Никто не проедет мимо в такую погоду.

Сердясь на себя, Алексей торопливо дернул дверцу и неуклюже выбрался наружу, провалившись в снег почти по колени. Кепчонка, подбитая мехом норки, едва не слетела с головы. Пришлось не только надвинуть ее поглубже, но и опустить пристегнутые уши. В сырых со вчерашнего дня ботинках моментально стало холодно. Матерясь, он обошел «BMW», который, казалось, умолял хозяина простить его за предательство.

Хлопнула дверь.

— Погоди, вместе пойдем.

— Чего ты выдумала? — рассердился Алексей. — Сиди, жди тут. Сказал же, через час приеду.

— Через час ты только туда доберешься, в лучшем случае.

— Ну, через два.

— Через два я тут с ума сойду или околею. А если что случится? Так нас вообще никогда не найдут, — сказала Ольга и, решительно запахнув пальтишко, зашагала вдоль колеи. Посмотрев на ее удаляющуюся спину, Алексей еще раз выругался, но значительно тише, и побрел следом.

Ветер был настолько сильным, что едва не валил их с ног. Ольгу качало из стороны в сторону, иногда, чтобы не упасть, она хваталась за мужа. Идти с каждым шагом было все труднее. Ветер разметал верхушки колеи, сделав и без того плохую дорогу практически не заметной. Плотная завеса туч, висевшая над горизонтом, казалась низким, грязным потолком в заброшенном доме. Время от времени то Ольга, то Алексей вынимали телефоны, но связь все не появлялась.

Снега было много, слишком много для двух пешеходов, идущих в обуви, не приспособленной для подобных прогулок, но пока они почти не чувствовали холода, тратя слишком много энергии для того, чтобы просто вытаскивать ноги из рыхлого снега.

Где-то через час Ольга стала отставать. Она время от времени останавливалась, начиная сильно кашлять, но потом, собираясь с силами, шла дальше, однако Алексей уже понимал, что надолго ее может не хватить. Деревня, будь она трижды проклята, не показывалась. Впрочем, видимость была так себе, обзор закрывала плотная завеса снега. Шагая впереди, он протапывал дорогу для бывшей жены, которая шла все медленнее.

— Сколько мы идем? — невнятно спросила Ольга сквозь закрывающий рот шарф.

— Два часа уже.

— И где деревня?

— Откуда я знаю? Черти слопали.

Она неодобрительно посмотрела на него и покачала головой:

— Не поминал бы ты... Может, они нас и кружат...

— Может. Но дорога-то есть, и она куда-то ведет, — раздраженно ответил Алексей. — Скорее всего, в это самое Юдино, больше некуда. Пойдем.

Ольга натужно раскашлялась и села в сугроб.

— Погоди, дай отдышаться.

— Вставай, замерзнешь ведь! Я сказал, поднимайся!

Она не ответила и даже не пошевелилась.

— Ладно. Иди назад, — потоптавшись на месте, вздохнул Алексей.

— Куда — назад? — всхлипнула Ольга. — К машине?

— Да. Сиди и жди там. Я дойду до деревни и вернусь за тобой. Не бойся, мы не так далеко от нее отошли, как кажется. Это из-за снега. Доберешься?

— И что я там буду делать? — воскликнула она, и эта знакомая ярость его порадовала. Значит, приходит в себя. — Сидеть и думать, дошел ты или нет?

— А что ты предлагаешь?

— Пойдем вместе. Попробуем вернуться на трассу. Даже если машин не будет, связь-то наверняка появится. Надо было сразу так сделать.

Алексей хотел сказать, что до трассы они все равно бы не дошли, но потом, решив, что спорить с ней сейчас бесполезно, вкрадчиво произнес:

— Давай так: пройдем вперед еще немного и, если не увидим деревню, вернемся, пока из сил не выбились и пока еще светло. Ладно?

— Еще немного — это сколько? — подозрительно взглянула на него Ольга.

Алексей покрутил головой и прищурился, всматриваясь вдаль, а потом ткнул пальцем в едва заметное дерево:

— Вон до того дерева. Как поравняемся с этим местом, посмотрим, есть что-то или нет.

— А если деревни не будет, вернемся? — всхлипнула Ольга.

— Если не будет — вернемся. Согласна?

Она помолчала несколько секунд, а потом протянула ему руку:

— Хорошо, пошли!

То жалкое подобие дороги, по которому они брели, скоро повернуло куда-то вбок, огибая высокое раскидистое дерево, машущее руками-ветками на ветру. Ольга шла все медленнее и медленнее, ненадолго останавливалась, с трудом переводя дыхание. Каждый раз Алексей тормозил шаг и ждал, когда она соберется с силами и догонит его.

В глазах жены плескались отчаяние и страх, однако Ольга шагала, как автомат, стараясь не думать, что будет дальше.

К самому дереву они не стали приближаться: куда там подойдешь, по белой целине? Да и зачем? Поравнявшись с темным стволом, оба остановились, тяжело дыша, а потом Ольга медленно села прямо в снег и выдохнула:

— Не могу больше, посмотри сам.

Судя по отчаянию в голосе, она уже ни на что не надеялась, и это Алексею особенно не понравилось. Мысль, что придется возвращаться в машину, его не очень пугала. В конце концов, вьюга может прекратиться завтра, а даже если не прекратится, пройти пятнадцать-двадцать километров к трассе — не такой уж подвиг для мужчины, пусть даже он не экипирован для подобного похода. Другое дело, если идти придется с ней. Ольга очень задерживала его, и Алексей был уверен, что без нее это расстояние до проклятого дерева удалось бы преодолеть гораздо быстрее. Судя по часам в бесполезном мобильнике, сейчас было уже больше двух.

Выходит, они шли по снегу около пяти часов. Если на обратную дорогу положить столько же, до машины они дойдут лишь к вечеру, но, поскольку оба изрядно устали, можно и еще пару часов накинуть.

Нянчиться с Ольгой ему не хотелось. Сил у нее явно осталось на раз, а значит, скоро она сломается, упадет, и придется тащить жену на себе. «Почему так далеко? — подумал Алексей, близоруко щурясь. — Где она, эта деревня? По расчетам, до нее ведь оставалось не больше трех километров!»

С небольшого холма, на который они забрались, деревни не было видно. Оглянувшись назад, он вроде бы разглядел вдалеке искру лоснящегося бока машины, но, возможно, это ему только показалось.

— Видишь что-нибудь? — спросила Ольга хриплым голосом. Обернувшись к ней, Алексей увидел, что она жадно ест снег, и рассердился:

— Ты что делаешь? Простудиться захотела?!

— Да я уже простыла, так что без разницы. Пить хочу. Так есть там что-нибудь?

— Нет, — раздосадованно ответил он. — Ничего не видно. Наверное, я не так карту прочитал, или вообще...

— Что — вообще?

— Может, не было тут никакой деревни.

— Но на карте-то она есть!

— Да мало ли что там есть! — заорал Алексей. — Когда ее рисовали, карту эту? Кто проверял, что тут есть, чего нет? Я вот своими глазами вижу: нет здесь ни хрена!

— Здорово, — произнесла Ольга равнодушным голосом. — Как же ты так опростоволосился, Чингачгук?

— Заткнись, а?!

— А то что? Придушишь меня, а из тушки сделаешь указательную стрелку, как Флинт на Острове сокровищ? Теперь-то что, Тарасов? Обратно тащиться?

— Рот закрой, тепло не трать, — едко посоветовал он. — Не май месяц на дворе.

Странно. Ночью, когда они прижимались друг к другу, этой ярости, тщательно взращиваемой обоими, не было. И утром, когда жевали один шоколадный батончик на двоих, тоже. Что изменилось за эти часы?

Ольга со стоном поднялась и, встав спиной к ветру, произнесла:

— Ни на что ты не годен, Тарасов. Одни беды от тебя. Одни беды.

Алексей знал, что Ольга скажет дальше, и потому не стал дожидаться и, обойдя ее, как неодушевленный предмет, побрел обратно к машине.

Отойти успел буквально на пару шагов, когда Ольга вдруг крикнула:

— Тарасов, вернись!

В ее голосе было нечто, заставившее его обернуться. Ольга смотрела куда-то в сторону, противоположную той, куда поворачивала дорога.

— Что? — спросил он.

— Смотри, вон там. Это же крыши, да? — ткнула она пальцем вперед.

Подбежав к ней, Алексей прищурился и стал вглядываться в снежную круговерть. Там, за плотной снежной завесой, действительно виднелось что-то темное, треугольное, смахивающее на скаты крыш. Вот только дорога почему-то вела в другую сторону.

— Да, кажется, это крыши, — медленно проговорил он. — Но почему туда нет въезда?

— Может, и есть, — возразила Ольга, — просто мы его не видим. Вероятно, там еще какая-нибудь дорога имеется с другой стороны.

— Там река. И моста нет, насколько я помню.

— Много ты помнишь... Ну что, пошли?

— Напрямик?

Ольга скривилась и неприязненно ответила:

— Нет, я, конечно, понимаю, что ты тут у нас главный траппер, Кожаный Чулок, и все такое, но, поскольку ты нас уже завел непонятно куда, может, я хоть недолго побуду штурманом? И потом, какая уже разница, по целине мы идем или по дороге? Что там, что тут пути нет. Ну, чего стоишь? — грубо спросила она и добавила, видя, что Алексей не двигается с места: — Ладно, как хочешь. Лично я устала, замерзла и не хочу бегать взад-вперед, разыскивая дорогу к этому Юдино.

Запахнув пальто, Ольга решительно двинулась к деревне, увязая в снегу. Посмотрев, как развеваются на ветру полы ее пальто, Алексей еще раз оглянулся на маячивший вдалеке призрак брошенной машины и пошел следом.

Солнце уже клонилось к закату, когда они, наконец-то, добрались до деревни, а, добравшись, долго стояли в нерешительности, старательно пряча друг от друга панический испуг.

— Господи, Боже мой! — хрипло простонала Ольга и, неуклюже поднявшись на ноги, уставилась туда, куда смотрел неподвижным взглядом Алексей. — Леш, что это?!

От дома, стоящего самым первым, остался один скелет, зияющий пустыми глазницами оконных проемов. Крыша провалилась внутрь, вместо забора — лишь пара столбов да несколько покосившихся штакетов. Облупившиеся стены, с щербинами разохшейся дранки, освещенные тусклым зимним солнцем, выглядели особенно зловеще.

— Леш?..

Ольга не обратила внимания, что назвала его по имени, как всегда в те моменты, когда сердце начинало трепетать от волнения или страха. Алексей тоже этого не заметил и даже счел чем-то само собой разумеющимся то, что бывшая жена стиснула замерзшими пальцами его руку.

— Ничего особенного, — ответил он, — просто развалюха. В деревнях всегда так бывает, особенно сейчас. Не в СССР живем. Умирают деревни-то.

— Вон еще одна развалюха, — дрожащим голосом сказала Ольга и мотнула подбородком в руины напротив: — И еще. Когда ты проезжал, так же было?

Он и сам прекрасно видел, что ближайšie четыре дома выглядели ничуть не лучше своего собрата, но отвечать не имело смысла. Может, и тогда было так же, может, в деревеньке еще жили. Какая теперь разница? Мертвая зона. Сейчас солнце сядет, и со старого погоста полезут упыри... Жуть!

— Леш, пойдём отсюда, — тихо сказала Ольга.

Он медленно повернулся к ней и так же тихо спросил:

— Куда?

— Не знаю. К машине, к трассе... куда угодно, лишь бы подальше. Мне тут не по себе.

— Мы не дойдем, Оль, — покачал головой Алексей. — Сюда еле дошли.

— Дойдем, — упрямо сказала она. — Доберемся до машины, отдохнем, а завтра отправимся к трассе. Леш, ну, пожалуйста! Ты что, ослеп? Это брошенная деревня! Мертвая! Дома развалились, их разграбили! Ты видишь? Нет ни одного дымка, ни кошек, ни собак, ни людей — ни следа! Ничего нет! Пойдем, пока еще хоть что-то видно!

— Оль, через час будет совсем темно. Можем пройти мимо дороги, и тогда нам точно какую, — мрачно проговорил Алексей. — Понимаешь?

Он ожидал, что у Ольги начнется истерика, и даже внутренне подобрался, готовясь встретить ее атаку, но... бывшая жена вдруг отступила на два шага, а ее лицо с заострившимся всего за сутки подбородком стало отрешенно спокойным.

— Понимаю, — ответила она равнодушным голосом. — Я все понимаю, Тарасов. Только нам и здесь какую. Без шансов, верно? Тут нас точно никто не найдет.

Ольга сделала несколько шагов назад, к заснеженному полю, а потом опустилась на колени и застыла, тупо глядя вниз.

Алексей понимал, что должен ее утешить, заставить подняться и пойти на поиски (возможно, где-то в заброшенных домишках теплится жизнь), но сейчас видеть этот отрешенный взгляд было выше его сил. Вспомнив, что уже несколько часов не курил, он полез в карман, вытащил сигареты,

зажигалку и мобильник. Сунув сигарету в рот, Алексей прикурил, старательно прикрывая огонек зажигалки от ветра, а потом, проведя пальцем по сенсорной панели телефона, бросил взгляд на экран.

Связь была!

Не поверив своим глазам, он поднес телефон к глазам. Одно, самое крохотное деление, светилось белым цветом.

— Ольга! Связь! Связь есть!

Торопливо чиркнув пальцем по экрану, Алексей вывел панель с цифрами и, набрав номер полиции, нажал кнопку вызова.

На панели моментально появилась надпись: «Батарея разряжена».

«Только не сейчас!» — подумал Алексей, прижимая трубку к уху.

— Бу-бу-бу, — послышался в трубке неразборчивый женский голос.

Слышно было отвратительно. Не разобрав ни слова, он заорал:

— Алло! Полиция! Помогите нам. Мы в деревне Юдино, в сорока километрах от города! Машина сломалась! Мы застряли! Пожалуйста! Мы замерзаем!

— Бу-бу-бу! — недовольно ответила трубка.

— Алло! Вы меня слышите?

— Бу-бу-бу... — и связь прервалась.

— Алло!.. Алло, твою мать!

Алексей раздраженно оторвал телефон от уха и взглянул на экран. Одинокая палочка связи пульсировала, то появляясь, то исчезая. Он повернулся к Ольге, с тревогой наблюдавшей за ним:

— Дай телефон, у моего батарейка сдыхает.

Она торопливо сунула руку в карман, затем во второй, а потом, смертельно побледнев, рванула сумку и начала вытряхивать из нее все прямо на снег. Затем перевернула сумочку, потрясла, проверила отделения, после чего снова залезла в карманы пальто, вывернув их наизнанку.

— Господи, я его потеряла! Леша, я его потеряла!

— Где? — взвыл Алексей. — Ищи, может, он где-то тут.

Ольга растерянно огляделась по сторонам, отбежала к тому месту, где ползла на четвереньках, и стала остервенело копаться в снегу, расшвыривая его во все стороны.

— Господи, нет, нет, — бормотала она. — Да что же это такое, ну прямо как в ужастиках... Сейчас, сейчас...

— Оль, прекрати!

— Да погоди, я найду... Надо туда сходить, вон, видишь, я там падала... Может, он там...

Вид у Ольги был совершенно безумный. Алексей подошел ближе и, схватив ее за замерзшие щеки, вынудил посмотреть себе в глаза:

— Оль, ты раз сорок падала. Прекрати! Мы его не найдем.

— Найдем! Попробуй позвонить! Попробуй! Может, он рядом где-то лежит...

Она все порывалась куда-то бежать, оборачивалась на тропинку из заметаемых следов. Прижав Ольгу к себе одной рукой, Алексей набрал на телефоне ее номер и, убедившись, что связь есть, нажал на вызов.

«Аппарат абонента недоступен или выключен», — любезно проинформировал его оператор. Услышав этот безукоризненно вежливый голос, Ольга перестала вырываться и только затряслась то ли от холода, то ли от сдерживаемого плача.

— Я ментам еще раз позвоню, — сказал Алексей и снова набрал полицию, но соединение не прошло. В ухо опять ударили назойливые переливы. Ольга отвернулась и с тревогой посмотрела на садившееся солнце.

— Блин! — зло бросил он. — Не соединяет!

— Смс-ку отправь, — посоветовала Ольга.

— Кому, ментам?

— Почему ментам? Другьям. Пусть позвонят в полицию, организуют поиски.

— Голова! — похвалил Алексей и стал торопливо тыкать в сенсорную панель, на которой снова появилась надпись: «Батарея разряжена!» Набрав сообщение, Алексей стал проматывать список абонентов замерзшим пальцем, выбирая, кого осчастливить информацией, что он вместе с супругой застрял в глухой деревне.

— Рассылку сделай, — подсказала Ольга. — Отправь всем. Быстрее найдут, если им несколько человек сообщит.

— Ах, да, — усмехнулся Алексей, — я совсем забыл, что реклама — твой профиль.

Включив в список получателей всех абонентов, он мельком подумал, как отреагируют его конкуренты, злопыхатели, администратор сауны, доставщик пиццы, Лика и еще одна любовница, к которой он ездил время от времени, а потом нажал на отправку.

«Не удалось отправить сообщение».

Алексей нажал снова.

«Не удалось отправить сообщение».

Еще.

«Не удалось отправить сообщение. Батарея разряжена».

Здрав голову вверх, Алексей надавил на панель и поднял руку вверх.

«Не удалось отправить сообщение».

— Подбросить надо, — сказал он.

Ольга кивнула, с тревогой глядя на гаснущее солнце. Нажав на отправку еще раз, Алексей подбросил телефон. Перевернувшись несколько раз,

мобильный взмыл вверх, а потом, достигнув предельной точки, начал падать. Алексей выставил руки, но телефон, чудом проскочив между его пальцами, упал в снег. Матерно выругавшись, он поднял его, но не успел прочитать высветившуюся на экране надпись — исчерпав ресурс батареи, телефон выключился.

— Отправилось? — робко спросила Ольга.

— Хрен его знает, батарея села.

Телефон на мгновение включился, продемонстрировал ядовитое предупреждение о разряженной батарее и снова умер. Затолкав его в чехол, Алексей сунул мобильный под дубленку и сказал:

— Ладно. Будем считать, что отправилось, и менты меня услышали. Может, потом он согреется, и я смогу включить его хотя бы на минуту.

— А сейчас что? Стоять и ждать?

— Пойдем, — решительно проговорил он. — Попробуем найти хотя бы один неразобранный дом, и лучше всего с кем-то живым, потому что еще одной ночи на холоде мы не вынесем.

Ольга в панике посмотрела на одинокую улицу, заметенную снегом, а потом, коротко кивнув, стала собирать рассыпанные вещи обратно в сумку.

Старший лейтенант Антон Зайцев покосился на несчастного раздрыгу, застывшего на стуле с убитым видом, а потом украдкой включил на компьютере любимую игрушку, прикрутив звук до минимума.

Не хватало еще, чтобы грохот из динамиков показал раздрыге, что Антону на его проблемы наплевать!

Раздрыгу звали Игорем Чебыкиным. В отделение его доставил патруль, к машине которого тот подбежал прямо на дороге, ошалело размахивая руками. Из путаных рассказов Чебыкина выходило, что на него напал какой-то тип в военной форме, вооруженный самым настоящим «Калашниковым».

Разыскивать якобы вооруженного типа патруль не стал, да и где его было искать? Машина оказалась пустой, а разыгравшаяся метель замела следы. Потому Чебыкину велели погрузиться в свой рыдван и ехать следом за патрульными в ближайшее отделение, где старший лейтенант Зайцев ожесточенно расстреливал злыми птичками армию зеленых поросят.

Разноцветные птички с нахмуренными бровями разбивали хрупкие баррикады зеленых свиней. Свиньи катились, набивали синяки и растворялись в облачках дыма.

Веселуха!

Погода была, как говорится, «нелетная», оттого и происшествий ноль. С утра уже удалось покемарить на сдвинутых стульях, потом в кабинет пришла свидетельница по давнему делу, которую он смог выпроводить

довольно быстро, а затем, после сладкого до приторности чая с бутербродом, в компании с дежурным Славкой Гончаровым, Антон уселся за компьютер, отпечатал пару документов и с радостью загрузил любимую игрушку.

По закону подлости, именно в этот момент, когда он уже окончательно расслабился, патруль приволок ограбленного гражданина.

Глядя на Чебыкина, худого, нескладного, в нелепых очечках и торчащим вихром волос, Антон сразу подумал, что за такими личностями несчастья следуют по пятам, причем хоровами. Неудивительно, что на дороге неизвестный напал именно на него, сразу видно — лох ливерный, раздрыга, неудачник.

— Вы хоть уверены, что у него был настоящий автомат? — недоверчиво спросил он, с явной неохотой нацеливая ручку в протокол.

— Я что, по-вашему, совсем идиот? — обиделся раздрыга. — Или автомата никогда в руках не держал?

— Где это вы его держали? — хмыкнул Антон.

— В армии, — пояснил Чебыкин и смущенно уточнил: — Три раза. На присяге и дважды на стрельбище... Правда, это давно было. — Глядя на недоверчивое лицо Зайцева, он торопливо добавил: — Нет, я действительно в армии служил, хотя по здоровью не подходил совсем, но меня не комиссовали. На медкомиссии в части врач за голову схватился. Сказал, как тебя с твоим сколиозом, плоскостопием и экземой вообще призвали?..

— А вы что? — поинтересовался Антон.

— Я сказал: меня никто не спрашивал. Забрали, и все, кто ж оттуда просто так выпустит? Так что вы не подумайте, товарищ... — Чебыкин бросил торопливый взгляд на погоны собеседника и продолжил: — ...старший лейтенант, я в оружии кое-что понимаю.

— Я это все к тому спросил, — скучным голосом прервал его Антон, — что сейчас игрушки такие реалистичные делают, от настоящих не отличить. Может, у него в руках был пластмассовый автомат, а вы с перепуга навоображали себе бог знает что?

Раздрыга придавил пальцами очки и потер переносицу, а потом неожиданно спокойно, с неким аристократическим достоинством, спросил:

— Какой в этом смысл?

— То есть?

— Какой смысл выходить на дорогу с игрушечным автоматом?

Антону очень хотелось рявкнуть: «Таких, как ты, лошар, грабить!», но он сдержался и лишь равнодушно пожал плечами, мол, кто их, психов, знает?

— Маскарад. Знаете, как в фильмах, дымовая завеса.

— Странный какой-то маскарад, вы не находите, товарищ старший лейтенант? Автомат пластмассовый, шапка армейская, под тулупом, кстати,

вполне казенного вида подстежка от бушлата, армейский ремень и камуфляж. Не проще ли было выйти на дорогу с одним автоматом?

— А вы, Игорь... как вас по батюшке?..

— Леонидович.

— ...Игорь Леонидович, кем работаете?

— А что? — насторожился Чебыкин и снова поправил очки. — Ну, допустим инженером.

Разумеется! Кем еще может работать ливерный лох? Только инженером.

— Вот и работайте инженером, — строго произнес Антон, — а в оперативные дела не суйтесь, особенно, если ничего не понимаете.

— Да я и не суюсь, — обиделся Чебыкин. — Просто это... того... нелогично. Тут же воинская часть неподалеку. Я бы на вашем месте...

— Вот когда будете на моем месте, тогда и станете говорить, — отрубил Антон.

— Я вообще тогда говорить не буду, — буркнул Чебыкин. — И это... Раз я вам не нужен, то, пожалуй, поеду. Мобильник, конечно, жалко, ну, и фиг с ним.

— Заявление писать не собираетесь? — обрадовался Антон.

— Нет.

Антон уже хотел, было, подписать пропуск на выход, как вдруг на столе зазвонил телефон.

— Антоха, этот ограбленный еще у тебя? — спросил дежуривший Славка Гончаров.

— Ага, а что? — осторожно поинтересовался Антон, чуя печенкой, что отсидеться без происшествий не удастся.

— Не отпускай его. Сейчас фээсбэшники нагрянут, будут его допрашивать.

— Что случилось-то?

— Да, похоже, тут у нас дезертир с автоматом гуляет, — безрадостно добавил Славка. — Только что ориентировка пришла. Ты рад?

— Зашибись как! — буркнул Антон, с неудовольствием посмотрев на раздрыгу. И чего не отпустил его пять минут назад? Тогда это стало бы чужой проблемой...

Хотя не факт. Может, еще хуже было бы.

Время тянулось бесконечно долго. От скуки Антон громил злыми птичками свиные укрепления, безнадежно увязнув на двадцать втором уровне. Как ни старалась его разноцветная армия, издающая беззвучные вопли, свиньи упорно сопротивлялись, омерзительно ухмыляясь после очередного проигрыша противника. Чебыкин молчал, изредка вздыхая, и глядел то в пол, то в потолок, действуя Антону на нервы.

Где-то к обеду за свидетелем явились двое: мрачный фээсбэшный майор и еще более мрачный и какой-то пришибленный особист из воинской части. Внимательно выслушав показания раздрыги, они, невзирая на его сопротивление, направились осматривать место происшествия. Из любопытства Антон взглянул на ориентировку с плохой фотографией, явно вынудой из личного дела. На снимке был белобрысый пацан с пухлыми губами, испуганным телячьим взором и тяжелым упрямым подбородком. Простецкое крестьянское лицо, одно из тех, которые трудно запомнить. Никаких особых примет, никаких ярких черт. Измени Лыткин внешность, перекрась волосы, нацепи на нос очки — и его никто не узнает.

— Вы тоже собирайтесь, — приказал особист Антону.

— Так меня там даже не было, — попробовал тот отбрехаться. — Вы лучше патрульных возьмите.

— Они тоже поедут, — ответил фээсбэшник злым голосом. — Лейтенант, ты что, не понимаешь? У тебя тут бегают психованный пацан с автоматом и, между прочим, с полным боекомплектom. А ну как он палить начнет во все стороны?

Раздрыга посмотрел на Антона с ехидной ухмылкой, мол, я же вам говорил. Подавив желание дать Чебыкину пинка, Антон стянул с вешалки свою куртку и, вытащив из сейфа пистолет, торопливо вышел следом за группой.

Помимо патрульных искать дезертира выехал и начальник ОВД, косившийся на Антона, словно тот был в чем-то виноват. Место искали долго. Разволновавшийся Чебыкин пару раз указывал неверно, но после согласования с дежурившим тогда патрулем, наконец, вспомнил, где остановилась его машина. Выйдя на дорогу, все рассеяно огляделись по сторонам. Антон тоже осмотрелся, мрачно думая, что сейчас объявят очередное усиление, и плакали тогда законные выходные. Придется рыскать по окрестностям, искать этого Лыткина, пропади он пропадом!

— Куда, говорите, он побежал? — спросил фээсбэшник.

Чебыкин неуверенно махнул рукой вправо, а патрульные пожали плечами:

— Да мы его вообще не видели.

— Дорога закрыта, — задумчиво произнес фээсбэшник. — Шансов, что его кто-то подобрал, мало... Хотя всякое могло быть... Вас почему из города выпустили?

— Не знаю, — рассеяно ответил Чебыкин. — Никто ни о чем не спросил... Но я рано выехал. Может, еще до штормового предупреждения.

— Говорите, мобильник у вас отобрали? Номерок запишите, попробуем отследить.

Чебыкин закивал, пошарил в кармане, нашел пачку визиток, отпечатанных на дешевой бумаге, и протянул одну фээсбэшнику. Не глядя, тот су-

нул ее в карман и, отвернувшись от летевшего в лицо снега, тихо проговорил, словно разговаривая сам с собой:

— Если исходить из того, что Лыткина никто не подобрал, куда он мог деться? А что у нас вон там? — повернулся он к Антону.

— Ничего, — ответил Антон.

Фээсбэшник вытащил свернутую в несколько раз карту, долго выискивал место, где они находились сейчас, а потом недовольно спросил:

— Ну, как же ничего? Вот ведь — поселок Юдино.

— Я и говорю: ничего. Брошенный это поселок, уже сто лет как там никто не живет. Кажется, даже домов целых не осталось.

— Кажется, кажется, — передразнил внезапно очнувшийся особист. — Ему-то откуда это знать? Он не местный. Не совсем же этот парень дурак, чтобы в голое поле уходить. Выйдет он на дорогу как миленький. И потом, даже если Лыткин каким-то чудом доберется до Юдино, то вполне может пересидеть там бурю, при условии, конечно, что найдет укрытие.

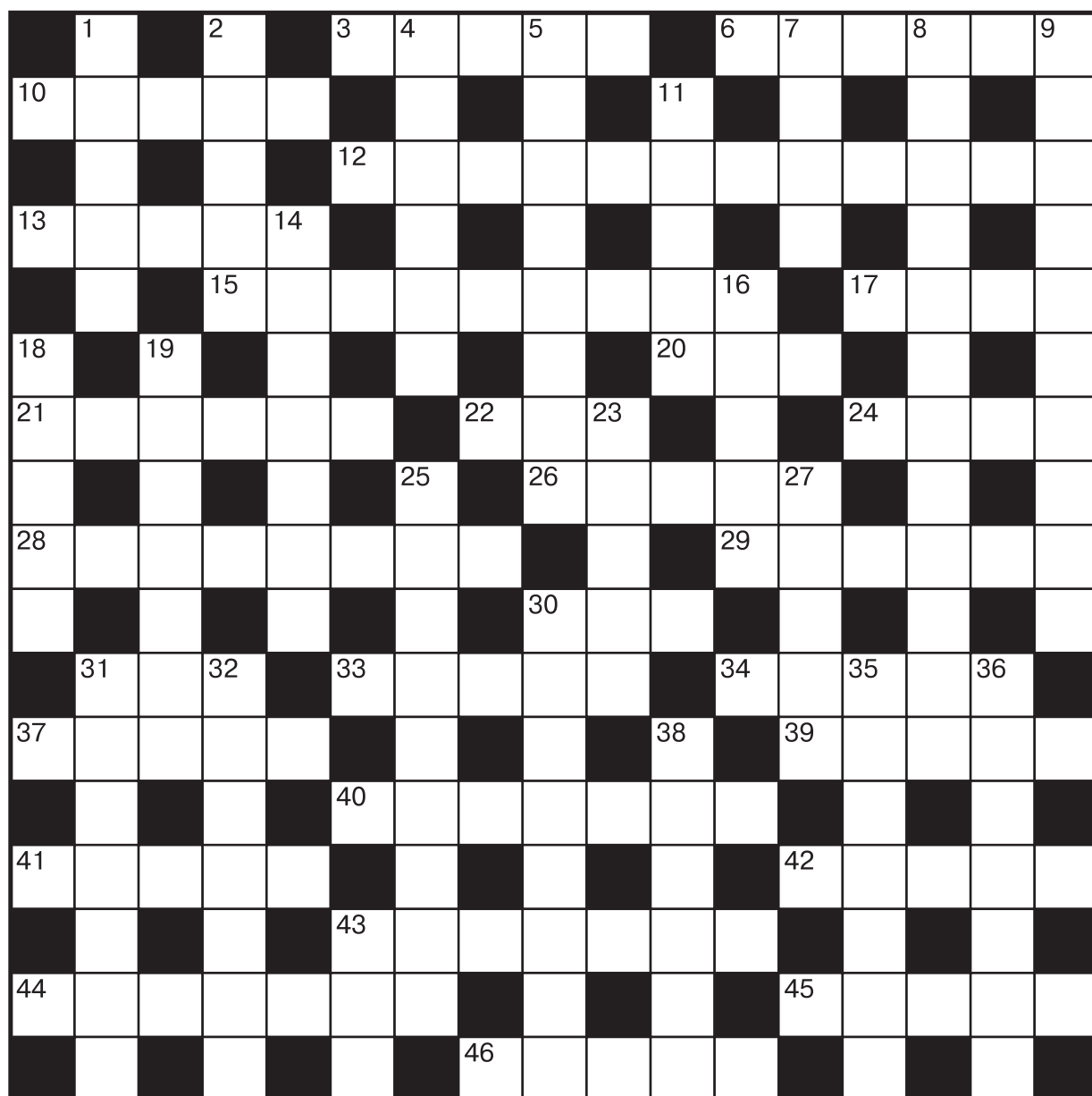
— А если не найдет? — задумчиво поинтересовался фээсбэшник и сам же ответил: — Значит, где-то в апреле мы обнаружим то, что от него осталось.

— Или не обнаружим, — вздохнул особист.

— Или не обнаружим, — согласился фээсбэшник. □

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Какие штаны не протрешь на коленках? **6.** Чей безумный день описан у Пьера де Бомарше? **10.** Какой общественный транспорт «света белого не видит»? **12.** Исключительно корыстные интересы. **13.** С какой горы боги древних греков наблюдали за простыми смертными? **15.** «Завхоз» в доме «дяди Федора» из Простоквашина.

17. Какой цветок древние римляне посвятили богу молчания? **20.** «В далеком созвездии ... Кита все стало для нас непонятно». **21.** Марсианка у Алексея Толстого. **22.** Какая рыба, кроме ската, может быть электрической? **24.** Короткое сообщение из Интернета. **26.** «Их села и нивы за буйный ... обрек он мечам и пожарам». **28.** Человек, читающий «Анну

Каренину» глазами возможного палача. **29.** В какую сторону «всегда смотрит» раскрывшийся подсолнух? **30.** Труженик турбюро. **31.** Стиль Эминема. **33.** Кто попал в интересное положение от «золотого дождя»? **34.** Орфографический знак. **37.** Телячий пастух из русского фольклора. **39.** Какая «телефонная компания» когда-то поставляла противогазы для нужд финской армии? **40.** Краля из частушек. **41.** Какое явление бывает стабильным и блуждающим? **42.** Кто мечтает разбогатеть, полагаясь исключительно на удачу? **43.** «Друг по оружию». **44.** Кто готовит еду в полевых условиях? **45.** Спортивный отрок. **46.** Вид на фотографии из паспорта.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Планета между планетой войны и планетой любви. **2.** У каких братьев Александр Пушкин позаимствовал сюжет сказки о Золотой рыбке? **4.** Какая «главная задача» стоит перед свиноводами? **5.** Какой город предпочитал объезжать стороной французский писатель Альфонс Доде, опасаясь мести

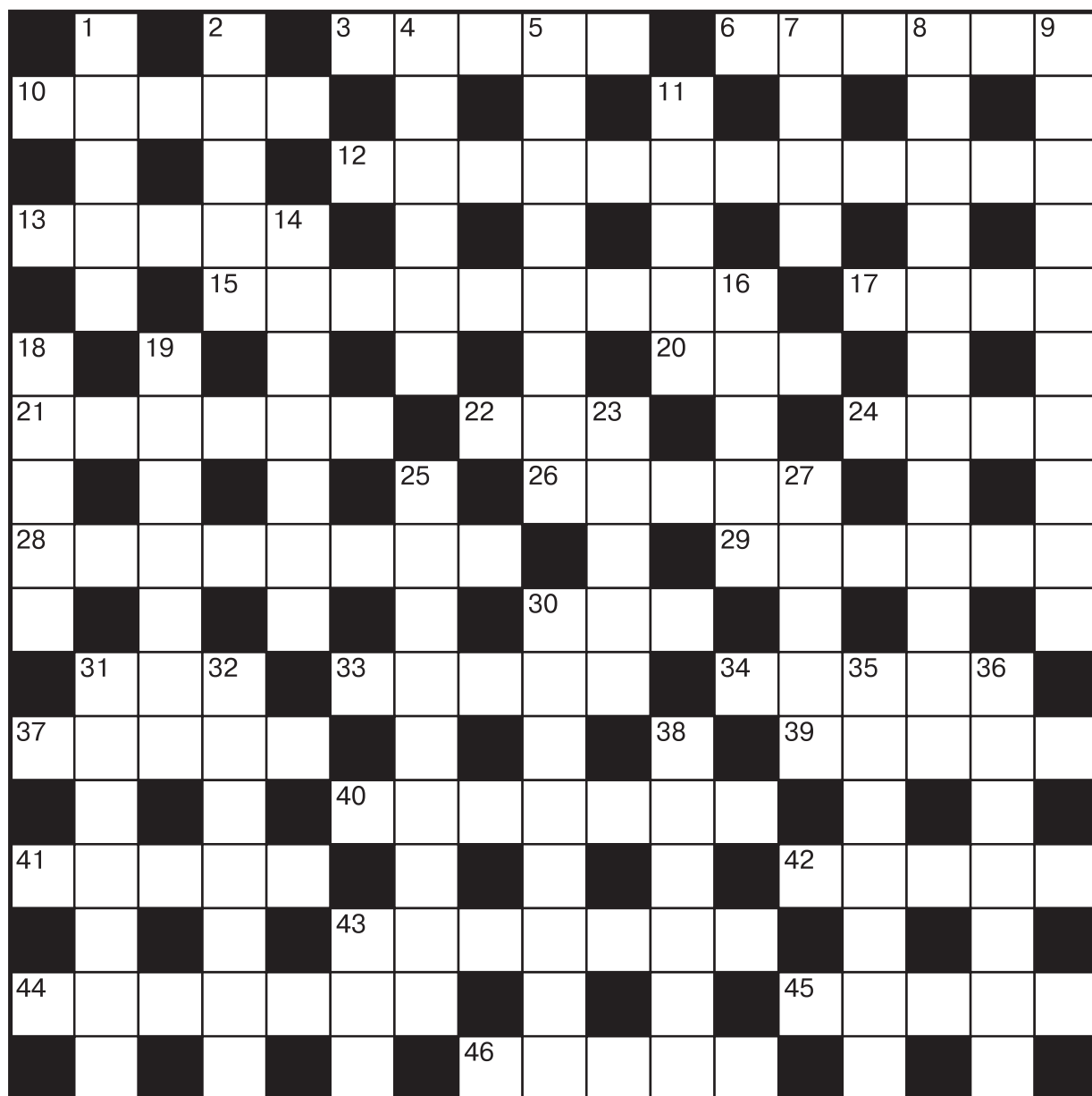
его жителей? **7.** Она «не может сама себя воплотить в жизнь, нужен тот, кто это сделает». **8.** Кто по телефону разговаривает, когда хозяин в отлучке? **9.** «Научный анализ» имен собственных. **11.** Какой минерал прозвали «золотом для дураков»? **14.** Что у жителей Мадагаскара запрещено трогать в доме из суеверных соображений? **16.** «Если был бы я богатым, то другой сложил ...» **18.** Кипяток вулканического звучания. **19.** «Экскурс в прошлое» по ходу фильма. **23.** Как звали первую жену Федора Достоевского? **25.** Какую лестницу американец Джесс Рено запатентовал 15 марта 1892 года? **27.** Для кого Ван Гог написал первую картину из серии «Подсолнухи»? **30.** Военный поселок. **31.** Скелет сложного химического соединения. **32.** Какое лекарство разорило бы все фармацевтические компании? **35.** Цирковой занавес. **36.** Советский поэт, помогавший Елене Булгаковой пробиловать издание произведений Мастера. **38.** «Первобытная коммуна». **43.** «Окошки в ... веселый, где липы престарелы с черемухой цветут».

Ответы на кроссворд, опубликованный в №11

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Рагу. **3.** Ужас. **7.** Тяжба. **11.** Поло. **12.** Дедовщина. **13.** Смерч. **14.** Марк. **17.** Веник. **20.** Вереск. **21.** Пот. **22.** «Травиата». **24.** Стакан. **28.** Возрождение. **29.** Бруней. **30.** Лилль. **34.** Казахстан. **37.** Портман. **38.** Радий. **39.** «Наири». **41.** Трава. **42.** Сцена. **43.** Обои. **44.** Динго. **45.** Раунд. **46.** Ясень. **47.** Аист. **48.** Штаны.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Роды. **2.** Гаджет. **4.** Жуир. **5.** Спам. **6.** Кляр. **8.** Ярмарка. **9.** Бариста. **10.** Иврит. **15.** Адажио. **16.** Квас. **17.** Ворошилов. **18.** Кража. **19.** Эвбея. **23.** Пролетариат. **25.** Тартар. **26.** Кент. **27.** «Найк». **31.** Сан. **32.** Баталист. **33.** Эстрагон. **34.** Карвинг. **35.** Нарцисс. **36.** Пианино. **40.** Вода. **41.** Торс.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Уральский город с парком гигантских канцелярских товаров. **6.** Какой нож носили при себе женщины из самурайских семей? **10.** Город с интернатом, где великая Коко Шанель освоила основы кройки и шитья. **12.** Кто на работе руководствуется исключительно личной выгодой? **13.** Древняя лира из панциря черепахи. **15.** Сан-

тал, чья древесина идет на смычки и дирижерские палочки. **17.** Орехи на оршад **20.** «Маркиз» из Китая. **21.** Французская степень, дающая право, отучившись, начать преподавать самому. **22.** Чистильщик в друзьях маленького лорда Фаунтлероя. **24.** Итальянский город, связанный сразу с тремя сражениями второй Пунической войны. **26.** Украшение гу-

сарского кивера. **28.** Скульптурное произведение из размятой и обожженной глины. **29.** «Благодать Божья» из Корана. **30.** Лошадиный жир в казахской кухне. **31.** «Мистический» метод толкования священных текстов в иудаизме. **33.** Бледный яхонт. **34.** Молдавский кагор. **37.** Функция, чей знак предложил великий математик Леонард Эйлер. **39.** Где расположен самый крупный университет на Гавайях? **40.** Какой металл назвали в честь нашей страны? **41.** Самый крупный хищник на Мадагаскаре. **42.** Секретарь Александра Македонского. **43.** Макароны «спиральки» из Италии. **44.** Первобытное племя, в котором некоторое время жил легендарный летчик Чарлз Линдберг. **45.** Какое «судовое изобретение» запатентовал в 1885 году англичанин Холл? **46.** Как звали мать Чарли Чаплина?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Мелкий торговец наркотиками. **2.** Турецкая золотая монета. **4.** Тайм в бейсболе. **5.** Мужская половина султанского дворца. **7.** Кого провозгласил «еди-

ным богом» муж царицы Нефертити? **8.** Танец придворных дам у филиппинцев. **9.** Человеческое тело Будды. **11.** Синоним алкаша из рассказа «К славе» Александра Куприна. **14.** Какая актриса стала музой для Энди Уорхола? **16.** «Замесила божья мать сын ...» **18.** Что тибетские монахи наполняют разноцветным песком, чтобы рисовать мандалу? **19.** Состояние эмоционального трепета от удовольствия. **23.** Пастушья собака из Венгрии. **25.** Динозавр с «булавой» на хвосте. **27.** Шерстяная накидка у галлов. **30.** Русский пирог с целиковой рыбиной. **31.** В какой партии из оперы «Демон» Антона Рубинштейна дебютировал на сцене Большого театра великий тенор Леонид Собинов? **32.** Святой, основавший в X веке на месте нынешнего Вестминстерского аббатства монастырь, посвященный апостолу Петру. **35.** Свиная закуска к дерунам. **36.** Из какого сословия происходил Исаак Ньютон? **38.** Какой психиатр первым описал абстинентный синдром? **43.** Кто облобызал героя рассказа «Забывтый поцелуй» Александра Куприна?

Ответы на эрудит, опубликованный в №11

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Маар. **3.** Ишак. **7.** Хакал. **11.** Райч. **12.** Гуанабара. **13.** Аггер. **14.** Клам. **17.** Кутум. **20.** Уорхол. **21.** Пар. **22.** Кантарос. **24.** Трясок. **28.** Дарданариат. **29.** Исидор. **30.** Галлы. **34.** Цахкадзор. **37.** Гриффин. **38.** Налуч. **39.** Фанни. **41.** Спорк. **42.** Марли. **43.** Пиво. **44.** Чарки. **45.** Айоли. **46.** Сирма. **47.** Няня. **48.** Стайн.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Мига. **2.** Абатур. **4.** Шпат. **5.** Крак. **6.** Айра. **8.** Авгурия. **9.** Агемоно. **10.** Машук. **15.** Ларнак. **16.** Муст. **17.** Калачакра. **18.** Майне. **19.** Стерх. **23.** Адельфопоюя. **25.** Роскон. **26.** Седо. **27.** Корф. **31.** Ман. **32.** Акванавт. **33.** Одинокий. **34.** Цитраль. **35.** Рамария. **36.** Буглама. **40.** Спин. **41.** Сван.

Уважаемые читатели! С 1 октября открыта подписка на 1-е полугодие 2020 года через редакцию. Условия оформления подписки на журнал:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 132 рубля 00 копеек	За 1 номер — 159 рублей 50 копеек
За полугодие — 792 рубля 00 копеек	За полугодие — 957 рублей 00 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

Для чтения журнала в электронном виде (компьютер, iPhone, iPad и иные гаджеты).

Стоимость подписки на 1 месяц	Стоимость подписки на 3 месяца	Стоимость подписки на 6 месяцев
46 рублей 20 копеек	138 рублей 60 копеек	277 рублей 20 копеек

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на 2020 год во всех отделениях почтовой связи.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ ФГУП «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		Индекс П2446 — льготный (4 категории) Индекс — П2431 — для всех подписчиков Индекс — П3292 — годовой online сервис https://podpiska.pochta.ru
КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

ВНИМАНИЕ, **КОНКУРС!**

Дорогие читатели!

Сегодня проблема отцов и детей остается такой же актуальной, какой была еще в тургеневские времена. Наверное, в каждой семье бывают разногласия между детьми и родителями, которые порой пытаются навязать ребенку свое видение образа жизни.

А ведь рецепт очень прост: надо всего лишь проявлять больше внимания и терпения друг к другу и, конечно, в первую очередь, — просто любить...

Расскажите о своей семье, о своих благополучных — и не очень — детях, о проблемах, связанных с ними. И даже если вы, как говорится, живете «в унисон», наверное, вам есть что рассказать нам и читателям.

Вот мы и решили в 2020 году объявить среди наших подписчиков **новый конкурс «Отцы и дети».**

Тексты с пометкой «На конкурс»
принимаются объемом 5–10 страниц (до 25 тысяч знаков)
в электронном виде на адрес: **tomasmena@mail.ru**
до 30 октября 2020 года.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в первых номерах 2021 года, а трое победителей получают премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

